Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МОЯ ЖИЗНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В издании представлен автобиографический роман о жизни канадского писателя, художника-анималиста, естествоиспытателя Эрнеста Сетон-Томпсона.

- Эрнест Сетон-Томпсон
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - Глава XVI
  - Глава XVII
  - Глава XVIII
  - Глава XIX
  - Глава XX
  - Глава XXI
  - Глава XXII
  - Глава XXIII
  - Глава XXIV
  - Глава XXV
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

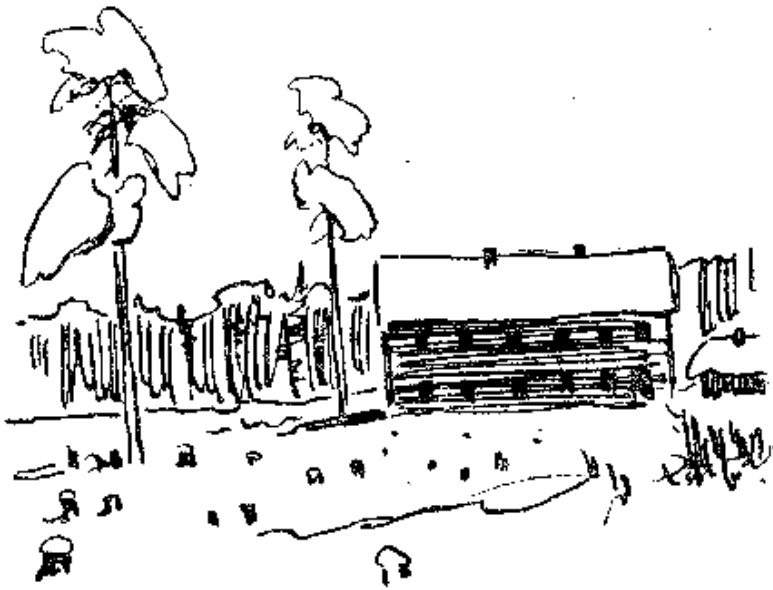
Эрнест Сетон-Томпсон

Моя жизнь

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МОЯ ЖИЗНЬ

РОСТОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов-на-Дону — 1957



Глава I

ИЗ АНГЛИИ В КАНАДУ

Я родился на севере Англии, в приморском городке Саус-Шильдс, где издавна жили предки отца, выходцы из Шотландии. Мой отец владел несколькими судами, которые перевозили товары за океан. Дед и все его родственники были также судовладельцами. Однако отец пошел этой дорогой не по своему желанию — он подчинился воле деда. Ему хотелось стать инженером и заняться строительством железных дорог, но дед сказал ему:

— Все это глупости. Железные дороги — это лишь пустая болтовня, пошумят о них немного, и на этом дело и кончится. Пройдет года три, все о них забудут, и мы снова вернемся к лошадям и каретам.

Это было в 1837 году.

Дела моего отца шли довольно успешно, и когда в 1840 году он женился на моей матери, у него уже было достаточно средств, чтобы обеспечить семью. Прошло еще немного времени, и он выстроил себе каменный дом, где и появились на свет десять его сыновей, в том числе и я.

Я родился 14 августа 1860 года.

Из окон нашего дома открывался очень красивый вид на поля и долины. Мы любовались стадами коз и овец, которые там паслись, и заслушивались песнями жаворонков. А в туманные вечера, когда кругом была мгла, к нам доносился с берега моря заунывный вой сирены и навевал тоску. В такие вечера я любил прислушиваться к тихому голосу матери, когда она рассказывала про старину.

В нашей семье жила память об одном замечательном предке, его называли Непобедимый Джорди. Он прославился своими замечательными подвигами в битвах за Шотландию.

Сколько раз в жизненных битвах, когда, казалось, все мои карты были биты и угасала последняя искра надежды, я вспоминал рассказы матери об отважном предке и говорил себе:

«Он никогда не сдавался, никогда не терял поражения, и я должен выйти победителем».

И всегда эта мысль подымала мои силы и вселяла уверенность в моем сердце, а потом приносила победу в жизни.

Мне еще не исполнилось шести лет, когда дела моего отца

пошатнулись, и мы уехали из Англии.

Как сейчас помню летний день 1866 года. Отец, мать, мы, десять сыновей, и кузина Мери Берфильд, приемная дочь моих родителей, — все в сборе перед отъездом. Перед моими глазами кучи ящиков, перевязанных крепкими просмоленными веревками. Потом дешевая гостиница в Глазго с неприятным запахом кошек — там мы прожили сутки, ожидая посадки на пароход «Святой Патрик», который должен был доставить нас в Квебек.

Помню, что на пароходе мы ехали три недели, и что там было ужасно много крыс, и особенно их было много в зале по вечерам, где, мне казалось, они собирались, чтобы повеселиться.

От Квебека осталась в памяти большая скала, заслонявшая окна гостиницы, в которой нас кормили кислым хлебом. Там я слыхал, как рассказывали, что где-то недалеко у кузнеца жил ручной медведь. Но мне не пришлось его увидеть, о чем я очень жалел.

От Квебека до Линдсея (штат Онтарио) — конечной цели нашего путешествия — мы долго ехали поездом через болотистые места, поросшие лиственницами и соснами.

Особенно запомнился мне один вечер. Мы уже собирались ложиться спать, когда отец, выглянув в окно, позвал нас к себе. Я так и замер от изумления. Всюду в лесу сияли, мерцали, вертелись какие-то летающие огоньки, похожие на падающие звезды. Казалось, мы попали в сказочную страну.

Когда поезд промчался дальше и чудесное зрелище исчезло, отец объяснил нам, что это были не падающие звезды, а светлячки.

Июль и август 1866 года мы провели в городе Линдсее. Я очень хорошо помню его деревянные тротуары, огромные пни сосен, торчащие среди улиц, босоногих девочек и мальчиков, передразнивающих нас, потому что мы говорили не по-канадски, неугомонное стрекотание кузнечиков среди густых зарослей сорных трав и яблони, увешанные яблоками.

Глава II

НА ФЕРМЕ

Отец теперь решил заняться фермерским хозяйством и купил участок земли, расположенный среди леса, в трех-четырех милях от города. На усадьбе стояли небольшой бревенчатый дом и несколько сараев и навесов.

Осенью, вскоре после того как мы переехали на ферму, произошло одно событие, взволновавшее нас.

К нам прибежал сосед и закричал:

— Доставайте ружья — олень в нашем лесу!

Отец и старшие братья выбежали, захватив с собой охотничьи ружья. Братья Вилли и Джо пошли с топорами.

Они срубили небольшое деревцо. Вдруг Вилли сказал:

— Посмотри, вон там олень.

И в самом деле, совсем недалеко стоял олень, насторожив уши, он сосредоточенно смотрел на братьев.

Джо сказал:

— Я сбегаю за ружьем.

— Да ведь оленя не будет здесь через минуту! — прошептал Вилли.

— Я все-таки побегу, — настаивал Джо, — а ты последи за ним.

Когда Джо вернулся с ружьем, олень все еще стоял на месте и пристально смотрел на братьев.

Джо выстрелил и уложил зверя на месте — пуля попала в сердце.

Не прошло и получаса, как сбежались со всех концов люди и поздравляли брата с удачной охотой. Но потом вдруг в толпе пронесся шепот смущения — оказалось, что это был не олень, а беременная лань.

Я подошел к ней близко и обнял ее пушистую шею. До сих пор помню, какая она была нежная и мягкая. Глаза все еще казались осмысленными и живыми, хотя лань была уже неподвижна, как камень.

* * *

Бревенчатое здание школы находилось на расстоянии мили от нашего дома. Несмотря на то, что мне было всего лишь шесть лет, меня посылали в школу каждое утро вместе с восьмилетним братом. Там я проводил шесть часов.

В этой маленькой школе была только одна печка, и сами ученики рубили дрова для нее и поддерживали огонь.

Как-то раз учительница сказала мне:

— Эрнест, положи вон тот сучок в печку.

Это было целое событие в моей жизни.

Я гордо прошел через весь класс, открыл дверцу печки и сунул сучок.

— Нет, — сказала учительница, — ты неправильно сделал. Джонни Блекуэл, покажи, как надо подкладывать дрова.

С надменностью, которая объяснялась превосходством лет и опыта — Джонни было уже шесть с половиной лет, — мальчик вынул мой сучок из печки, выдвинул кочергой горячие угли на решетку и осторожно сунул сучок. Потом он закрыл дверцу, открыл поддувало и, окинув меня презрительным взглядом, отправился на свое место. Этой обиды я долго не мог забыть.

В хорошую погоду мне было нетрудно дойти до школы, а потом пройти обратный путь домой. Но вот наступили холода, вода в канавах подернулась льдом, и скоро пошел снег. Сначала нам было очень весело бродить по свежему снегу. Потом погода становилась все холоднее и холоднее. Однажды, в конце ноября по дороге домой я так озяб, что был не в силах двигаться дальше. Я лег на снег.

У меня осталось об этом смутное воспоминание. Помню только, что сначала мне было очень холодно, а потом очень захотелось спать. Брат Артур понял, что жизнь моя в опасности. Он стал кричать на меня, грозил мне, всеми силами стараясь заставить меня дойти до дома.

В эту зиму меня больше не посылали в школу.

Мать привыкла, что дом у нее — полная чаша, и обычно держала нескольких опытных помощниц. Теперь же все хозяйство она вела вдвоем с нашей кузиной Мери и даже сама доила коров.

Все наше многочисленное семейство ютилось в одной большой комнате бревенчатой хижины. За перегородкой в одном конце помещались мать с отцом, в другом — двоюродная сестра. Мы же, мальчики, размещались в гамаках или же уходили спать на чердак, где ветер гулял, как в поле, и снег засыпал наши постели.

В конце концов на остатки своего капитала отец стал строить большой дом. «Он должен быть просторным — ведь здесь мы

проживем всю нашу жизнь», — все время повторял он.

В январе 1867 года дом был закончен, и мы переселились туда.

Я помню каждый его кирпич, каждую планку и до сих пор помню запах известки и свежего дерева в сырых, холодных комнатах.

Пришла зима с сильными морозами, снег с каждым днем становился все глубже. Отец со старшими братьями отправлялся каждый день в лес рубить дрова. Мы же, младшие ребята, вчетвером оставались дома и играли в мастерской. Это была большая комната в северо-восточной части дома; она была предназначена главным образом для столярных работ, но здесь же мы научились, как обращаться с кожей, стеклом и металлом. Это была наша школа ручного труда. Мы всегда сами мастерили все, что нам было нужно для наших игр и занятий.

И как бы я хотел сейчас иметь некоторые из этих вещей, сделанных детскими руками, и особенно мою резьбу по дереву с изображением птиц и зверей!

* * *

В первое же лето на ферме я научился читать. Хорошо помню, с каким восторгом я прочел первую строчку в газете и с какой гордостью сказал своему сопернику Джо Блекуэлу, что я часто читаю газету. Но Джонни совсем не удивился, а только с пренебрежением сказал:

— Ну тебя, это неправда!

После этого мы с ним так сильно подрались, что нас пришлось разнимать.

Ученье давалось мне легко, и все учителя хвалили меня и говорили моим родителям, что я самый способный мальчик в школе.

В школу мы отправлялись ежедневно в восемь часов. Нам давали с собой завтрак, и почему-то он всегда был одним и тем же — сандвич с мясом, сандвич с джемом и крутое яйцо. В конце концов я возненавидел все это на всю жизнь.

Наше путешествие в школу не обходилось без приключений. Нам обычно попадались навстречу стада коров и овец, в которых всегда были быки и бараны. Мы особенно боялись баранов, потому что они часто нападали на нас, и как только, бывало, увидим стадо, отбегали на самый край дороги, чтобы дать ему

пройти, или же прятались за изгородь.

Если вы думаете, что коровы — это просто коровы, вы ошибаетесь: коровы на нашей ферме были совершенно особенные. Я был в восторге, когда в первый раз встретил Дженни, нашу буренку, со сломанным рогом, — я сразу увидел в ней героиню моих будущих рассказов, ту самую, которая забодала собаку.

Потом у нас была еще Черри, большая красно-бурая корова. Она давала очень много молока, и у нее была телочка Салли. Была корова Звездочка — мы назвали ее так из-за белого пятнышка на лбу.

За свою жизнь я видел много коров, были у меня и свои, которых я сам доил, но ни одна из них не запечатлелась в моей памяти так живо и ярко, как те, за которыми я ухаживал в детстве.

У каждого из нас, малышей, была корова, о которой он должен был заботиться. Наши обязанности состояли в следующем. Утром в восемь часов мы должны были отвязать свою корову и выпустить ее на скотный двор. И если, как это обычно бывало, она шла к колонке, мы должны были накачать достаточно воды, чтобы хорошо напоить ее. Зимой это было трудным делом — вода часто замерзала в колонке, и нам приходилось долго трудиться и отбивать лед, прежде чем напоить свою питомицу.

После того как мы выгоняли своих коров, надо было почистить стойло и ясли. Отходы соломы из яслей шли на подстилку, а в ясли клали свежую солому. Вечером мы загоняли коров на ночь.

Все это как будто нетрудно сделать, но зима была суровая, а мы были плохо обуты и одеты, и не проходило дня, чтобы я не страдал от мучительной боли в окоченевших пальцах и не отмораживал себе нос и уши.

* * *

Долго-долго тянулась эта зима. В марте наконец пришел настоящий весенний день — сияло солнце, всюду таял снег, и небо было ярко-ярко синее.

Маленькая птичка прилетела на тополь около нашего дома и тихо запела. Кто-то из старших мальчиков сказал, что это синяя птица. Мне показалось, что я видел ее синюю спинку. Снова и снова пела она свою нежную песенку.

Не знаю почему, но я вдруг разрыдался. Я был взволнован

этой песней до глубины души. С тех пор каждый год я ждал свою синюю птичку и с ней весну.

Скоро весна завладела землей. В небесах и в лесу распевали и перекликались птицы, на пригорках шумели бурные ручейки.

В лесу появились какие-то маленькие цветочки. Мы их назвали «крапинками».

Я очень хорошо помню, как в один из этих весенних дней я нашел птенчика маленькой коричневой птички — ее гнездо было свито на самой земле, у ручья. Много лет спустя я узнал, что это был певчий воробей.

Мы пробовали сами устраивать гнезда на земле, подражая птичьим, и ждали маленьких гостей. Но увы, напрасны были наши ожидания: все эти маленькие гнездышки на земле оставались пустыми.

Проще было дело с курами. Нам, детям, было поручено собирать куриные яйца. Чтобы легче найти, где несутся наши куры, мы устраивали им гнезда где-нибудь в укромном уголке и там обычно находили яйца.

Наш сарай был сложен из бревен и покрыт огромной соломенной крышей; эта крыша была излюбленным местом несушек, а значит — чудесным местом для нашей охоты за яйцами.

А кроме того, здесь можно было уединиться от всего мира и мечтать в одиночестве.

Как-то раз я лежал, вытянувшись на спине и смотрел вверх. Огромные облака, словно высеченные из белого камня, плавно передвигались надо мной, порой заслоняя лазурь неба. Порой они сталкивались бесшумно, потом расходились в стороны, и тогда открывалась бездонная синева.

И вдруг на этом великолепном фоне я увидел очертания двух чудесных птиц, ко мне донеслись издалека трубные звуки их голосов. Это были белые журавли — самые изящные создания из всего пернатого царства.

Торжественные, волнующие звуки их трубных голосов до сих пор отдаются эхом в моем сердце. Чего бы я не отдал, чтобы услышать их сейчас так, как я слышал тогда, и увидеть их теми юными глазами!

Но увы, я теперь стар, и волшебная птица исчезла, исчезла навсегда.

* * *

С весной наступала новая пора в нашей жизни, и, хотя мы все помогали в хозяйстве, это не мешало нашим детским похождениям, мы находили много птичьих гнезд и радовались каждой новой находке, особенно я — для меня это были сокровища. Вспоминая теперь свои детские переживания, я должен сказать, что гнезда с яйцами доставляли нам больше радости, чем гнезда с птенцами.

Только немногих птиц мы знали по именам: красногрудого дрозда, ворону, ястреба, сову, дятла, куропатку, голубую горихвостку, колибри. А как мне хотелось знать больше! Всем своим существом я жаждал этих знаний. Но у нас не было книг, и мы не знали никого, кто бы мог помочь нам в этом отношении.

Интересно, мучаются ли так и другие мальчики, как мучился я, когда становился в тупик перед неразгаданной загадкой. Когда я видел новую птицу, у меня захватывало дыхание и, казалось, волосы шевелились на голове, а когда птица улетала, оставив меня снова в неведении, я горевал, словно потерял близкого друга.

Наконец, я узнал, что у некоего Чарли Фолея, хозяина скобяной лавки, есть птичьи чучела. Долго мне пришлось уговаривать родных, прежде чем я попал в город и встретился с этим замечательным человеком. Взволнованный, я прошел молча в его комнату через скобяную лавку, а там по стенам на деревянных полочках я увидел сорок или пятьдесят птичьих чучел.

Чарли Фолей мало говорил со мной, потому что с ним был его товарищ, охотник, и они беседовали о собаках.

Но он мне назвал кардинала, лесную утку, голубого журавля, чайку, черную ласточку.

В комнате Чарли Фолея мне удалось разгадать одну загадку. Однажды в лесу мой брат выстрелил в сову. Птица упала с подбитым крылом, и мы ее принесли домой. Я хорошо запомнил ее желтые глаза и пушистые перья, помнил, как она шипела и щелкала клювом, когда я смотрел на нее издалека. Нам сказали, что это очень опасная птица. Я узнал ее среди чучел Чарли Фолея. Это была ястребиная сова — одно из самых безобидных созданий, которое обитает в темных лесах.

Названия птиц и их внешний облик глубоко запечатлелись в моей памяти. Как я хотел бы знать, жив ли еще Чарли Фолей и знает ли он, сколько радости доставил мне в тот день!

* * *

К нам часто заходил старый охотник Чарлз Пиль. Он мог часами сидеть у огня и говорить о старине.

Как я любил слушать его рассказы! Сколько медведей и оленей убил он! Что за ужасные чудовища были медведи в то время! И какой храбрый охотник был Пиль! Каждое его слово было откровением для меня, и я ужасно огорчался, когда на самой середине героического рассказа отец напоминал мне, что пора ложиться спать. Я уходил медленно-медленно, боясь рассердить отца, и ловил каждое слово этих чудесных рассказов. Я не сомневался, что медведей в те времена здесь были целые миллионы, а волков еще больше.

Однажды вечером, когда я ложился спать весь под впечатлением этих волнующих рассказов, я вдруг увидел при свете догорающей печки совсем близко около моей кровати голову волка. Я весь похолодел от страха. Волк в моей комнате! Я чувствовал, как волосы стали дыбом на моей голове. Но потом, немного придя в себя, я стал качать головой из стороны в сторону и обнаружил, что голова волка была всего лишь тенью на стене от моей головы и складок ватного одеяла, которое я надвинул на лицо. О своих страхах я никому не рассказывал до сегодняшнего дня.

Я никогда не терял случая побывать у Пиля. У него была очень большая семья — семнадцать детей. Мне было хорошо у них.

Там всегда было много интересного: шкурка енота, прибитая на стене сарая, пара оленьих рогов на гребне крыши.

Я с волнением выслушивал рассказы о набегах рыси на курятник, где среди кур расхаживал красавец павлин.

Однажды весной у охотника Пиля вороны высидели птенцов в ящике, прибитом на черном ходу. Я очень любил кормить этих воронят. Они никогда не отказывались от еды и готовы были проглотить мой палец вместе с лакомым кусочком.

Как-то раз одна из девочек сказала:

— Возьми к себе домой одного малыша.

Я с восторгом принял этот подарок. Всю дорогу я гладил и ласкал вороненка. Дома я посадил его в просторную клетку и кормил каждые полчаса.

На следующее утро я встал очень рано, чтобы досыта накормить своего крикливого питомца перед уходом в школу.

Весь день мои мысли летели к нему. Без минуты опаздания, ровно в четыре часа, я был дома. Я подбежал к клетке — на дне ее лежал мертвый вороненок. Слезы хлынули из моих глаз, и я не мог их остановить.

Вороненок умер от голода — его нужно было кормить каждый час, потому что в этом возрасте он очень быстро растет и требует много пищи.

Я рыдал и долго не мог успокоиться. Кузина Мери утешала меня и приговаривала:

— Почему же, почему же ты мне ничего не сказал? Я бы накормила его.

Никогда не забуду одного дня моего детства. Мы гнали коров с пастбища со старшим братом Джорджем и соседом Джимом Паркером. Пара ворон пролетала над нами. И вдруг с небольшого деревца сорвалась маленькая птичка, оглашая воздух пронзительным воинственным криком. Она кинулась сначала на одну, потом на другую ворону. Те бросились стремительно в сторону и улетели в лес.

— Кто это? — спросил я.

— Это королевская птица, — ответил брат. — Она заклюет любую птицу.

— Королевская птица! — прошептал я в волнении.

Она жила до сих пор только в моих мечтах. Я думал, что это очень редкая птица дальних стран. Теперь я увидел ее собственными глазами у нас — она стала для меня реальностью. Она жила и сражалась с нашими воронами. Это было потрясающее, необычайное открытие.

С этого дня маленькая героическая птичка завладела моими мыслями. Я всегда преклонялся перед героями и включил ее в

мой список «знатных». С каждым годом я узнавал все больше и больше о ней, и, когда мне было шестнадцать лет, я написал героическую поэму «Королевская птица». Она была напечатана в 1879 году. Это было началом моей писательской деятельности.

* * *

Четыре года мы прожили на ферме среди лесов. На восток лес тянулся непрерывным массивом, и я не видел там ни просек, ни полян — только один дремучий лес. Мне казалось, что этот лес тянется до конца света.

Потом наступила большая перемена в нашей жизни. Отец не справился с фермерским хозяйством, и старшие братья один за другим занялись другой работой.

А однажды мать сказала, что мы скоро переедем жить в город Торонто. Я отыскал этот город на карте в школе и сказал своим товарищам, что мы теперь будем жить в городе «Оронто».

12 апреля 1870 года мы распрощались с нашей фермой и сели в поезд на вокзале в городе Линдсее. Мы ехали в Торонто.

Глава III

ПРИРОДА В ГОРОДЕ

Когда мы покинули нашу ферму и переехали жить в город Торонто, мне казалось, что я навсегда оторвался от природы. Но мечты с неудержимой силой снова и снова уносили меня в любимый мир. В памяти оживали дремучие леса, населенные птицами, и маленькая комнатка Чарли Фолея с белыми стенами, на которых висело шесть полочек с чучелами птиц. Я мечтал, что когда-нибудь и у меня будет такая же комната с такими же полочками и на каждой из них будет стоять по чучелу.

Но чучела не сделаешь, не поймав птицы. Я стал расставлять сети, западни и пускать свои стрелы из лука.

Досадно бывало, когда поймаешь или увидишь незнакомую птичку и не знаешь и не можешь догадаться, как она называется, и ни от кого не узнаешь ее имени. Зато облик каждой птицы, которую я видел вблизи, долго жил в моей памяти.

На одной из улиц города мне посчастливилось найти мастерскую чучел, и я часами простаивал перед ее окном, прижавшись носом к стеклу, и любовался птицами.

Вскоре на этой же улице открылась еще одна мастерская чучел. На ее витрине было выставлено много птиц, и, к радости моей, под некоторыми из птичьих чучел были прибиты дощечки с названиями.

У брата моего товарища в застекленном ящике стояло чучело золотокрылого дятла — трофея его охоты. Юноша иногда пускал меня к себе в комнату и подробно рассказывал, как он подстрелил дятла. Я молча любовался красивым чучелом и жадно слушал его рассказы. Один раз я заметил на пустыре птицу величиной с дрозда. Оперение ее было пепельно-серого цвета, с бронзово-желтым отливом на спине и голове.

Что это была за птица? Я так и не узнал тогда, несмотря на все старания. Но она была так хороша и так отчетливо запечатлелась в памяти, что десять лет спустя я узнал ее на иллюстрации одной орнитологической книги. Это был красный щур в своем первом оперении. Но в то время у меня не было ни одной книги об американских птицах, и я не знал даже, что такие книги существуют. Вся литература, которая мне попадалась с руки или о которой я слыхал, была посвящена птицам Великобритании, и я блуждал, как в потемках, пробуя изучать

птиц, которых видел вокруг себя.

В библиотеке моего отца было два толстых тома под названием «Иллюстрированный музей живой природы». Две страницы пояснительного текста следовали за каждыми двумя страницами иллюстраций. Я снова и снова рассматривал, читал и перечитывал эти книги и все-таки всегда закрывал их с чувством разочарования — все эти красивые звери и птицы были не наши и жили где-то далеко за морем.

Моим любимым занятием было устройство птичьих домиков. Я мастерил ящики размером 6 х 8 х 10 дюймов и прибивал их к шесту, а потом прикреплял на крыше дома или сарая. И ко мне прилетали белогрудые ласточки, голубые горихвостки, домашние крапивники, черные ласточки и вили свои гнезда в моих домиках.

За нашим домом в Торонто был длинный ряд деревянных навесов, сараев, куч хвороста и тянулся фруктовый сад. Сюда прилетало много птиц из леса. За ними охотились кошки — домашние, полудикие и совсем дикие.

Кошки ютились в стогах сена, под полом сараев и конюшен. Мы с братьями часто наблюдали издалека, как целые выводки котят грелись на солнце. Но стоило нам подойти поближе, как котята в испуге бросались в свое логовище, и мы легко узнавали, где они живут.

Как-то раз мне захотелось половить диких котят, и я устроил незатейливую ловушку из веревки, завязанной петлей и туго натянутой поперек входа в их жилище. Целое утро прослонялись мы с братьями в ожидании. Вот наконец котята вышли, чтобы погреться на солнышке. Мы бросились на них, а они, конечно, помчались домой. Один из котят, тигровой масти, попал в нашу ловушку. Веревка крепко прищемила его за задние лапки. Мы очень обрадовались нашей удачной охоте и думали, что добыча достанется нам без труда. Но мы ошиблись. Котенок визжал и рвался изо всех сил. Вдруг он прыгнул на старшего брата и одним ударом маленькой лапки оставил четыре глубокие раны на его руке. Потом он набросился на другого брата. Что нам было делать? Мы перерезали веревку и пустили котенка на все четыре стороны.

Прошло немного времени, и я задумал дать представление под названием «Дикий Запад». Для этого представления мне необходим был зверинец.

Наш кот Рыжий Билли — большой, оранжевого цвета, с коричневыми, точно у леопарда, пятнами на спине, — мне казалось, очень подходил для нашего зверинца. Его нам подарил наш сосед шесть месяцев назад еще совсем маленьким котенком. Билли рос быстро, с каждым днем становился все сильнее. За

последнее время он редко сидел дома по ночам, а все больше бродил с дикими кошками.

Я решил поймать Билли, разукрасить ему черными, как у тигра, полосами морду, уши и хвост, а также обвести черной краской пятна на спине. Тогда я мог бы его назвать Буола-Буола — дикая кошка.

Но сначала нужно было смастерить клетку. Я взял ящик, вырезал отверстие и подвесил дверцы с задней стороны, а с передней устроил решетку из толстой проволоки. «Из такой клетки ему не уйти», — с гордостью подумал я.

Билли не дичился меня, приходил на мой зов и охотно ел мясо из моих рук. Во время одной из кормежек я обхватил его руками под живот и за шею и потащил к клетке. Если бы вы знали, как он разжирел! Он втрое увеличился в весе за последние два месяца. Билли сильно упирался. Я старался уговорить его, гладил толстую морду и все приговаривал: «Мой славный котик, мой славный котик!»

Вот наконец и клетка. Я втолкнул Билли через открытую дверцу и плотно ее захлопнул.

Билли сейчас же почуял мое предательство. Рыча, он кинулся на решетку. Мне казалось, что она удержит любого зверя, но разъяренный Билли нажал на нее с такой силой, что решетка не выдержала — тонкая проволока соскользнула, образовалось большое отверстие, и мой Билли выскочил как угорелый. Он никогда больше не приходил к нам в дом и совсем перестал доверять человеку. Время от времени нам случалось видеть его, но только издали — Рыжий Билли, красавец кот, теперь все время бродил со своей стаей диких кошек.

* * *

У нас развелось много крыс, несмотря на то что при доме всегда было несколько кошек. Хорошо помню, как крысы убегали от нас целыми стайками, когда вечером с фонарем в руках мы подходили к сараю. Мы часто вспоминали маленького терьера Снапа, нашего верного защитника от крыс, когда мы жили на ферме. Каждую ночь он выходил на охоту и каждое утро победоносно являлся с огромной бурой крысой в зубах.

«Как бы это поймать одну крысу? — задумался я.

На рынке можно было достать крысоловки двух или трех видов. Но для этого прежде всего нужны были деньги, да и кроме

того, все они убивали, а мне нужна было ловушка, которая оставляла бы крысу невредимой. В конце концов я сам стал мастерить крысоловку. В дне бочонка из-под гвоздей я вырезал продолговатое отверстие размером 2 х 8 дюймов и заградил его решеткой из толстой проволоки. В противоположном конце бочонка должна была быть сооружена главная часть ловушки. Задача была нелегкой. От толстой дюймовой доски я отрезал кусок величиной в 20 х 14 дюймов и посредине, на расстоянии четырех дюймов от продольного конца, вырезал круглую трехдюймовую дыру. Внутри по ее окружности я насадил дюжину толстых проволок в полудюйме друг от друга. Каждая из этих проволок была длиной в десять дюймов и заострена на конце. Своими острыми концами проволоки были обращены внутри бочонка. Таким образом, получился тоннель, который постепенно сужался. Доска прикрывала бочонок, как крышка, чтобы легко было открывать ловушку. Для приманки я припас несколько кусочков мяса, и моя ловушка была целиком оборудована. Я поставил ее под навес, где каждую ночь собиралась масса крыс.

На следующее утро, когда мы садились за стол к завтраку, отец спросил меня довольно многозначительно:

— Что это за животное у тебя в том бочонке, сынок?

Меня сразу бросило в жар. Я побежал к навесу. Там, неистово грызя железную решетку, сидела огромная бурая крыса. Моя ловушка удалась на славу! И пока я, не отрывая глаз, рассматривал своего разъяренного пленника, у меня возник вопрос: «Что же нам делать с крысой?» Конечно, ничего не стоило убить ее в бочонке, но этого мне не хотелось.

— Ты бы отнес свою крысу к доктору Уильяму Броди, — посоветовал мне товарищ, — он все время просит, чтобы ему приносили живой корм для гремучих змей — они у него в яме живут.

— Чудесно! Я так и сделаю, это будет интересно — как на арене боя в Риме во времена Нерона.

Итак, я покатил свой бочонок с крысой к дому, где жил доктор Броди.

Броди был зубным врачом. Свое дело он не любил, и немудрено, что оно у него не ладилось. Естествознание же увлекало его. Птицы, звери, пресмыкающиеся, цветы и всякие растения — все, что летало, ползало, росло среди дикой природы, поглощало его внимание. В городе он слыл за чудака, и злые языки говорили, что Броди любит своих гремучих змей больше всего на свете.

Когда доктор увидел мою крысу, у него глаза заблестели от радости. Он хотел уже было пустить ее в террариум к змеям, но

потом вдруг остановился — слишком беспокойно вела себя крыса и все грызла, грызла и грызла железную решетку ловушки.

— Почем знать, кто из них возьмет верх? Легко может случиться, что гремучие змеи, вместо того чтобы полакомиться крысой, станут ее жертвой.

И старик пустил крысу в ящик, где валялся старый сапог.

Крыса покружилась немного по ящику, потом заметила сапог и шмыгнула в него. Из дырки показался хвост.

— Она может обидеть моих милочек, — сказал чудак старик, схватив крысу за хвост. — Этого я не допущу.

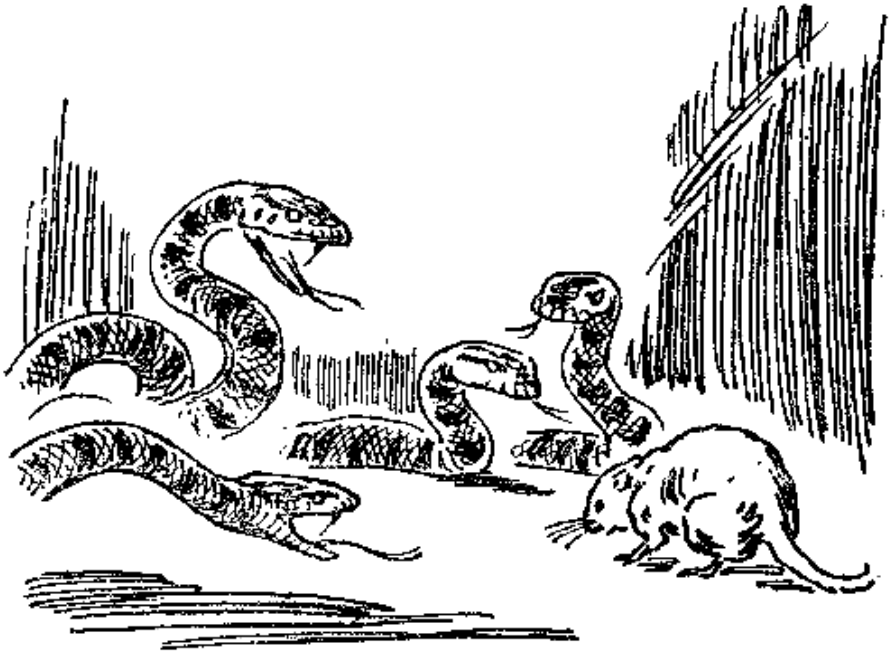
Броди взял старые щипцы из своего зубоврачебного кабинета и выдернул и крысы четыре резца — ее главное орудие борьбы. После этого он пустил крысу в большую четырехугольную яму, где жили гремучие змеи.

Мы подошли к самому краю ямы и следили с напряжением, не отрывая глаз.

Крыса забилась в самый темный угол ямы и глядела то в одну, то в другую сторону, видимо стараясь оценить своих врагов.

Гремучие змеи свернулись в клубок, как только услышали топот лап и воинственное урчание крысы. Но крыса — это корм, а змеи были голодны.

И вот четыре великана высоко подняли головы, высунули языки и поползли вперед плавными, медлительными движениями. Они наступали полукругом, медленно, но упорно, все ближе и ближе продвигаясь к добыче.



Тихое урчание было единственным ответом забившейся в угол крысы. Из беззубого рта сочилась кровь, но глаза горели воинственным блеском.

Играя в воздухе тонкими языками, змеи ползли и ползли. Вся насторожившись, крыса следила за ними, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Она не тронулась с места, пока змеи не подошли так близко, что могли схватить ее.

Тогда крыса прыгнула. И четыре змеи отпрянули, как одна. Высокими прыжками крыса перебралась в другой угол ямы.

Снова змеи построились полукругом и поползли к своей добыче, подняв головы и размахивая высунутыми языками.

Снова тихое грудное урчание было боевым ответом крысы.

И на этот раз она не далась врагу — снова прыгнула и опять забилась в темный угол ямы.

Борьба длилась долго.

Но один раз во время прыжка над самой головой змеи крыса на мгновение подставила свою грудь. И роковая минута пришла. Свернутая в спираль шея змеи мгновенно выпрямилась вверх, смертоносные зубы впились в тело.

Со смертельным ядом в крови отважная крыса бросилась на ближайшую змею, схватила своими беззубыми челюстями покрытую чешуей шею и крутила, крутила ее изо всех сил, пока не затрещали кости. В предсмертных судорогах змея забила хвостом и припала к земле.

Крыса бросилась душить другую змею. И что из того, что та укусила ее, все равно смерть близка, живой она не сдастся врагу.

Теперь на очереди третья гремучая змея. Крыса не могла больше прыгать. Ее задние ноги были парализованы, но отвага оставалась несломленной. Больные челюсти не потеряли способности душить. Крыса порвала брюхо у извивающегося врага и перекусила ему спину уцелевшими зубами.

И теперь, волоча свои задние ноги, крыса добралась до четвертой змеи. И эта змея также укусила крысу. Минуты жизни крысы были сочтены, но отчаянная храбрость все еще звала ее к борьбе. И крыса, схватив змею за шею, кусала и душила ее, пока та не растянулась на земле.

Гремучие кольца на хвосте звучали все слабее и слабее. Это была предсмертная тихая песнь последней из четырех великанов-змей. И, вытянувшись, рядом лежала крыса — тихо, совсем тихо, сраженная смертью на поле битвы.

Мы стояли, оцепеневшие от страшного зрелища. Я весь дрожал, а Броди ломал свои костлявые руки и шептал, сам не понимая того, что он при этом чувствовал:

— О боже мой, боже мой, что за храбрость! Какая отчаянная отвага! Как я восхищен ею! Как я ненавижу ее! Она отняла у меня моих гремучих, и я так зол на нее… нет, я преклоняюсь перед ней!

* * *

Как-то раз один из моих товарищей по школе сказал мне:

— Почему бы тебе не отправиться в субботу в долину Дона? В этот день там собираются охотники и устраивают состязания в стрельбе. Для этой забавы туда привозят много живых птиц.

В чем заключалась забава охотников и как происходило состязание в стрельбе, я так и не понял. Но возможность увидеть много птиц была для меня очень заманчивой.

В ближайшую субботу сейчас же после завтрака я отправился в указанное место. Я нашел там небольшую кучку людей, вооруженных двуствольными ружьями. Телега, запряженная одной лошадью, стояла в стороне. На ней было множество клеток с птицами.

Небольшая площадка, огороженная веревкой, была отведена для стрельбы. Там я заметил две лошади.

Я подошел к телеге. Билль Лон, охотник и птицелов города

Торонто, снимал клетки, наполненные птичками. Птицы рвались на свободу, просовывали головы и лапки сквозь узкие отверстия решетки. Какой-то мальчуган стал тыкать в них палкой, стараясь загнать обратно.

— А ну-ка брось это дело! — прикрикнул на него Билль.

Я не отрывал глаз от клетки: там были снежные подорожники, чечетки и береговые жаворонки. Билль охотно рассказывал про птиц, и от него я узнал много интересного, нового.

Скоро началась стрельба.

— Подайтесь назад! — скомандовал Билль.

Помощник Билля посадил в западни, которые стояли на площадке, по птице. И как только охотник с ружьем наготове кричал: «Тяни!», дверца западни открывалась и птица стремительно вылетала на волю.

Пиф-паф! — на снег падало искалеченное, окровавленное маленькое тельце.

Пиф-паф! — и около другой западни происходила та же трагедия.

Много птиц погибло в этот день на моих глазах. Их безжизненные тельца подбирал какой-то человек и складывал в корзинку.

— Для чего вы это делаете? — спросил я.

— Для чего, ты спрашиваешь? Мы их на кухню в больницу доставляем, а там из них варят супы для больных и готовят разные блюда. Иначе бы закон давно запретил эту игру.

На сердце у меня было тяжело, словно камень лежал, — я никак не мог понять этих людей.

Перед тем как идти домой, я спросил Билля, сколько ему платят за каждую пойманную птицу.

— Один доллар за дюжину снежных подорожников и по шестьдесят центов за двенадцать жаворонков или чечеток.

Я попросил продать мне трех птиц.

— Охотно, — ответил Билль. — Бери, какие тебе приглянутся.

Я выбрал жаворонка и двух чечеток.

Мы посадили их в плетенку из-под клубники, и я побежал домой.

Еще когда мы жили на ферме, я заметил, что птица, посаженная в металлическую клетку, очень сильно бьется об ее проволочные стенки, вероятно, потому, что тонкая проволока решетки кажется ей ничтожным препятствием и она рвется на волю. Это всегда кончается смертью маленькой пленницы. Если же птицу посадить в клетку с решеткой из деревянных прутьев,

она, конечно, тоже будет стремиться на свободу, но о стенки биться не станет, и это сохраняет ей жизнь.

Вернувшись домой, я тотчас же начал мастерить деревянную клетку. Сделал сначала основу клетки площадью 3 х 2 фута и 1 фут высотой. Из дранки я настрогал прутьев для решетки. Работая над клеткой, я придумал увеличить ее высоту посередине на один фут, чтобы дать возможность летать чечеткам. Таким образом, у жаворонка была достаточно большая площадь, чтобы бегать, а у чечеток — дополнительно к этому еще надстройка (1 фут х 1 фут), в котором я устроил жердочку.

Жаворонок все бегал взад и вперед по клетке, а чечетки летали, когда им хотелось. Мне доставляло большую радость кормить моих питомцев и угадывать, что они больше всего любят. Их любимым лакомством была так называемая соловьиная смесь. Я приготовлял ее из гороховой муки, оливкового масла и желтка круто сваренного яйца. Все это я протирал сквозь дуршлаг, и в результате получалась червеобразная масса, которую мои птицы клевали с жадностью. Очень любили они также и канареечное семя.

Чечетки быстро стали брать корм из моих рук, и, когда им попадались особенно лакомые кусочки, они сначала пробовали, а потом передавали друг другу.

Жаворонок же все дичился.

«Надо больше проводить с ним времени, — подумал я про себя, — тогда дело быстрее пойдет на лад».

С этой мыслью я перенес клетку в комнату, где спал и готовил уроки.

Чечетки меня очень радовали. С каждым днем они становились все доверчивее и начали садиться ко мне на руку. Тогда я выпустил их из клетки. В радостном возбуждении они летали по комнате, а потом одна из них опустилась мне на плечо. Я сидел на месте, затаив дыхание. Вот прилетела и вторая. Так повторилось два раза. После этого я уже мог кормить их, когда они сидели у меня на плече.

Скоро чечетки стали откликаться на мой зов. Я очень привязался к этим милым доверчивым птичкам.

Совсем другим был жаворонок. Он продолжал дичиться и все бегал взад и вперед по своей клетке, издавая протяжный жалобный крик.

Приближалась весна. Малиновые шапочки чечеток становились все ярче и ярче. Жаворонок продолжал по-прежнему бегать взад и вперед по клетке, издавая свое жалобное «чип-чип».

Теряясь в догадках, как приручить своего жаворонка, я решил выпустить его из клетки и предоставить ему ту свободу, которую

дал чечеткам. Я открыл дверцу и отошел в сторону. Жаворонок выскользнул осторожно, боязливо. Потом бросился вперед и с громким «чип-чип-а-тураль-чип» взвился вверх, как бывало, подымался в небеса. И снова все с большей и большей силой, дико, слепо он поднимался вверх, пока не ударился о потолок и не упал замертво к моим ногам.

Я сидел, держа трупик жаворонка в руках, и плакал. Я не думал, что так получится. Мне так хотелось, чтобы он жил у меня! И пока я горевал, чечетки прилетели, вдвоем сели ко мне на плечо и щебетали какие-то нежные слова, которых я не мог понять.

Я открыл окно и осторожно спугнул их. Тихо напевая, они полетели в голубую даль — на север, к себе на родину, оставив меня в опустевшей комнате с мертвым жаворонком в руках.

Это был урок, которого я до сих пор не забыл.

Глава IV

БОЛОТО И ОСТРОВ БЛИЗ ТОРОНТО

Только через год по приезде в Торонто мы с братьями узнали, что от пристани, которая находилась на улице Юнг-стрит, к острову курсирует маленький пароход «Букет». Изредка, когда нам удавалось скопить десять центов на билет, мы, не помня себя от радости, садились на этот пароход и пускались в путешествие.

Самым большим удовольствием для моих братьев было купаться и ловить рыбу. Но меня влекли к себе птицы.

В камышах звенели голоса болотного крапивника, краснокрылой американской иволги, и в песни их то и дело врывались громкие, раскатистые призывные крики какой-то птицы, которую я долго не мог определить.

Над пристанью и над хижинами у берега кружилось множество красногрудых дроздов-робин, мухоловок, белогрудых ласточек, а на отлогом берегу западного конца острова гнездились целыми тысячами береговые ласточки. Позже я узнал, что на самом острове в зарослях осоки обитали также прославленные певчие воробьи и береговые жаворонки. Весной и осенью появлялись мириады диких уток, гусей, куликов.

В Торонто было три известных охотника, которые существовали исключительно на доходы со своей охоты на птиц, — они поставляли дичь в рестораны и отели. Это были Билль Лон, Сэм Гамфрейс и Билль Ланг.

Я очень привязался к Биллю Лону. Это был замечательный спортсмен, очень талантливый и добрый человек, хороший товарищ и один из лучших естествоиспытателей Канады, хотя он никогда не вел никаких записей.

Зимой, когда озеро и болото были скованы льдом, Билль расставался со своим ружьем и ловил птиц сетями. У него была длинная сеть 10 х 30 футов, которую он сам сплел из тонких суровых нитей. Билль расставлял свою сеть на острове на открытом ровном месте. Для приманки он посыпал землю семенами и ставил около сетей в стороне клетку с заводной — приманочной — птицей. И всегда, когда прилетала стайка птиц, из клетки раздавалась призывная песнь.

Однажды он заметил, как сосновый сорокопут пробовал схватить приманочную птицу через решетку клетки. Билль передвинул клетку ближе к берегу, так, чтобы ее можно было

накрыть сетями. Сорокопут снова набросился на пленную птицу. Билль дернул веревку, и сорокопут попался в сети.

— Я пробовал освободить его из сетей, — рассказывал Билль, — но сорокопут клевал меня так больно своим острым клювом, что изранил все руки, и мне так и не удалось достать его живым.

В начале зимы прилетали большие стаи подорожников. Билль говорил мне, что он всегда знал, когда они прилетят, потому что накануне появлялось очень много сорокопутов.

Подорожники были главной добычей Билля. Однажды он накрыл сетью четыреста семьдесят штук и за один день поймал их целую тысячу. В другой раз в его сети попалась триста шестьдесят пять краснокрылых черных дроздов. Попадались также жаворонки и чечетки, но только в меньшем количестве.

В те дни в окрестностях Торонто летало довольно много орлов. Мы часто видели зимой, как они хватали мертвую рыбу в огромном озере Онтарио, которое редко покрывалось льдом.

У Билля было много интересных наблюдений над орлами. В лощине недалеко от берега стояла одинокая сосна. Она была излюбленным местом отдыха могучих птиц. Под этой сосной Билль построил себе низенькую лачужку и прикрыл ее ветками и травой. В течение месяца он отсутствовал. Но как-то на рассвете, когда Билль зашел туда, чтобы укрыться от града, он услышал, как орел опустился на сосну. Билль просунул ружье в щель стены и одним выстрелом сбил орла. Потом один за другим прилетело еще несколько орлов, и Билль убил их тем же способом.

Он рассказал мне также об одном трагическом происшествии с юношей, который охотился в этих местах. Он выстрелил и ранил пернатого великана в крыло. Орел упал на землю, потом поднялся на ноги и бросился бежать вдоль берега. Охотник стал преследовать его и, забыв об опасности, подошел слишком близко. Своими могучими лапами орел схватил юношу и изо всей силы впился когтями в его тело.

На следующее утро друзья нашли юношу мертвым. Орел все еще продолжал держать его в своих когтях. По кровавым следам на земле можно было догадаться о страшной предсмертной борьбе, которая здесь произошла.

Заболоченные берега Дона в окрестностях города Торонто, оживленные множеством птиц, были излюбленным местом моих прогулок на протяжении восьми лет. Вернувшись из Лондона домой в 1881 году, я стал с особенным рвением изучать птиц, которых было так много в этих местах.

После того, как я прожил четыре года на северо-западе, я снова посетил любимое болото. Со мной был мой старый друг доктор Вильям Броди. Нас теперь особенно интересовала флоридская болотная курочка.

30 июня 1885 года я сделал следующую запись в дневнике:

«Солнце только что поднялось над горизонтом, когда мы пришли на болото, а птицы уже давно проснулись и отыскивали

себе корм. Мы пробирались осторожно по болотным зарослям, выслеживая пернатых пловцов на открытой воде. Птиц здесь было очень много. Прерывистое кряканье раздавалось со всех сторон, а время от времени среди хора птичьих голосов к нам доносились звуки какого-то протяжного, словно насмешливого крика.

Несколько раз сквозь просветы в тростниках мы видели водяных курочек с выводками в пять-шесть птенцов. Когда мы приближались к ним, они переставали ловить ряску на открытой воде и прятались все дальше и дальше в тростники. Обычно, когда мы были невдалеке, курочка-мать что-то громко кричала, как будто желая нас предупредить, что хотя она и спряталась, но находится близко и следит за нами. Возможно, этим криком она также давала знать своим цыплятам об опасности и придерживала их около себя.

После ряда неудачных попыток нам наконец удалось подойти к стайке водяных курочек на расстояние сорока ярдов и подстрелить самочку. Несколько времени спустя мы добавили в наш ягдташ двух самцов. Самцы усердно отыскивали себе корм у самого края тростниковых зарослей и были гораздо менее осторожны, чем их подруги. В ответ на каждый выстрел ружья раздавались громкие, раскатистые выкрики самцов, как будто они не в силах были сдержать свой смех, услышав этот слабый гром, которым кто-то пытался их испугать.

В течение этого утра мы застрелили на болоте пять флоридских курочек, а видели в пять раз больше. Непонятно, почему их считают редкими в этих краях.

Молодые были разных возрастов. У младших был более развит характерный для этого вида коготь на пальце крыла. Доктор Броди высказал предположение, что этот коготь помогает молодым курочкам пробираться среди зарослей травы.

Когда мы рассказали о своих новых наблюдениях профессору Торонтского университета Рамзею Райту, он сначала не поверил нам, но когда мы показали ему крыло курочки, он сказал, что это «открытие для науки».

Глава V

СЧАСТЛИВЫЕ ДНИ

Однажды я прочел объявление, что вышла в свет книга доктора А. М. Росса «Птицы Канады» и что она находится в продаже в книжном магазине Пиддингтона.

На следующий же день, весь дрожа от волнения, я отправился туда. Да, она действительно была там. На ней была написана цена — один доллар. Чего бы я только не отдал за то, чтобы у меня был доллар! Если бы это была книга по искусству, я мог бы рассчитывать на помощь отца. Но отец был против моих занятий естествознанием, и я боялся обращаться к нему с просьбой. Я знал, что мне не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого.

Никогда еще деньги не были для меня такой драгоценностью, как теперь. Я был готов заработать эти сто центов любым честным путем. Прежде всего я стал всем предлагать и наконец продал своих кроликов, чудесную пару, за пятьдесят центов. Половина необходимой мне суммы была выручена. Неделю спустя я предложил одной женщине свои услуги — перенести дрова с улицы во двор. Она заплатила мне десять центов. Теперь у меня было уже шестьдесят центов. Потом я продал все свои камешки и получил еще двенадцать центов. Я предлагал свои вещи барышникам. Наконец я стал собирать насекомых для одной англичанки. Прошло несколько недель, и я накопил девяносто центов. На потом счастье изменило мне, и я никак не мог набрать остальных денег. Никому не нужен был мой труд, никто не хотел покупать мои ценности. Между тем не было дня, чтобы я не ходил к витрине книжной лавки Пиддингтона и не смотрел жадными глазами на чудесную книгу, которая должна была открыть мне все тайны природы.

Прошло целых два месяца, прежде чем мне удалось получить недостающие десять центов. Вот как это было. Мой брат Вальтер и я должны были ежедневно нарубать определенное количество дров для кухни. Я аккуратно выполнял свою норму, Вальтер редко. Брат очень любил хорошо одеваться, я же обращал мало винмания на свою одежду. Чтобы заставить Вальтера хорошо работать, наш старший брат Джо однажды сказал, что он подарит новый красивый галстук тому из нас, кто ежедневно в течение месяца будет аккуратно выполнять свою долю работы. Вальтер принял этот вызов с восторгом — он мечтал о новом галстуке.

Меня же эта награда мало привлекала.

Первые дни Вальтер горячо взялся за дело, но под конец месяца у него не хватило выдержки, и он отстал. Премия выпала на мою долю. Джо дал мне двадцать пять центов на руки, чтобы я сам выбрал себе галстук по вкусу.

Когда я шел в магазин, я думал про себя:

«Ни один человек в здравом рассудке не стал бы тратить 25 центов на галстук. Какой в нем толк?».

«Но, — заговорила моя совесть, — ведь эти деньги даны тебе на галстук».

Немного погодя я стал колебаться:

«Пятнадцать центов — это прекрасная цена для галстука, и тогда у меня останутся на руках долгожданные десять центов».

Я поддался соблазну. За пятнадцать центов я выбрал себе великолепный галстук — по белому полю маленькие розочки. Десять центов остались у меня.

Итак, у меня в кармане был доллар.

Звеня серебряными монетами, я смело вошел в лавку, но должен признаться, что сердце билось у меня очень сильно.

— Пожалуйста, — сказал я продавцу, — дайте мне книгу Росса «Птицы Канады».

Он отвернулся с равнодушным видом. Как я боялся, что он скажет: «Ты опоздал: уже все распродано». Или же: «Цена поднялась до ста долларов».

Но он сказал холодным, безжизненным тоном:

— В зеленом или коричневом переплете?

Я с трудом прошептал:

— В зеленом.

Продавец взял одну книжку с полки, открыл ее, посмотрел что-то на обороте переплета и сказал своим монотонным голосом:

— Один доллар, десять центов долой за наличный расчет, итого девяносто центов. Будьте любезны.

Я выложил деньги, как будто в полусне, и чуть было не забыл взять свои десять центов. Схватив драгоценную книгу прежде, чем продавец успел завернуть ее, я убежал, боясь, что он вдруг заставит меня вернуться.

Как было мне досадно, что я раньше не знал о скидке при наличном расчете! Я ведь так страдал эти два месяца, тщетно пытаясь достать десять центов. Счастливая минута могла наступить значительно раньше. Из-за этих никому не нужных десяти центов мне пришлось даже пойти на сделку со своей совестью. Но теперь книга моя. Я не сомневался, что владею ключом ко всем тайнам природы, что чудесный любимый мир не будет больше загадкой для меня.

Всю дорогу домой я шел медленно, уткнувшись носом в книгу.

Должен признаться, что я ждал большего.

«Но это, наверное, не книга виновата, — утешал я себя, — должно быть, я просто не знаю, как с ней обращаться».

Я был на седьмом небе от счастья, хотя и немного разочарован.

По мере того, как я все больше и больше обнаруживал слабые места книги, у меня росло желание внести в нее поправки. Эта книга — тот самый экземпляр — лежит до сих пор на моем письменном столе, и почти на каждой странице ее поправки и дополнительные заметки, вписанные пером. На иллюстрации положены краски. На белом листке в самом конце книги и на стороне переплета — мое добавление, озаглавленное: «Ястребы и совы (определитель птиц)». Эти страницы положили начало моей книге «Определитель птиц Канады».

* * *

В те дни Уильтон-авеню была фактически северной границей города. За ней уже были поля, потом кладбище, дальше лощины и темные леса, которые подступали к низменности Дона. Найдя эти чудесные дикие места, мне кажется, я пережил такую же большую, возвышенную и чистую радость, какую испытал Бальбоа, открыв Тихий океан, или же Лассаль, найдя Миссисипи. Они были мои, эти таинственные леса и лощины, мне принадлежала честь этого открытия!

Я приходил сюда каждую субботу, захватив с собой легкий завтрак и пращу. В одну из этих прогулок, огибая высокий холм, я попал в лощину и там увидел чудесную полянку, покрытую густыми зарослями леса. Я долго пробирался сквозь ее густую свежую зелень, и, казалось, не было ей конца. Ручеек спускался небольшими каскадами, вода его была прозрачная, кристально чистая. И сердце наполнялось радостью от каждой песенки птицы, от цоканья белок.

Здесь не было следов человека — я не сомневался, что я первый посетил эти места. Этот райский уголок был мой!

Я никому не рассказал о своем открытии и всегда тайком уходил сюда. Здесь я решил построить себе хижину. На берегу ручейка, защищенном стеной зелени, мне казалось, будет хорошее место для моей хижинки: я хотел, чтобы хижина до

половины уходила в землю, а для этого нужно было вырыть яму. А земля на этом берегу была особенная, там была голубая глина, и рыть ее оказалось трудным делом, особенно потому, что моя самодельная лопата работала плохо, а другой у меня не было. Я утешал себя мыслью, что индейцы всегда обходились самыми примитивными орудиями. Кроме лопаты у меня были еще молоток, ручная пила и дюймовое долото. Все это мне посчастливилось найти среди груды пепла на месте пожарища одной столярной мастерской. Рукоятки к этим инструментам я сделал сам.

Две субботы ушло на то, чтобы вырыть яму, которая должна была служить основанием моей хижины. Яма была десяти футов в длину, шести футов в ширину и трех футов в глубину, конечно, только с задней стороны, с фасада хижина должна была стоять на уровне земли.

Теперь передо мной была новая задача — нужно было найти строительный материал. Камней здесь совсем не было. Деревьев в моем лесу росло много, но у меня не было топора. Что же оставалось делать? Я стал подыскивать себе готовый материал.

В долине Дона, на расстоянии полумили от моего участка, была еловая роща, и там, скрытые в высокой траве, лежали кедровые сваи. Все они были восьми футов длиной, шести дюймов в диаметре. Это было как раз то, что мне требовалось, и, поскольку сваи лежали на моем участке, постольку они принадлежали мне.

Я принялся перетаскивать кедровые сваи одну за другой на место постройки хижины. Наверное, каждая из них весила фунтов двадцать пять — так мне казалось в начале пути, но когда я подходил к голубому берегу, то эти сваи наверняка весили не менее пятидесяти фунтов — ведь мне было всего лишь четырнадцать лет и я был очень худеньким, хотя и выносливым мальчиком. По моим расчетам, мне нужно было двадцать свай. Я перетаскал их все двадцать за две субботы и совершенно выбился из сил. Теперь только я вспомнил, что мне еще нужен материал для крыши. Я начал поиски и нашел в лощине штук шесть сваленных бурей деревьев.

С этим материалом я принялся за постройку хижины. Работы я не боялся, мне уже приходилось плотничать, но как мне не хватало инструментов и как мне нужен был сильный товарищ!

Я начал выкладывать фундамент, подвел его вплотную к отвесной стороне берега. Потом я сложил боковые стены из восьмифутовых свай. В передней стене я оставил место для дверей шириной в два фута. Хижина получилась в длину из десяти половиной футов. Для задней стены у меня не было

подходящего материала — нужны были бревна в десять с половиной футов. Я снова отправился в лес на поиски и нашел пять бревен нужной длины. На углу хижины бревна легко укладывались крест-накрест, и я тут не встретил затруднений. Самое мучительное для меня было скрепить концы бревен на месте, где должны были быть подвешены двери. С большим трудом я наконец скрепил их клиньями, которые потом нужно было прибить гвоздями к притолоке дверей.

Гвозди! Как мучительно было прибегать к их помощи! Ведь индейцы совсем не знали гвоздей. Но что поделаешь, когда нет орудия, чтобы заточить деревянные шипы! Скрепя сердце, я стал собирать старые гвозди и продолжал строить свою хижину.

Дверь мне удалось сделать следующим образом. На берегу реки я нашел доску шириной в двенадцать дюймов. С грехом пополам я распилил ее на две части своей ножовкой и сбил вместе при помощи поперечных брусьев. На одной половине двери я оставил два выступающих конца. У порога я продолбил дыру долотом и другую — вверх по прямой — на притолоке двери. Длинным шестом я приподнял перекладину и навесил дверь.

Сооружая крышу, я сначала положил поперек четыре длинных шеста, в сверху навалил много ивовых веток и травы, которую я нарвал в ближней долине.

После этого оставалось только заштукатурить хижину. Это была нетрудная работа сама по себе, но на нее у меня ушло много времени. Я тщательно законопатил мхом все щели, а потом замазал стены толстым слоем глины.

И вот моя хижина была готова!

Она стала настоящим жилым помещением, когда я поставил себе койку и сделал вертушку на двери, чтобы можно было запереть хижину.

Если бы вы только знали, как я был счастлив!

Я собирал ракушки, перья и всякие диковинки леса и раскладывал их по полочкам. Я воображал себя Робинзоном Крузо. Я играл в индейцев — бегал нагишом, с перьями в волосах и все точил свой старый нож, чтобы он стал настоящим охотничьим ножом и чтобы им можно было снимать скальпы.

Я научился шить мокасины из овечьей шкуры. Правда, они выдерживали не более двух-трех дней, но зато это были волшебные мокасины.

Я мечтал, что когда-нибудь мне удастся восстановить первобытную жизнь индейцев.

Однажды, после того как меня высек отец, я побежал из дому со всех ног. Мне хотелось навсегда покинуть родной кров. Было

только одно место, где я мог найти себе приют, — это была моя хижина. Здесь я мог спокойно обдумать все, здесь можно было пожить некоторое время и подготовить побег.

Когда я стал приближаться к своему любимому уголку, боль в моей спине стала утихать и сердце наполнялось радостью. Пробираясь по лощине, я заметил большие следы человека, и мне стало как-то не по себе. Скоро следы пропали. А когда я подходил к зарослям, заслонявшим хижину, мне послышались чьи-то голоса. Я продолжал свой путь. И вдруг сердце мое замерло — я увидел, что в моей милой хижине трое бродяг играют в карты и пьянствуют.

Сейчас же я повернул обратно. Все мои мечты рухнули. Снова болело тело от ударов отца и тоской щемило сердце. Я отошел в сторону и в слезах упал на землю.

Прошло несколько недель, прежде чем я решился снова посетить свою хижину. Хижина была пуста, но в ней было грязно и неуютно.

Глава VI

СНОВА НА ФЕРМЕ

В июле 1875 года после напряженных школьных занятий мое здоровье сильно пошатнулось. Врачи настоятельно посоветовали моим родным отправить меня куда-нибудь за город. Взволнованная состоянием моего здоровья, мать написала семье Блекуэл, новым владельцам нашей фермы, и просила оказать мне гостеприимство в их доме.

В ответ мы скоро получили сердечное письмо от мистрис Блекуэл, и через неделю я уже был на ферме.

Я приехал вечером, перед закатом солнца. Мне было грустно и как-то не по себе. За ужином я почти ничего не ел и мало разговаривал.

Мистрис Блекуэл поняла мое состояние.

— Он тоскует по дому, — шепнула она мужу.

Она позвала меня, провела в комнату, где я должен был спать, и поцеловала на прощание в мокрую от слез щеку.

Я не знаю, как это случилось, но на следующее утро грусть рассеялась, и жизнь опять улыбнулась мне.

Я проводил целые дни на свежем воздухе, помогая в фермерской работе семье Блекуэл, получал здоровую деревенскую пищу. У меня были новые товарищи — три мальчика и три девочки Блекуэл.

О своей жизни на ферме, о том, как мы играли и чем занимались, я подробно рассказал в книге «Маленькие дикари».

Я очень привязался к этой семье, и, когда наступило время возвращаться домой, в Торонто, мне стало грустно. Мне жаль было расставаться с привольной деревенской жизнью среди лесов и полей и не хотелось возвращаться в город, не хотелось подчиняться суровой воле отца.

Но потом я вспомнил свою мать — ее нежные заботы всегда так скрашивали мою жизнь, — вспомнил свои любимые книги, которые ждали меня дома, и грусть рассеялась.

С тех пор каждое лето я проводил в семье Блекуэл. Там я отдыхал на свежем воздухе и пользовался всеми благами деревенской жизни. Там я имел постоянную возможность наблюдать дикую природу, и мечты натуралиста все больше и больше овладевали мной.

* * *

С осенью 1875 года у меня связаны мрачные воспоминания. Моя хижина была разорена, в своей семье я чувствовал себя одиноким. Мне почему-то казалось тогда, что я не родной сын своих родителей, а подкидыш, которого они где-то нашли, и что я им в тягость.

Единственным утешением были для меня школьные занятия. Я уходил из дому рано утром и возвращался домой как только мог поздно. Уроки я готовил в своей комнате и работал очень усердно, особенно над математикой, которая всегда была моим слабым местом.

Спортивные игры совсем больше не привлекали меня. Школьные учителя не раз говорили мне, что я все худею и бледнею. По субботам я уже не уходил больше в дальние прогулки за город, у меня не хватало для этого времени. Все свое время я отдавал учению. Я надеялся получить стипендию в университете и на эти средства самостоятельно жить. Всю свою энергию, все свои силы я отдавал этой цели.

На зимних экзаменах я получил похвальный отзыв, летние должны были решить мою судьбу.

Время экзаменов наступило. Я очень волновался и ни на минуту не отрывался от книг — все повторял, просматривал, учил.

Первые три дня прошли благополучно. На четвертой я заболел от переутомления. Предстоял трудный для меня экзамен, и, вместо того, чтобы готовиться к нему, я сидел и бессмысленно смотрел на стену, а перед глазами то все кружилось, то было черно. И я бормотал про себя: «Я не могу заниматься, я не могу заниматься». Потом, словно в полусне, я слышал, как наша работница сказала: «Парнишка, видно, сильно захворал».

Сейчас же пришла моя мать, пощупала мой пульс, приложила руку ко лбу и сказала:

— У него высокая температура.

Послали за доктором.

— У него не только сильный жар, — сказал доктор, — мальчика неблагополучно с левым легким.

Меня тотчас же положили в постель. Оборвались мои экзамены и занятия в колледже.

— Его нужно отвезти куда-нибудь, ему необходима перемена обстановки, — советовал доктор.

Куда? Этот вопрос решил я. Меня тянуло на ферму, в радушную семью Блекуэл, у них мне было хорошо.

На следующее утро, как только начало светать, мать пошла со мной на станцию. Брат Артур нес небольшую сумку с моими вещами. Она весила не больше десяти фунтов, но я был слишком слаб, чтобы нести ее.

Целый день меня трясла лихорадка в поезде, и никого из близких не было со мной. Я ехал один.

Я с трудом поднялся вверх по тропинке и постучал в дверь.

Радостные приветствия сейчас же сменились тревожными вопросами.

— Что с тобой, Эрнест? Ты заболел?

Я опустился на стул и сказал, что моя сумка внизу, у калитки, что у меня нет сил донести ее.

Неделю спустя мистрис Блекуэл писала моей матери:

«Приезжайте скорее, он не жилец на этом свете».

Мать приехала с первым же поездом. Взволнованная, она подошла к моей постели и опустилась на колени. Она молилась так горячо, как я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь молился. Она просила прощения за то, что плохо заботилась обо мне, просила вернуть мне силы и здоровье. Она молилась долго и усердно, и слезы струились по ее щекам.

Когда мать кончила молиться, она сказала мне:

— Завтра мы поедем домой. Бог услышит мою молитву.

На следующий день мы отправились в трудный путь — в Торонто. От станции до нашего дома — в первый раз в жизни — я ехал в экипаже.

Дома меня окружили лаской и заботой, прислушивались к малейшему моему желанию, считались с каждым капризом в еде. На время все домашнее хозяйство было перестроено, чтобы обслуживать меня и угождать мне.

Старик доктор сказал:

— Кормите его как можно лучше. Давайте все, что только ему захочется. Если парнишка прибавит в весе, он будет жить, если нет — умрет.

Помню, как я встал на весы в бакалейной лавке. Мне тогда было уже пятнадцать с половиной лет, а весил я только девяноста фунтов. И это во всей одежде. Через неделю я снова взвесился — весы показали сто два фунта.

Старый доктор сказал лаконически:

— Он выздоровеет, если только не будет рецидива.

Та зима была чудесным временем. За мной ухаживали, меня хорошо кормили, и я начал поправляться. Каждый день мать приготовляла для меня ванну и массировала мои худые руки и ноги. Каждый вечер она сидела у моей постели и подходила ко мне ночью, чтобы прислушаться к моему дыханию. И всегда она

опускалась на колени у моего изголовья и тихо шептала молитву, боясь разбудить меня.

Когда я не спал, она молилась вслух.

* * *

Уже давно у меня была заветная мечта — иметь ружье. У всех моих товарищей были ружья, и каждую субботу они отправлялись за город на болото и там охотились. Но отец и слушать не хотел об этом, он всегда препятствовал всему, что способствовало моему увлечению естествознанием: он хотел, чтобы я был художником.

Теперь у меня появилось надежда уговорить отца. Я просил его разрешить мне охотиться с ружьем, после того как я выздоровею. Отец хотя и неохотно, но все-таки дал свое согласие, уступая главным образом просьбам матери, которая, как всегда, поддержала меня.

Итак, разрешение на ружье было дано, правда, при условии, что я приобрету его на собственные средства.

Весной и осенью в наши края залетало огромное количество странствующих голубей. Охота на голубей была любимым занятием моих сверстников. Но я был лишен возможности заниматься этим спортом — у меня не было ружья.

Теперь, когда запрет был снят, я стал следить за дикими голубями с каким-то особенным интересом.

Я никогда не забуду перелета странствующих голубей 20 апреля 1876 года. Огромная стая голубей держала свой путь на север. Они летели, вытянувшись через все небо с востока на запад, покуда только глаз хватало, исчезая дымкой у самого горизонта. В стае были сотни тысяч голубей. И вслед за ней через каждые полчаса появлялась новая, столь же бесчисленная стая. И так на протяжении всего дня. Должен с сожалением сказать, что это был последний массовый перелет голубей, проследовавших над Торонто.

Глава VII

В ЛЕСНОЙ ГЛУШИ

Солнечная, сияющая весна вступила в свои права, и мои силы стали быстро восстанавливаться. Я был уже на пороге юношества.

В июне пришло письмо от моей второй матери, мистрис Блекуэл: она приглашала меня приехать погостить к ним недели на две. Там в моем распоряжении было ружье мистера Блекуэла, и я мог охотиться сколько хотел.

Как раз в это время в тех краях появился Лари Уитти, бывший работник моего отца. Теперь благодаря своему старшему сыну Тому он сам стал владельцем фермы, расположенной в глуши лесов, недалеко от водопада Фенелон-Фольс.

Ларри настойчиво звал меня к себе. Он рассказывал, что в их краях бродит много оленей, медведей и других диких зверей, что там много куропаток, диких голубей.

Я был покорен этими рассказами и в конце июня сел на пароход «Вандербильд», который отправлялся с пристани Линдсей. Через несколько часов мы причалили к берегам реки Гуль-Ривер, у Фенелон-Фольса. На пристани меня никто не встретил.

В кузнице мне сказали, что ферма Ларри Уитти находится в нескольких милях и что дорога идет лесом. Итак, с ружьем за плечами и со свертком в руках я двинулся в путь. Через несколько часов я остановился около деревянного домика — цели своего путешествия.

Я очень быстро подружился с Томом.

Это был юноша с прекрасным сердцем и очень привлекательной наружностью. Он стал одним из моих героев. До сих пор стоит у меня перед глазами его красивое лицо, его мужественная манера держать себя.

Сенокос был в разгаре. Мы усердно работали вчетвером — Том, его две сестры и я — пока не убрали все сено.

В конце июня, после уборки ячменя, Том заболел. Его то знобило, то он горел, как в огне. С каждым днем он чувствовал себя все хуже и хуже.

Неделю спустя Том сказал, что ему надо скорее ехать к матери в старую усадьбу, пока силы не оставили его совсем, а там мать выходит его. Мы все поддержали его решение.

Том уехал на следующее же утро, оставив нас троих с

небольшим запасом провизии.

Не прошло и недели, как нас всех тоже стала трясти лихорадка. У Тома приступы были через день, а у нас ежедневно. Каждый день около двух часов начинался сильный озноб, и мы не могли согреться ни около огня, ни под одеялом. Нас знобило до семи часов вечера. После этого начинался сильный жар. Нас мучила жажда, и мы все пили воду и никак не могли утолить жажду. Около двух часов ночи температура спадала, и мы лежали обессиленные, в полудремотном состоянии до восхода солнца. Утром мне бывало немного легче, я собирался с силами, вставал и приготовлял для всех завтрак. Сестры Тома болели сильнее меня и совсем не вставали с постели.

У нас не было никакого лекарства, а в город мы поехать не могли, так как Том уехал на лошадях.

Как-то утром я добрел до дома моего товарища Билля Эллиса. Он жил со своей матерью на расстоянии полумили от нас. Когда я постучался в дверь их хижины, раздался слабый голос:

— Войдите.

Я застал Билля в кровати, он и его мать болели так же серьезно, как и мы. У них тоже почти не осталось продуктов. Я не мог помочь им, они не могли помочь нам.

Когда остатки нашей провизии подходили уже совсем к концу, я отправился в лес в надежде подстрелить дикого голубя. Вот голубь опустился на верхушку дерева. Я тихонько подкрался и выстрелил. Одновременно раздался и другой выстрел, и молодой человек, с которым я как-то встречался, появился с другой стороны и подобрал убитую птицу.

— Стой! — крикнул я. — это мой голубь.

— Почему он твой? — возразил юноша. — Ведь я подстрелил его.

После дружественных объяснений мы решили, что оба выстрелили одновременно.

— Но — сказал он, — я подбежал к нему первый, да и, кроме того, он мне нужен больше, чем тебе.

— Как это так?

— Очень просто, — ответил он, — всю нашу семью трясет лихорадка, все расхворались, а дома никакой еды, хоть шаром покати.

— А как насчет лекарства?

— Ничего, кроме пипсисева…Правда, это хуже, чем хина, но все-таки оно помогает лучше всех других средств.

Билли собрал для меня это растение в лесу и сказал, чтобы я изготовил крепкую настойку и пил ежедневно.

— Пейте каждый день и каждый час. Это средство я узнал от индейцев.

Итак, я отправился домой с пучком дикой травы, из которой я приготовил целебный напиток.

Через неделю у нас кончилась вся мука. Свиная грудинка тоже подходила к концу. Остались только картофель, чай да несколько яблок.

Так мы прожили еде одну неделю. А силы с каждым днем убывали.

Однажды утром, в часы, когда мне было лучше, я потихоньку побрел к озеру, чтобы подышать свежим воздухом. Добравшись до берега, я сел на бревно.

Вдруг я услышал какой-то странный шум и через минуту увидел огромную черную змею, извивающуюся среди валунов и бревен.

Вот она заметила меня и высоко подняла свою страшную голову.

Я вижу ее открытую пасть, передо мной мелькает ее тонкий язык, я слышу, как она бьет своим длинным-предлинным хвостом, словно гремучая змея.

Змея учуяла меня: голова поднялась выше, язык завертелся быстрее, потом она медленно опустилась вниз и уползла прочь, извиваясь среди камней, словно свинцовый поток.

Потом она еще раз подняла голову высоко над кустом и вертела, дразнила длинным языком. Потом снова опустилась вниз и заползла в дупло. Голова вперед, тонкое тело свертывается кольцом, все туже и туже забиваясь в дупло. Только хвост извивается на песке.

И вдруг меня толкнуло какой-то неудержимой силой. Я схватил по камню в одну и другую руку и прыгнул обеими ногами змее на хвост. Я топтал, топтал его, пока не раздавил совсем. Потом я придавил змею камнем, чтобы она никуда больше не уползла.

Целый день мне чудилась страшная змея. Всю ночь, забывшись в тяжелом сне, я боролся с ней.

* * *

Медленно тянулись дни, о ночи еще медленнее. Сил с каждым днем становилось все меньше. Я теперь почти не вставал с постели. Единственная надежда была на то, что скоро вернется

Том.

В тот день, когда мы съели последний кусочек сала, я взял ружье — никогда еще оно не казалось мне таким тяжелым — и с трудом добрался до амбара, где бродило около десятка наших кур. Не знаю, как мне удалось подстрелить одну курицу — у меня все кружилось и ходило перед глазами.

За обедом мы ели вкусный куриный суп с картофелем, и каждый получил по кусочку курицы. Остатки курицы я положил на блюдо и поставил на стол в своей комнате. По горькому опыту я знал, что около двух часов у меня начнется приступ лихорадки, и я готовился к этому. Изо дня в день я выносил свои одеяла, чтобы проветрить на солнце. То же сделал я и теперь.

Потом я принес ведро с водой и поставил его на стул около своей кровати, вечером у меня поднималась температура и мучила жажда. Сестрам Тома тоже приготовил воду.

И этот день все было, как обычно. Сначала я дрожал от озноба, так что зуб на зуб не попадал и подо мной тряслась кровать. Я начал глотать настойку из пипсисева, но не верил, что от нее будет польза.

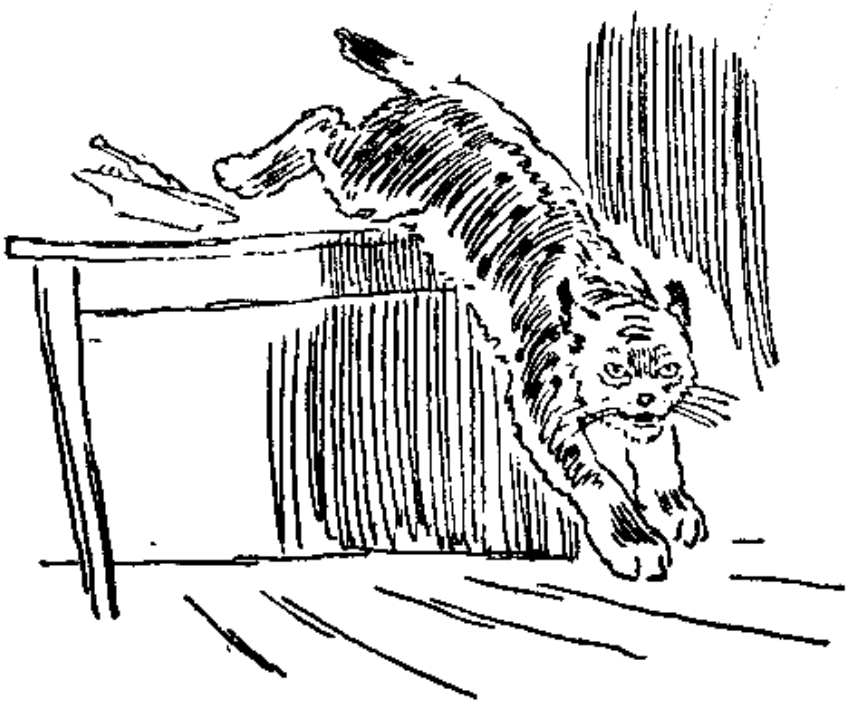
Озноб кончился около семи часов вечера, а затем, как всегда, сильно подскочила температура и началась страшная жажда. Я все время пил воду и метался в жару.

Около полуночи температура упала, и я в изнеможении заснул.

Уже перед рассветом, когда я проснулся, мне показалось, что кто-то возится и что-то грызет. Я повернулся в ту сторону, откуда доносился звук.

К ужасу, я увидел какого-то большого зверя, похожего на кошку. Он сидел на столе и доедал половину курицы, которую мы оставили себе на следующий день.

Я приподнялся с постели и закричал. Зверь глухо зарычал, потом спрыгнул на пол и проскользнул в отверстие между бревнами.



Я покрылся холодным потом.

Рысь!

Мы не спали до утра. Когда рассвело, можно было подумать, что мне приснился страшный сон, если бы не пустое блюдо, которое убедительно доказывало, что рысь был наяву.

На следующий день я опять подстрелил курицу, набрал кое-каких щепок, чтобы затопить печь (колоть дрова у меня уже не хватало сил), и сварил обед. Отверстие между бревнами, в которое проскользнула рысь, я тщательно заткнул. А курицу я на этот раз спрятал в шкаф под замок. Как будто я был готов ко всему. Только как быть с оружием?

Мне не хотелось стрелять в доме из ружья, да и патронов оставалось немного, а они мне были нужны, чтобы подстреливать кур.

В одном из углов хижины стояла старая острога, словно копье с тремя остриями. Ее обычно доставали весной, когда отправлялись на рыбную ловлю.

Я взял острогу, наточил напильником острия и поставил у изголовья своей кровати.

День и ночь прошли как обычно. Озноб сменился приступом лихорадки. В часы облегчения я забывался в тревожном сне, просыпаясь от каждого шороха все с той же мыслью: «Не рысь ли это?».

Но рысь не появлялась.

Так прошли три мучительных дня и три мучительные ночи.

На четвертый день, когда я задремал после обычного приступа лихорадки, мне послышалось, что кто-то лакает воду.

Я открыл глаза и повернул голову.

И что же?

Я очутился лицом к лицу с рысью. Она взобралась четырьмя ногами на стул около моей кровати и лакала воду из ведра. Ее глаза горели хищным огоньком совсем близко от меня.

Я вскрикнул. Рысь спрыгнула на пол и глухо зарычала.

— Джен! Кэт! — закричал я сестрам Тома. — Рысь опять в моей комнате!

— Да поможет тебе бог, мы бессильны что-нибудь сделать.

И я услышал, как захлопнулась дверь и щелкнул замок. Дрожа от страха и слабости, я встал и взял свое копье. Потом зажег свечу. Передо мной была полосатая, как у тигра, голова рыси, ее уши были загнуты назад, так что кисточек не было видно.

Держа свечу в одной руке, острогу в другой, я устремился на врага. Рысь прыгнула, минуя меня, на кровать, потом на стол. До меня донеслось ее глухое грудное рычание, я видел, как она воинственно машет хвостом.

Я уже готов был кинуться в атаку, но рысь проскользнула мимо меня и скрылась под кроватью, откуда слышалось ее глухое рычание.

Я поставил свечу на стол. Огонь заблестел в глазах хищницы. Рысь продолжала рычать. В соседней комнате, рыдая, молились сестры Тома.

Собрав все свои силы, я метнул свое оружие в темноту, чуть пониже горящих глаз.

Удар попал в цель.

Раздался дьявольский вой. Отбиваясь всеми силами, хищница протянула лапу, стараясь дотянуться до меня. Я налег всей тяжестью на острогу, чтобы удержать страшную кошку. А она рычала, рычала и все порывалась вцепиться в меня. Я слышал, как острые зубы грызли древо остроги, я видел, как цепкая лапа все тянулась и тянулась ко мне. Рысь извивалась, вертелась то в одну, то в другую сторону, стараясь сбросить копье.

И вдруг раздался треск. Сломалась острога, как раз в том месте, где острие насажено на древко.

Рысь вырвалась на свободу.

Она помчалась со всех ног, быстро-быстро, проскользнула в новую лазейку между бревнами избы и исчезла.

Больше мы ее никогда не видели.

Я упал на кровать, почти не сознавая, что творится вокруг

меня.

* * *

Весь август продолжались наши мучения. С каждым днем нам становилось все хуже. Никто не навещал нас. А мы почти не вставали с кровати. Около амбара все еще бегали куры, но мне нечем было зарядить ружье.

В отчаянии мы ждали своей гибели.

Но как-то в вечерние сумерки послышался грохот колес на дороге и топот лошадиных копыт. Потом раздался веселый голос у наших дверей.

— Алло! Где же вы? Можно подумать, что здесь в живых никого не осталось.

На пороге появился Том.

— Да, Том, ты почти угадал.

— Боже мой, боже мой! — с волнением повторял Том, подходя то к одной, то к другой кровати. — Почему же вы не дали нам знать?

— Как мы могли сделать это? Ведь ты сам знаешь, что не было возможности: лошадей дома нет, и мы отрезаны от всего мира.

Том вышел с фонарем. Скоро он вернулся с охапкой дров в руках и растопил печку. Пламя весело загудело. Потом Том снова вышел, принес двух кур и достал провизию из тарантаса. Прошло немного времени, и он угостил нас ужином, который показался нам просто роскошным.

В десять часов вечера, к нашему большому удивлению, Том сказал:

— Теперь, друзья, я еду обратно. Не горюйте, я дам знать матери, она вас быстро выходит. Она будет здесь завтра около полудня.

Том вскочил в тарантас и поехал в старую усадьбу — ему предстоял длинный путь.

Когда на рассвете он постучал в двери, выбежала его мать. Она сразу поняла, что не все благополучно.

— О боже мой! Ты привез дурные вести? Наверное, кто-нибудь умирает? Что случилось, Том?

Том постарался успокоить мать. Она быстро оделась и стала собирать лекарства и разные вещи, необходимые для ухода за больными. Через час она уже сидела в тарантасе и погоняла

усталых лошадей.

В полдень следующего дня она появилась в нашем забытом уголке, словно добрая волшебница, и окружила нас материнской заботой.

Теперь мы были сыты, регулярно получали лекарства, жизнь наша наладилась.

Обеспокоенная моим состоянием, добрая женщина решила написать моей матери:

«Ваш сын заболел злокачественной лихорадкой. Ему необходим очень внимательный уход. Мой совет — взять его домой».

Итак, моя мать снова поспешила ко мне на помощь.

Я никогда не забуду этой поездки домой. Мы ехали на пароходе от Фенелон-Фольс до Кобоконка. Кругом стоял лес, чаруя осенними красками.

В Кобоконке мы пересели на поезд и вечером уже были в Торонто.

Глава VIII

ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ТРОПЕ ХУДОЖНИКА

В сентябре 1876 года я нашел мертвого ястреба недалеко от того места, где раньше была моя хижина. По-видимому, охотник подстрелил хищника, но не смог найти свою добычу. Для меня это была драгоценная находка.

Я понес ястреба домой, любуясь его красотой. Мне захотелось нарисовать его на полотне масляными красками — наша соседка, художница мистрис Макгорн, дала мне несколько уроков по живописи, так что я немного владел этим искусством.

Я сделал чучело и смастерил себе раму с зажимами, которая держала птицу как бы в полете.

Две недели с увлечением писал я портрет ястреба. Выводил каждое пятнышка, каждую полоску, и тот, кто видел натуру, сразу узнал бы ее на полотне.

Эта картина и сейчас передо мной. В свете моих теперешних знаний и художественного опыта я сказал бы, что слишком много уделял тогда внимания деталям, в ущерб характерным линиям и форме. И все же я должен сказать, что это была добросовестно написанная картина, и она дорога мне тем, что была первой на пути моих новых исканий в юношеские годы.

Да, мои домашние были неизменно против моих занятий натуралиста, но любовь к естествознанию разгоралась во мне все с большей и большей силой.

Я полюбил дикую природу с детства, когда мы жили еще в лесной глуши. И теперь в Торонто, эта любовь не погасла, несмотря на скудную природу окрестностей города и препятствия, которые я все больше и больше встречал со стороны отца.

Мне не раз приходилось слышать и читать о юношах, которые мечтали стать художниками, но им приходилось выдерживать упорную борьбу с семьей, особенно с отцом. И только однажды мне пришлось столкнуться с исключением из этого правила — сын не хотел стать художником, но отец заставил его остановить свой выбор на этой профессии.

С детства я мечтал стать естествоиспытателем, но отец заявил мне:

— Это профессия без будущего, без перспектив. У тебя есть

дарование художника, и ты станешь художником.

Никто в нашей семье не решился бы возражать отцу, а тем более перечить его воле. Профессия натуралиста стояла у меня на первом месте, профессия художника — на втором. Но мне не пришлось выбирать, отец решил за меня, и я должен был стать художником.

Не могу сказать, чтобы этот выбор был в тягость мне — у меня было художественное дарование, и в школе мои рисунки всегда выделялись среди других.

Осенью 1876 года, когда мне исполнилось шестнадцать лет (ростом я был почти шесть футов, но худ как тростинка) я стал серьезно подыскивать себе работу.

Я делал зарисовки зданий, разных предприятий и магазинов. Один или два из этих рисунков у меня приняли для рекламы. Я раскрашивал фотографии, но в этом деле не преуспел.

Я рисовал с натуры зверей и птиц. Рисунки получались довольно интересные, но и только — ничего замечательного в них не было.

В нашем городе было несколько художников-портретистов, хорошо известных местным жителям. Я показывал им свои наброски, они хвалили меня, но никаких предложений мне не делали.

Про одного из этих художников в городе ходила интересная молва. Его отец был инженером-строителем, в семье было заранее решено, что сын пойдет по дороге отца и будет его помощником. Так сначала и было. Но когда юноше исполнилось двадцать лет, он решил попробовать свои силы как художник. Он купил себе ящик с красками. Отец стал позировать для него. Через несколько недель портрет был готов. Сходство получилось безукоризненное. Портрет был великолепен в каждой детали и прекрасен по колориту. Неудивительно, что он вызвал всеобщее восхищение.

Ободренный успехом, юноша решил ехать за границу, чтобы там усовершенствовать свое мастерство. Через год он вернулся в Торонто и открыл студию художника-портретиста. У него была лучшая клиентура города, и ему платили самые высокие цены за картины.

Но, как ни странно, он не нарисовал больше ни одного портрета, который мог бы сравниться с портретом его отца. Он работал много и усидчиво, но редко писал портреты с натуры — почти все его портреты были срисованы с фотографий. Все на одном и том же фоне, в одном и том же освещении, с одной и той же схемой раскраски лица. Главное, к чему он стремился — это заработать побольше денег.

Этот молодой художник был на вершине своей славы, когда я

пришел к нему со своими набросками животных и птиц. Он был очень любезен и внимателен ко мне, сказал, что анималистическая тематика очень хорошо удается мне, и предложил поступить к нему в студию в качестве ученика, без заработной платы, сроком на два года. Моя помощь в делах мастерской должна была засчитываться как плата за обучение.

Так начался новый период в моей жизни. Не прошло и трех месяцев, как я постиг все, чему можно было научиться в этой портретной мастерской.

Здесь все делалось по шаблону. Вот, например, человек хочет заказать свой портрет. «Хорошо, — говорят ему, — только пришлите вашу самую лучшую фотографию, на которой вы улыбаетесь, обязательно en face. Вместе с фотографией пришлите точное расстояние от уголка вашего глаза до уголка вашего рта».

За два года, которые я провел в этой студии, я не слыхал ни одного слова, которое имело бы отношение к настоящему искусству. Мой учитель не был художником в истинном значении этого слова.

Мне пришлось познакомиться с одной очень своеобразной отраслью «искусства».

В верхнем этаже здания, в котором находилась наша мастерская, помещалась знаменитая академия бокса Джека Скиллинга. Многие из друзей моего хозяина часто заходили туда либо за советом, либо просто для развлечения.

Однажды один из завсегдатаев академии пришел к нам с подбитым глазом.

— Зайдите-ка в студию, — пригласил его мой хозяин, — мы тебе это дело устроим.

Хозяин подробно проинструктировал меня, как загримировать ушиб.

И вот я попросил пострадавшего лечь на спину и закрыть свой больной глаз. Потом я достал телесного цвета краску и наложил ее слоем на почерневшее, позеленевшее веко. Затем хорошенько припудрил сверху, чтобы придать гриму матовый оттенок, как у кожи. И все оказалось в порядке. Молодой человек, веселый и довольный, распрощался с нами.

— Слушай — сказал мне хозяин — я не против того, чтобы ты зарабатывал немного денег этим способом. Запомни только: если придет богатый человек, бери с него два доллара. С бедного, но уважаемого клиента можно брать от пятидесяти центов до доллара. Если же явится какой-нибудь забулдыга, скажи ему: «Мы такими вещами не занимаемся. Обратись-ка, любезный, вон в ту мастерскую, за углом. Может быть, они тебе помогут».

Так я начал зарабатывать деньги. Правда, этот доход был

невелик, но он был единственным, и я прилагал все старания, чтобы лучше загримировать ушибы своих клиентов.

После двух лет бесплодных ожиданий чего-то лучшего в моей жизни и учении я наконец стал посещать вечерние классы художественной школы Онтарио. Здесь преподавали лучшие художники города. Эта школа мне очень понравилась. Я с увлечением работал и быстро совершенствовался в живописи и рисунке.

В 1788/79 учебном году мне дали золотую медаль за выдающиеся успехи. Я очень гордился этой наградой, гордился ею и мой отец.

Воспользовавшись благоприятным моментом, я сказал отцу:

— Я занял первое место в лучшей художественной школе Канады. Теперь, чтобы действительно стать художником, я должен сделать следующий шаг — ехать в Лондон и там совершенствовать свое мастерство.

Отец ответил:

— Я согласен отпустить тебя в Лондон, на год во всяком случае. Мы тебя будем посылать деньги — сколько именно, сейчас скажу, мне надо будет посоветоваться с твоей матерью и братьями. Во всяком случае это будет небольшая сумма, и должен тебя также предупредить, что ты получишь ее заимообразно.

На какую сумму именно я мог рассчитывать, отец так и не сказал. Но мать заметила мое недоумение и шепнула:

— Мы постараемся высылать пять фунтов стерлингов, если только нам удастся их сэкономить.

12 июня 1879 года я, долговязый, нескладный юноша, стоял на палубе парохода «Алжир», который должен был доставить меня к берегам Англии.

Мои родители и братья пришли на пристань. Когда пароход снялся с якоря, я почувствовал, как что-то словно сжало мне горло и глаза стали влажны.

Я помахал рукой на прощанье и не сводил глаз с берега, пока белый платочек матери не затерялся в толпе.

Глава IX

ЖИЗНЬ В ЛОНДОНЕ

Впервые я почувствовал себя вполне самостоятельным человеком в Лондоне. Один, без семьи, я сам теперь отвечал за каждый свой шаг.

Я снял небольшую комнату и сейчас же занялся устройством своих дел.

Прежде всего нужно было выбрать художественную школу — ведь я приехал сюда учиться. Школа в Саус-Кенсингтоне мне понравилась, но плата за учение был слишком высока. Королевская академия была лучшей художественной школой, и там обучали бесплатно. Но поступить туда было очень трудно — выбирали лучших из лучших. Нужно было сдать экзамен по очень строгому конкурсу и представить большой, хорошо выполненный рисунок какой-нибудь античной скульптуры. Меня всегда увлекала большая игра, и я поставил себе целью поступить в академию.

В Британском музее можно было встретить сорок или пятьдесят студентов, воодушевленных теми же надеждами. И вот я занял место среди них в конце галереи и стал рисовать статую Гермеса.

Принялся я за работу горячо и просиживал там ежедневно с девяти до четырех часов. Меня немного смущало то, что большинство студентов были лучше подготовлены к конкурсу, чем я. По моим расчетам, в разных школах Англии готовилось по меньшей мере двести студентов, а вакантных мест было лишь шесть или семь. Надо было работать, не теряя ни одного дня.

За мольбертом рядом со мной сидела красивая девушка моих лет, уроженка Лондона. Она часто подбадривала меня ласковым словом, видя мое смущение в обществе нарядных и выхоленных жителей столицы.

Первый рисунок Гермеса был представлен в академию в декабре. Но он не прошел по конкурсу. Через год я послал вторую работу — рисунок скульптуры «Сатир» Микеланджело. В декабре 1880 года из ста студентов, подавших заявление, я попал в число шести удостоенных стипендии в Школе живописи и скульптуры при Королевской академии. Я получил студенческий билет, выгравированный на слоновой кости. Этот билет давал мне целый ряд привилегий. Теперь я получил право посещать бесплатно

зоологический сад, где в то время была лучшая в мире коллекция диких животных. Много счастливых часов провел я там, рисуя зверей.

Но материальное положение было очень тяжелым. Деньги из дома приходили нерегулярно; мне удавалось немного подрабатывать иллюстрациями к книгам, но этого было мало. Приходилось экономить во всем. Мясо было слишком дорого, и я от него отказался. Обычно на завтрак у меня были каша с молоком, кофе и кусочек хлеба с маслом. Кофе я сам для себя заготовлял из отрубей, патоки и толченых бобов, все это я перемешивал, месил, а потом запекал в твердую массу, предварительно разделив тесто на кусочки величиной с орех, рассчитанные на чашку кипятку. Такой напиток по виду и вкусу напоминал настоящий кофе.

В перерыве во время работы в музее я съедал обычно полфунта белой фасоли, а иногда заменял этот завтрак горсточкой изюма или фиников.

Вернувшись домой, я ел свой незатейливый обед — похлебку из хлеба с молоком. Изредка я позволял себе добавить кусочек хлеба с маслом.

Мои расходы на питание не превышали двух долларов в неделю. За комнату с услугами я платил полтора доллара.

Завтракал я в семь часов утра. После этого гулял в парке до начала занятий в музее, который открывался только в девять часов. Домой обычно возвращался в пять часов и после обеда снова принимался за рисование — зарисовывал с натуры окружающие предметы или же писал свой портрет, глядя в зеркало.

Я привез с собой несколько рекомендательных писем, но не решался передать их тем, кому они были адресованы: я стеснялся своего внешнего вида, так как был очень плохо и бедно одет.

Скоро в моей жизни произошло радостное событие. С детства я мечтал о книгах по естествознанию, мне их очень недоставало. И вот однажды я узнал от товарищей, что под одной крышей с музеем, где я ежедневно работал, находится самая богатая в мире коллекция естественноисторических книг. Их было там около двух миллионов. Эта была знаменитая библиотека Британского музея, где было собрано все ценное, что когда-либо выходило в свет.

Вход в библиотеку был бесплатный. И вот я пробрался туда тихонько с группой туристов, чтобы взглянуть украдкой на это прославленное чудо света.

Я был ошеломлен. Все мечты, которые волновали меня с детства, всколыхнулись, ожили во мне.

Тотчас я отправился к дежурному, который сидел за столиком у входа, и попросил его дать мне читательский билет. К своему большому огорчению, я узнал, что лица моложе двадцати одного года не допускаются в эту библиотеку. Мне же недавно минуло девятнадцать лет. Так неужели я должен ждать два года, чтобы получить право войти в этот рай, на который я только украдкой взглянул и из которого меня гонят?

Но я не привык сдаваться.

Я пошел к старшему администратору и от него услышал тот же ответ:

— Жалею, что должен отказать, но лицам моложе двадцати одного года мы не выдаем читательского билета в нашу библиотеку.

— Где кабинет вашего директора?

— В конце коридора, в западном крыле здания.

Тотчас же я отправился туда. Вдоль по коридору стояли часовые с золотыми галунами на мундирах и жезлом в руке. Они окинули меня надменным взглядом, но дали пройти.

У конце коридора была дверь с надписью: «Директор библиотеки».

Я постучался, и меня впустил очень важный человек в блестящей ливрее.

За столом сидел сэр Эдуард Бонд, сам директор. Вид у него был совсем не надменным. Он очень внимательно выслушал меня, а потом сказал:

— Мне очень, очень жаль, что я должен огорчить вас, но у нас железный закон: не давать читательского билета подросткам. Должен вам сказать, что было время, когда мы допускали школьников в нашу библиотеку, но заметили, что мальчики приходили сюда главным образом для того, чтобы учить свои уроки, а девочки — почитать новинки приключенческой литературы. Это не соответствует задачам нашей научной библиотеки. В связи с этим было принято решение допускать в наш читательский зал только взрослых читателей. Жалею, что это постановление затрагивает ваши интересы.

— И это ваше последнее, решающее слово, сэр? — спросил я. — Или, быть может, есть еще более высокая инстанция, куда я мог бы обратиться?

Директор библиотеки улыбнулся и сказал:

— Я главное административное лицо. Но конечно, я подчиняюсь распоряжениям, которое дает мне правление музея.

— Кто является членами вашего правления?

— Принц Уэльский, архиепископ Кентерберийский, лорд Биконсфильд и еще несколько человек.

— Я буду ходатайствовать перед ними.

Директор улыбнулся и мы распрощались.

В тот же вечер я написал длинное письмо каждому из этих великих людей. Я рассказал им подробно все, о чем я мечтал и на что надеялся, и о том, как важно для меня не терять этот год — я должен получить это право сейчас или же похоронить свои мечты навсегда.

В полночь я вышел из дому, чтобы опустить в почтовый ящик письма.

По правде сказать, я не ждал ответа. Со своей стороны я сделал все, что мог, — выдержал борьбу до конца.

Через три дня я получил очень вежливое извещение от каждого из этих высокопоставленных людей о том, что они получили мои письма и обсудят мое заявление.

Две недели спустя пришло письмо от сэра Эдуарда Бонда, директора библиотеки музея. Он вызывал меня к себе. Я отправился к нему тотчас же и получил из его рук не простой читательский билет, а пожизненный членский билет с сопроводительной запиской от членов правления музея. В записке говорилось, что принимая во внимание исключительные условия и находясь под сильным впечатлением писем, правление вынесло постановление сделать исключение и вручить мне читательский билет.

Теперь моя жизнь расцвела. Помощник библиотекаря взял меня под свое покровительство и повел меня в книгохранилище, где стояли бесконечные ряды полок с сокровищами литературы. С этого дня я проводил вечера в библиотеке. Она была открыта в то время ежедневно до десяти часов вечера.

Свой день я отдавал рисованию. Вечерами я наслаждался чтением любимых книг.

В стенах этой грандиозной библиотеки у меня родилась смелая мысль написать «Историю канадских птиц». На двух последних страницах книги Росса «Птицы Канады», которую я купил еще мальчиком и привез с собой в Англию, были мои рукописные заметки под названием «Определитель хищных птиц (1874 г.). В музее я познакомился с книгой Куэса «Определитель американских птиц». Изучая ее, я пришел к заключению, что мой определитель был лучше, более логично составлен. Я обращал внимание на характерные черты, Куэс — на второстепенные признаки. Я классифицировал птиц по близкому родству.

Через несколько недель я разработал определитель «Семейства птиц нашей родины». Птицы определялись по четкому рисунку характерных признаков. В дополнение я давал коротенький описательный текст.

Эта рукопись до сих пор хранится в моей библиотеке. Впоследствии она вышла в свет как часть книги доктора Франка Чапмана «Орнитотологический справочник».

Косоглазие — бич моего детства — прошло с приближением юношеских лет. Но скоро другое физическое страдание стало отравлять мою жизнь. Когда мне было шестнадцать лет, я страстно мечтал, как и каждый юноша, быть сильным. Чтобы добиться этого, я стал систематически заниматься гимнастикой и каждый вечер ходил на спортивную площадку. Там не было инструктора, и каждый упражнялся как, умел. Один из моих товарищей подбил меня подняться по отвесному шесту высотой в тридцать футов под самый потолок. Я стал быстро подыматься, но шест был скользкий, а потолок высокий. Поднявшись до половины шеста, я устал до изнеможения. Но мне не хотелось сдаваться, я напряг последние силы и поднялся еще на восемь футов. Тут я почувствовал жгучую боль в низу живота и спустился вниз.

На следующий день я пошел к врачу. Осмотрев меня, врач сказал, что у меня грыжа и что мне необходимо носить бандаж. О, этот ненавистный бандаж! Он, как змея, обвился вокруг моего тела и впился в больное место. Казалось, это было небольшое увечье, но оно мучило меня больше и больше. Я таил свои страдания, надеясь, что придет день, когда я снова буду здоров.

Моя болезнь не мешала мне ходить и бегать, но она лишила меня гибкости движений.

Я всегда ходил по Лондону пешком, отчасти потому, что не хотел тратить деньги на переезды, отчасти же потому, что очень любил ходить. Благодаря этому мускулатура моих ног очень сильно развилась, и я хорошо натренировался в быстрой ходьбе.

Я любил проводить свои праздники у двоюродного брата, который жил в юго-восточной части Лондона, на расстоянии десяти миль от меня. На дорогу уходило два часа. Эти большие прогулки, быстрая ходьба очень хорошо действовали на меня. Мысль начинала работать лучше, быстрее.

Как-то раз по дороге к двоюродному брату меня остановила мысль, что при современном развитии медицины от грыжи можно избавиться хирургическим путем.

У двоюродного брат в гостях я застал молодого врача и обратился к нему за советом.

Он осмотрел меня и сказал:

— Да, такие операции мы теперь делаем, и довольно часто. Грыжу было бы нетрудно оперировать, если бы общее состояние вашего здоровья было лучше. Но оно у вас сильно подорвано. Мой совет — не торопиться. Надо подождать момента, когда

ваши силы восстановятся, тогда можете смело рассчитывать на избавление от вашего недуга.

Эти слова были огромной моральной поддержкой. Теперь я верил, что для меня еще наступят радостные, светлые дни. Но только когда? Как долго придется терпеть?

Глава X

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Я прожил в Лондоне два с половиной года и думал остаться здесь навсегда, но сердце рвалось домой, к родным просторам.

Совершенно неожиданно мне пришлось скоро вернуться на родину. Кто-то из моих друзей написал матери: «Если вы хотите видеть вашего сына в живых, верните его домой как можно скорее».

В ответ пришло письмо матери на мое имя. Она настаивала, чтобы я оставил свое учение и все свои дела в Лондоне и выехал немедленно домой, не теряя ни одного дня.

26 октября 1881 года, бледный, слабый и больной, я сел на пароход «Эрль-Кинг», который отправлялся в Монреаль.

Это было длинное и очень тяжелое путешествие. Одна буря сменялась другой, и мы пробыли в пути шестнадцать дней вместо восьми.

Дома меня встретила мать. Она с трудом дождалась меня. Как радостно было услышать снова ее ласковый голос! Родной дом! Как прекрасны эти слова и как бесконечно хорошо быть под твоим кровом!

Я вернулся домой с подорванными силами, без славы, без богатства и чувствовал себя полным неудачником в жизни, пока не увиделся с матерью. Любовью и лаской, умением понять и поддержать она заставила меня почувствовать себя героем, который вернулся с победой.

В Лондоне я дрожал от холода и голода. Мрачный и неуютный, вставал он в моей памяти. Там мне недоставало всего, что я любил, за исключением книг.

Но вот я снова в солнечной стране. Дома тепло, я сыт, и мне не надо думать о том, как расплатиться с хозяйкой за комнату.

Ко мне вернулась жизнерадостность. Я тянулся к простору полей и лесов, радовался возможности снова слышать пение птиц и следить за их полетом. Опять стал я бродить с ружьем за плечами, продолжая исследование местной природы. Меня интересовали все животные, которых я встречал на своем пути.

Но птицы! Им я отдал свою первую любовь! Изучая их, я забывал обо всем на свете.

Отец был сдержан, мать ласкова, как всегда, хотя она и не видела смысла в моих занятиях. Но я был слаб и болен, и надо

было поощрять все, что заставляло меня быть на свежем воздухе.

Как-то я подстрелил ястреба-голубятника. Это было огромное событие в моей жизни. Я изучал его, зарисовал, снял шкуру, написал большой рассказ о том, как все это произошло.

Неизменно в ясные дни я отправлялся в далекие прогулки за город. И всегда мне навстречу попадалось много разных пернатых друзей — подорожники, сорокопуты, чечетки, синички и другие птицы, и меня радовало, что я знал их по именам. Только теперь я начал как следует изучать птиц.

После двух недель пребывания дома я стал неузнаваем. Силы вернулись ко мне, и жизнь казалась прекрасной, полной радужных надежд.

Как-то раз отец позвал меня в кабинет. Он открыл большую приходо-расходную книгу и сказал мне:

— Тебе, мой сын, уже исполнился двадцать один год. Ты достиг совершеннолетия. Отныне все обязанности по обеспечению твоего существования, которые до их пор лежали на мне, ты должен взять на себя. Я оберегал тебя всеми своими силами, и вряд ли нужно напоминать тебе, что всем, что есть хорошего в тебе, ты обязан мне, твоему отцу. Этот долг неоплатим. Но есть другая сторона дела.

Он стал перелистывать толстый том приходо-расходной книги, указывая на расходы, которые он записывал на мой счет, начиная со дня моего рождения. Вся сумма исчислялась в размере 537 долларов 50 центов.

— До сих пор, — сказал отец приподнятым тоном, взволнованный своей добродетелью, — я не насчитывал процентов. Но с сегодняшнего дня я буду причислять шесть процентов в год. Это я считаю необходимым не только для того, чтобы соблюдать свои интересы, но также для того, чтобы ты стал понимать свои обязанности как взрослый человек.

Я был потрясен до глубины души и сидел, окаменев, не в силах вымолвить слова и только думал про себя:

«О тяжкая минута жизни! Двадцать один год, а в жизни еще ничего не достигнуто! Ни гроша денег в кармане. Никаких перспектив. Ничего, кроме огромного долга».

Чтобы хорошенько обдумать свое положение и решить, что делать, я отправился в далекую прогулку. Прошел несколько миль, и угнетенное состояние исчезло.

«Конечно, отец прав. Я обязан ему платить долг и должен сам бороться за свое существование».

С этими мыслями я отправился в город, чтобы найти себе работу. В художественной мастерской Рольф Смит и Ко мне предложили нарисовать двенадцать поздравительных карточек к

рождественским праздникам и обещали уплатить по пяти долларов за штуку. Для меня это была баснословно высокая цена.

В течение недели заказ был выполнен, карточки доставлены, и я тут же получил все свои шестьдесят долларов.

Никогда еще я не держал столько денег в руках. Признаться, мне было немного совестно взять такую дорогую плату за двенадцать ничтожных набросков.

Я поспешил уйти из мастерской, опасаясь, чтобы директор не передумал и не отобрал у меня половину денег.

Птицы окрестностей Торонто были темой всех моих открыток. Это была первая любимая работа, которая принесла мне доход.

Мой первый порыв был — отдать отцу всю сумму целиком. Немного погодя я решил уплатить ему 37 долларов 50 центов. Окончательное решение было — не платить ему ничего. Он достаточно ясно дал мне понять, что мне надо уходить из родительского дома, а поскольку я теперь предоставлен самому себе, мне нужны деньги.

У моего брата Артура была ферма в Манитобе. Я решил поехать к нему. Это обещало мне жизнь среди приволья природы, здоровье, возможность наблюдать и изучать птиц — все, к чему я так стремился.

По моим расчета, шестидесяти долларов было достаточно, чтобы уплатить за проезд и прожить первое время, пока я найду работу.

Брат писал, что всякого рода скот покупается нарасхват в Манитобе, и советовал вложить деньги в это дело.

О покупке скота мне нечего было и мечтать, но приобрести некоторое количество кур и других птиц было в пределах моих возможностей. Итак, я истратил тридцать долларов на покупку домашней птицы и двадцать пять долларов на билет. Мне удалось заработать еще пятнадцать долларов — я нарисовал льва для торговой марки одной фирмы.

Таким образом, на руках у меня осталось двадцать долларов. С ними я отправился в дальний путь.

Прощай, родной дом!

Глава XI

НА ЗАПАД В ПРЕРИЮ

Итак, я покинул Торонто и поехал на Запад — чудесный, манящий Запад. Со мной был товарищ, Вильям Броди, мой сверстник. Мы сели на фермерский поезд, в единственный плохонький пассажирский вагон; остальные одиннадцать вагонов были предназначены для перевозки скота. Я договорился с проводником относительно моих кур. Согласно расчету с кубического фута, мне надо было оплатить десять долларов, но он поставил мне в счет и место, оставленное для прохода; таким образом, перевозка домашней птицы в Манитобу мне обошлось в пятнадцать долларов.

До Виннипега поезд обычно шел три дня, и мы были немало озадачены, когда кондуктор объявил, что в лучшем случае мы прибудем туда через пять дней.

Все мое богатство состояло в моей молодости, в моих курах, индюках и гусях, в запасе провизии на пять дней и двадцати долларах денег, из которых пятнадцать я должен был отдать проводнику. Но я был полон энергии, надежд, жажды жизни — жизни во всей ее полноте.

Через два дня мы прибыли в Чикаго.

Когда мы остановились в Сент-Пауле, на третий день нашего путешествия, яркие весенние дни вдруг сменились холодом и метелью.

Два дня мы простояли в Сент-Пауле. Местные газеты были переполнены сообщениями об ужасных снежных буранах, бушевавших над равнинами Дакоты.

С нашими билетами мы могли бы пересесть на любой поезд, но я, как и большинство пассажиров, фермеров, не мог этого сделать, так как все мы были связаны заботой о скоте и птице, которых везли с собой.

Товарищу я сказал:

— Поезжай с ближайшим экспрессом, а я останусь здесь со своими птицами.

Забрав свою долю продуктов, он покинул меня. Вместе с ним пересели на другой поезд и все женщины.

Между тем взволнованные фермеры то и дело устраивали собрания, совещались, не зная, как быть. Скот голодал и погибал в тяжелых условиях пути.

Негодование росло, и начальник станции наконец заявил:

— Я сделаю, все, что могу, чтобы помочь вам. Но все пути занесены сугробами. У меня нет мощного паровоза.

Он выбрал лучший из тех, что у него были. Эта была старая, изношенная машина, отжившая свой век. Она медленно отволокла наш поезд на десять миль от Сент-Пауля и потом стала.

А снег все падал, падал и падал.

На наше счастье, мы стояли на главной магистрали, по которой ходил экспресс. Это обстоятельство немного успокаивало: так или иначе, но нас должны будут сдвинуть с пути.

Через три часа томительного ожидания к нам пришел железнодорожный агент и предложил взять лопаты, чтобы очистить путь.

Это был тяжелый и неблагодарный труд. Едва успевали мы отбросить снег, как снова вырастал сугроб. Но мы упорно продолжали работать, пока наконец аварийный паровоз не подошел к нам с севера и не взял наш состав на буксир.

Промерзшие до костей, усталые до изнеможения, мы вернулись в вагон.

Там было жарко от докрасна раскаленной железной печи. Мы заняли свои места и сидя заснули, так как прилечь было негде. А за стеной вагона снежный буран ревел и свирепствовал по-прежнему.

В полночь я проснулся. Поезд шел со скоростью двадцать миль в час. В вагоне было угарно и душно. Мне было как-то не по себе, и я направился в конец вагона, чтобы выйти на площадку и подышать свежим воздухом.

Когда я открыл дверь, меня обдало резким холодом и ослепило снегом. Ощупью я стал пробираться дальше в надежде, что площадка соседнего вагона лучше защищена от снега и ветра.

Но увы! Соседнего вагона не оказалось.

Я полетел вниз…уцепился за буфер. Ноги мои волочились по снегу…

Поверьте, что после этого мне уже не хотелось спать.

Собравшись с силами, я поднялся на заднюю площадку и вернулся в душный вагон.

Скоро поезд добрался до станции Фергус-Фольс. Паровоз отвез нас на запасный путь.

Буран не утихал, а разыгрывался еще больше. Казалось, что все небо, весь мир был наполнен обледеневшими, колючими, вертящимися снежинками.

Мы простояли там четыре дня.

Раз двадцать нас волновали ложные слухи, что нам на выручку выслан паровоз со снегоочистителем.

Наконец нас вызвал начальник станции и авторитетно заявил, что он действительно ожидает прибытия мощного паровоза и что мы будем на станции Виннипег не позже завтрашнего дня. К восьми часам все должны быть на своих местах, ожидая отправления.

На следующее утро все мы были в сборе. Но почти весь день прошел в ожидании. Наконец мы почувствовали привычные толчки — паровоз зацепил наш вагон и, пыхтя, отправился в путь.

По равнине в окрестностях Фергус-Фольса, защищенной от ветров древесной растительностью, мы продвигались хорошо. Однако час спустя на равнине Дакоты снова попали в полосу сильного бурана.

Кругом, насколько только хватало глаз, волновалось снежное море, вдоль и поперек изрезанное сугробами, словно пенящимися волнами. Сугробы были неподвижны. Но по гребням их в диком порыве мчались снежные кони с развевающимися белыми гривами, целыми табунами мчались они, заметая путь.

И вдруг наш большой черный тяжелый паровоз врезался в сугроб. Словно по велению хрупких летящих снежинок, он остановился как вкопанный.

Стоило ему остановиться, как сугроб начал быстро расти. Мы дружно взялись за лопаты и через час двинулись в путь.

— Долго ли мы простоим здесь? — спросил я кондуктора, когда поезд снова врезался в сугроб.

— Какого дьявола вы меня спрашиваете? Откуда я могу знать? — загремел он в ответ.

— Я не знаю, успею ли я добежать до ближней усадьбы, чтобы раздобыть там что-нибудь поесть.

— Ну что же, бегите и узнаете.

Усадьба, которую мне удалось разглядеть среди снежных сугробов, казалось, была единственным обитаемым местом на протяжении по крайней мере двух миль.

Мне нужно было добраться до нее во что бы то ни стало — мои запасы давно иссякли и достать было не у кого, так как все наши спутники сами сидели на голодном пайке.

Если бы поезд ушел без меня, я оказался бы не в худшем положении, чем сейчас, да и кроме того, я не сомневался, что догнал бы его на остановке у следующего сугроба.

Соскочив с поезда, я стал переправляться через снежную равнину: метели уже не было, и я хорошо видел цель моего путешествия. Зато снег было глубокий и предательский. Местами тонкий наст выдерживал меня, но чаще я проваливался и брел по

колено или по пояс в снегу.

Был уже полдень, когда я подошел к длинному ряду усадебных построек.

Из кухни донесся приятный запах жареной свинины.

Я постучался и вошел.

Краснощекая полная женщина переворачивала на сковороде позеленевшую отвратительную свиную требуху. Но я был голоден, и запах даже такого жаркого казался мне чудесным.

— Сколько за все это? — спросил я, указывая на сковороду.

— Тридцать пять центов.

Я протянул деньги.

— А куда же вам выложить? Есть у вас что-нибудь с собой?

У меня ничего не было.

— Это сойдет — заявила женщина, тут же протянула мне старую газету и опрокинула туда сковороду.

Горячий жир стал течь и просачиваться со всех сторон. Я поспешил выйти. На морозе все превратилось в твердую массу.

Через час я снова сидел в нашем душном вагоне: поезд все еще продолжал стоять на месте.

Я расположился было пообедать и только стал развертывать просаленный кулек, как почувствовал себя нехорошо и прилег на скамью.

Напротив меня сидел здоровый деревенский парень и с жадностью смотрел на мой незавидный обед.

— Хотите? — через силу спросил я.

— Еще бы! — радостно ответил парень.

Скоро от свиной требухи не осталось и помину… Я, признаться, нисколько не жалел об этом.

Меня все еще мутило, и я продолжал лежать, когда вдруг до моего слуха донеслось громкое кудахтанье. Собравшись с силами, я поднялся и пошел посмотреть, в чем дело.

И что бы вы думали? Одна из моих кур снесла яйцо!

Я достал яйцо, разбил скорлупу и выпил его сырым, еще совсем теплым. Это была первая закуска за весь день.

После этого я каждый день ждал, не получу ли снова яйцо, чтобы подкрепить свои силы. В своих расчетах я не ошибся. Ежедневно мне удавалось подстеречь момент, когда одна из кур громким кудахтаньем давала знать, что она снесла яйцо.

И, несмотря на то что изголодавшиеся подруги несушки ждали этой минуты с не меньшим нетерпением, чем я, и также бросались к гнезду, мне все же удавалось получить одно-два яйца к обеду. На этой пище я просуществовал шесть последних дней путешествия.

В Виннипег мы прибыли ровно через две недели после того,

как выехали из Торонто.

Невдалеке от Виннипега мне пришлось быть очевидцем замечательной схватки.

По мере нашего приближения к Пембинна тополевые леса становились все гуще. Они раскинулись на протяжении нескольких миль и только кое-где прерывались полянами.

Когда мы подъехали к Сент-Бонифэсу, восточному пригороду Виннипега, наш поезд пересек небольшую поляну. Посредине этой поляны я заметил группу, которая приковала к себе мое внимание. Собаки — черные, белые, рыжие, большие и маленькие — собрались огромной стаей в круг. А в самом центре стоял огромный серый волк. Он был похож на льва. Волк стоял под защитой небольшого куста, один как перст, величавый, спокойный, и только озирался по сторонам. Его шерсть ощетинилась, напряженные ноги пружинили, он готов был в любую минуту принять бой. Его слегка оскаленная пасть, казалось, выражала презрение.

Вдруг собаки ринулись в атаку, наверное, не первую.

Серый волк подпрыгивал на месте, поворачивался то в одну, то в другую сторону.

«Щелк, щелк, щелк!» — стучал он зубами.

Из стаи его врагов доносились предсмертные стоны, суживалось окружавшее его кольцо. Собаки снова наступали. А серый волк продолжал стоять на своем месте, невредимый и непобедимый.

Мне так хотелось, чтобы наш поезд застрял в сугробе и можно было бы еще полюбоваться этим огромным серым волком! Но снежная поляна промелькнула, стволы тополей заслонили картину боя, и мы продолжали свой путь.

Только первого апреля мы добрались до Виннипега.

Теперь меня отделяло всего лишь сто миль от станции Де-Винтон, вблизи которого находилась ферма брата. Но все пути были занесены снегом, и никто не знал, когда пойдет следующий поезд.

Только через два дня я узнал, что вечером отправляется первый пассажирский поезд на Запад.

Наконец, мы прибыли на станцию Де-Винтон. По-прежнему завывала метель и кругом была тьма.

Маленькая станционная постройка одиноко стояла среди прерии. В окне был свет. Когда я вошел туда, дежурный, мирно дремавший на стуле, на минуту очнулся. Я спросил его, не знает ли он, где живет мой брат Артур Сетон-Томпсон. Из невнятного ответа дежурного было ясно, что он не знает адреса и знать не желает и просит его больше не беспокоить.

У меня было смутное представление, что ферму брата надо искать в северном направлении, на расстоянии примерно мили от станции.

К утру ветер затих, метель не заметала больше следов. Я стал искать тропу. Скоро я нашел глубокие и широкие следы человека.

«Должно быть, это следы моего коренастого брата», — решил я и, не имея лучшего путеводителя, пошел по ним.

Скоро я увидел изгородь и покрытый снегом бугор, из которого торчала труба.

Тропинка круто спускалась вниз, и я очутился перед дверью хижины, на которой было написано имя моего брата.

Я постучал и вошел. В глубине большой и единственной комнаты хижины сидели трое с обветренными медно-красными лицами, ни дать ни взять индейцы.

И вдруг раздалось дружное:

— Алло! Эрнест!

Это были мои братья Артур и Карл и товарищ Вильям Броди.

Еще в Торонто, перед моим отъездом на Запад, Вильям Броди, известный естествоиспытатель, которому я многим обязан, сказал мне:

— Когда приедешь на Запад, обязательно веди дневник твоих наблюдений. С каждым годом эти записи будут приобретать для тебя все большую ценность.

Я последовал этому совету тотчас же. Моя первая запись в дневнике была:

«Торонто, Онтарио.

Видел трех красногрудых дроздов».

Я не могу передать, сколько радости доставила мне эта коротенькая запись из четырех слов. Вряд ли она могла иметь какое-нибудь значение для других. Но я инстинктивно чувствовал, что это было начало того, о чем я так много мечтал. Это был первый шаг в чудесный мир.

И я неизменно вел свои записи и продолжаю вести их до сегодняшнего дня.

Дневник моих путешествий и наблюдений лежит передо мной на столе — это пятьдесят толстых томов в кожаных переплетах.

Наскоро набросанные то карандашом, то чернилами, то акварелью — чем-нибудь, что было под рукой, — измазанные кровью животных, принесенных в жертву на алтарь науки, прожженные искрами костров, запачканные торопливыми, немытыми руками, скверно написанные, наспех иллюстрированные — книгопродавец не дал бы за них ломаного гроша, а я не расстался бы с ними ни за какие миллионы. В них

шестьдесят лет моей жизни, моих исканий.

Глава XII

ВЕСНА В ПРЕРИИ

К югу от фермы брата, на расстоянии около четырех миль, начинались песчаные холмы, а за ними черной полосой тянулся хвойный лес. Меня очень тянуло в эти незнакомые, таинственные места.

Однажды в весенний день, когда мы ехали с братом по направлению к холмам, стайка птиц низко летела над прерией.

— Это степные тетерева, — сказал брат, — дикие куры прерий. Они зимуют в лесу и возвращаются сюда, как только стает снег.

Немного позже брат указал пальцем в сторону невысокого холма и проговорил:

— Здесь они танцуют.

— Кто? — спросил я.

— Тетерева.

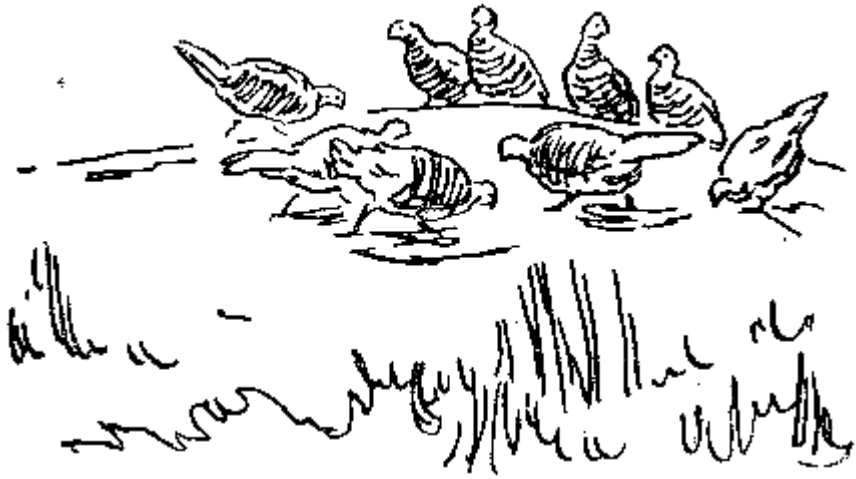
Я не знал, как понять его ответ, но брат был в дурном настроении в тот день, неразговорчив и не дал мне дальнейших объяснений.

Один из наших соседей-фермеров сделал как-то такое же замечание относительно холма. В ответ на мой недоумевающий вопрос он сказал:

— Разве вы не знаете, что степные тетерева, токуя весной, по-настоящему танцуют? А это излюбленное место их тока.

Стоило взглянуть на холм, чтобы поверить этим словам: его оголенная макушка на протяжении по крайней мере пятидесяти футов была вся усеяна перьями и испещрена птичьим пометом, трава, по-видимому, была вся вытоптана.

Через несколько дней мне посчастливилось самому увидеть, как по гребню носилось несколько тетеревов, издавая какие-то гогочущие, каркающие звуки.



Я наблюдал их издали, а когда подошел ближе, тетерева разлетелись. После этого я уже больше не сомневался, что тетерева действительно танцуют. Мне очень хотелось проследить за их током на более близком расстоянии. И вот как удалось это сделать.

Не очень далеко от нашей хижины я нашел холм, который по всем признакам был местом тока степных тетеревов. Захватив с собой лопату и небольшой топор, я отправился туда днем, выбрал поблизости наблюдательный пункт и замаскировал его, чтобы иметь возможность спрятаться.

На следующий день я захватил с собой одеяло и расположился на ночлег.

Лишь только занялась заря, я услышал шорох крыльев. Это тетерев плавным полетом опустился вниз и сел на холме. За ним прилетели и другие.

Когда рассвело, я увидел целую стайку тетеревов, спокойно разгуливающих или неподвижно притихших на месте.

Вот один вдруг опустил голову, расправил крылья, поднял хвост и, засеменив лапками, бегом пустился по земле. Он притопывал быстро и шумно, бил крыльями, вертел хвостом и при этом издавал какой-то резкий гогочущий крик. За ним пустились в пляску и другие. Они усердно топали лапками, вертели хвостами и громко кричали.

Все громче и громче становились и шум и крик, быстрее и быстрее вертелись тетерева в своей пляске, теснились, сбивались в кучу, перепрыгивали друг через друга.

Потом наступил перерыв. Усталые, одни присели, другие спокойно стояли или медленно расхаживали.

Отдых длился недолго. Скоро другой крылатый плясун увлек своих товарищей в новый танец.

Я лежал и наблюдал за ними до восхода солнца. За это время они по крайней мере раз двадцать пускались в пляс. А когда я вышел из засады, тетерева разбежались и улетели в разные стороны.

Весь май и июнь токовали степные тетерева. Позже я узнал, что они токуют не только весной, но и осенью, в период обильных кормов. Не раз приходилось мне видеть, как в ясные осенние дни они слетались на холм, чтобы повеселиться в танце.

Но самое интересное ждало меня впереди.

Летом 1883 года в Кербери, на ферме брата, у меня было около пятнадцати маленьких тетеревят — птенцов, высиженных курицей.

Им было всего лишь две недели, когда над Кербери пронесся ураган с холодным ветром и градом. Опасаясь, что птенцы погибнут от резкого похолодания, я принес весь выводок домой, на кухню, и выпустил их под чугунную плиту на железный лист, которым был обит пол. Клетку с курицей я поставил на небольшом расстоянии, в сторонке.

Через полчаса малыши согрелись, распушили перья, почистили свои крылышки и приняли совсем задорный вид.

К этому времени ветер уже разогнал тучи, в первый раз за весь день весело засияло солнце. Яркие его лучи упали на плиту, проскользнули и под плиту, где собрались в кучку птенцы. Казалось, что солнечный свет и тепло вызвали в них какое-то новое ощущение радости.

Один из малышей, не больше воробья, опустил свою голову почти до самого пола, поднял задорно шишечку, где со временем должен был вырасти хвост, растопырил крылья и стал так сильно топать розовыми ножками, что чудился звон маленьких литавр.

И что же?

Все, как один, тетеревята встрепенулись и начали громко отбивать маленькими лапками, прыгать, скакать, притопывать, в точности как взрослые тетерева на току весной, в пору любви.

Это продолжалось с минуту. Потом птенцы устали и присели для отдыха. Через полчаса снова началась пляска. Еще и еще раз возвращались тетеревята к своему танцу, особенно когда солнце выглядывало и они были сыты.

Скоро я обнаружил, что могу сам заставить птенцов токовать. Стоило мне забарабанить пальцами по железному листу, как они начинали танец.

Это повторялось в течение трех дней, пока я держал птенцов дома. Я показывал их искусство соседям. Несколько моих друзей, которые жили в отдаленных усадьбах, приехали ко мне на лошадях, чтобы посмотреть, как маленькие тетеревята

отплясывают свой танец.

Удивительно, что птенцы токовали совершенно так же, как и их родители, хотя ни разу не видели взрослых степных тетеревов. Мне кажется, что это было естественным выражением радости жизни, переполнявшей их маленькие тельца, — ритмичным, бурным. Какое-то чисто инстинктивное чувство подсказывало птенцам движение танца.

* * *

В те дни мы усердно принялись за обычную фермерскую работу: пахали, боронили, сеяли, строили стойла и сараи, ремонтировали дороги.

Одной из моих обязанностей было поддерживать ходули сохи — немудреное дело, потому что участок был низменный, сырой, не загроможденный камнями, свободный от корней.

Поддерживая обеими руками соху с упряжкой, соединяющей цугом лошадей, я передвигался без устали с одного конца поля на другой. И всегда сбоку или чаще всего позади нас было от пяти до двадцати черных иволг. Все время раздавалось их «крэк, крэк». А другие кружили над нами или же прыгали на расстоянии десяти шагов от меня — нетерпеливые, голодные, готовые обследовать каждый ком земли в поисках личинок, семян или другого корма.

А вдали, словно дым на горизонте, виднелась летящая стая их собратьев, и гомон птичьих голосов напоминал мне шум волн на далеком морском берегу.

Каждый из нас трудился в поле с рассвета до сумерек, а после этого мы еще были заняты и другими работами по хозяйству.

Ежедневно утром и вечером я доил трех коров. Это кажется легко, когда наблюдаешь, как доит десятилетняя девочка. Но как я страдал в первый месяц!

Мои руки болели целыми днями, а на заре, когда я просыпался от мычания коров, руки сводило судорогой, и мне приходилось растирать их несколько минут, прежде чем я мог разогнуть пальцы.

И все-таки это были дни какой-то непрерывной радости.

Глава XIII

ПОЛЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

В мае 1882 года в Кербери съехалось много родных, и мы, три брата, решили отправиться на поиски земли, чтобы получить дополнительный участок для посева пшеницы, овса и посадки картофеля.

Мы выехали на волах, потому что волы более выносливы, чем лошади, могут хорошо просуществовать на подножном корму. Таким образом, нам не надо было брать с собой овес. Это значительно облегчало наш груз.

Месячный запас продуктов и лагерное оборудование — вот все, что нам было нужно. Артур, как всегда, — за кучера и проводника, брат Вальтер — его помощник, а я — натуралист, совмещающий свою работу с обязанностями повара.

Направлялись мы к верховьям реки Ассинибуон. Лиса приветствовала нас лаем с ближнего холма. Кругом хлопотали птицы около своих гнезд. Маленький скунс забился в колею дороги, и мне пришлось помочь ему выбраться оттуда.

По пути нам встречались желтые суслики Ричардсона, живущие колониями, подобно луговым собачкам, и серые суслики Франклина, замечательные своим протяжным, очень музыкальным призывным криком.

В конце июня в бурю и ливень мы прибыли в Рапид-Сити.

Повсюду в окрестности виднелись стоячие пруды — одни не больше полуакра, другие простирались на сотню акров. Их берега, заросшие осокой, были приютом для тысяч птиц, среди которых особенно заметны были утки, чомги, выпи, болотные курочки и крачки.

1 июля 1882 года. Приехали в Бертл и сразу же зашли в земельную контору. Нам дали большой список ферм на выбор.

2 июля. Прибыли в форт Эллис.

Когда мы ехали, погоняя наших волов, перед нами появился кулик-зуек; он тревожно кричал, порывался наброситься на нас. Скоро я понял причину его тревоги — в глубокой колее дороги бегал его птенчик и никак не мог выбраться оттуда. Когда я его заметил, он был почти под ногами наших волов. Быстро соскочив с телеги, я побежал вперед и руками поймал птенца. Это был маленький пушистый шарик с коричневыми блестящими глазками. Он доверчиво смотрел на меня, в то время как

родители его продолжали сердито кричать.

Никогда еще я не видел такого нежного, прелестного создания — он почему-то напомнил мне лань в миниатюре. Я посадил птенчика в безопасное место. Через минуту около него уже были его встревоженные родители.

5 июля. Вблизи Сильвер-Крик мы вдруг заметили на дороге — вдали от воды — самочку чирка с десятью крошечными пушистыми птенчиками. Растерявшаяся мать захлопала крыльями, отбежала в сторону от выводка, прикинулась хромой и всячески старалась обмануть нас, чтобы спасти птенцов.

Как бы там ни было, мы поймали шесть пушистых малышей и отнесли на ближайший пруд. Там мы видели, как все семейство радостно соединилось.

Я не сомневался, что чирки вынуждены были покинуть свой родной пруд потому, что он высох.

11 июля. Поймал тетеревенка двухнедельного возраста, но уже хорошо летающего. Позже я узнал, что птенцы тетерева начинают летать с недельного возраста. Очень любопытно наблюдать, как вылетает тетерка с выводком: кажется, что она летит со стаей воробьев. По отношению к телу крылья у птенцов гораздо больше, чем у взрослых.

27 июля. Комары — это бич великолепного Севера. Они подымаются целыми тучами с болот и прудов и жалят, сосут кровь, мучают. Они за работой весь день, а когда садится солнце, их появляется вдвое больше и они становятся еще злее.

Люди могут спрятаться от этих мучителей в домах, затянув окна марлей или тонкой металлической сеткой. Но чтобы спасти от них скот, нужно разжигать дымящие костры. Это делается следующим образом. На пастбище роют яму в один фут глубиной, в три фута длиной и три фута шириной и в ней разжигают костер из сухих сучьев. Когда костер разгорится большим пламенем, его прикрывают сырой соломой и сверху слоем земли. Таким образом получается удушливый черный дым, который просачивается часами. В тихие вечера дымный воздух не поднимается вверх, но расстилается от костра треугольником. Этот дым — ненавистный враг комаров. Каждый вечер на протяжении всего лета мы разжигали дымящие костры, и как только, бывало, измученные животные заметят серый дымок, они мчатся к нам галопом и останавливаются около костра, наслаждаясь его благотворным действием.

Бык, самый сильный из стада, занимал лучшее место — там, где дым самый тяжелый и едкий. За ним в расплывающемся облаке дыма обычно виднелись две коровы, позади еще три и так далее. И если ветер изменял направление, стадо тоже

поворачивалось, чтобы остаться под защитой спасительного дыма.

Я не раз слыхал, что животные, обезумев от преследования комаров, ложились прямо на дымящий костер и потом гибли от тяжелых ожогов[1].

29 августа. Мой брат принес из леса искалеченную красноглазую птичку вирео. Она отбивалась отчаянно, кусала нас за пальцы и щелкала клювом. Когда я посадил ее в клетку, она опрокинулась на спину и нападала, как ястреб. Потом она ухватилась когтями за мои пальцы и держалась за них, когда я приподнял ее.

30 августа. Вирео может уничтожить любое количество стрекоз. Когда она расправляется с ними, она кладет свою жертву на жердочку и придерживает лапкой. Вирео проглотила в несколько минут шесть маленьких стрекоз целиком. Но одна очень крупная стрекоза причинила ей много беспокойства. Стрекоза отбивалась, и у них была довольно серьезная схватка на полу.

31 августа. Вирео ест мясо. Ее пища сегодня состояла из 12 мух, 12 оводов, кусочка сырого мяса (величиной с небольшой орех), пары больших кузнечиков, пары сверчков и больше половины воробья.

3 сентября. Вирео умерла. Длина ее тела равнялась 5 $^{7}/_{8}$ дюйма, а в размахе крыльев она была 9 $^{1}/_{2}$ дюйма. Эта птица в точности отвечает описаниям Куэса. Несмотря на огромное количество пищи, поглощаемой ежедневно, вирео умерла от истощения. Ее желудок был пуст, сама она была очень худа — одни кости и кожа. Вилли Броди сказал мне, что у него бывала та же история, когда он пробовал держать в клетке насекомоядную птицу.

Мне пришлось неоднократно наблюдать вирео на свободе и слушать, как она поет. Очень трудно передать ее песни, но тот, кто слышал ее хоть раз, не забудет никогда, потому что ни одна птица не распевает так усердно и так настойчиво длинные серенады. Когда вирео поет, она сидит неподвижно среди зеленых листьев на дереве, быть может, всего лишь на 2-3 фута выше вашей головы. Сколько я ни пытался отыскать глазами пернатую певунью, мне ни разу не удалось ее найти. Тогда мне стало понятно, как возникла легенда о поющих листьях.

18 сентября. Сентябрь быстро проходит. Небо по утрам иссиня-стального цвета, с тяжелыми белыми облаками, которые угрожают снегом. Собираются осенние странники. Черные иволгивстречаются огромными стаями, стаи эти гораздо больше, в десять раз больше, чем весной. Когда иволги спускаются тучей

на сжатые поля, они застилают землю на акр, на два блестящим черным покровом. А когда они подымаются ввысь, словно по приказу вожака, шорох их крыльев напоминает раскатистый шум морских волн, набегающих на берег.

Шрэй-рэй-рэй-рэй! — слышится ритмичное чередование нарастающих и падающих звуков. Крэк-крэк-крэк! — тоже сливаются в могучий напев, только совсем иной, чем шелест крыльев.

9 октября. Листья быстро осыпаются. На земле осенний ковер золотистых и коричневых тонов. Каждое утро заморозки, и мелкие пруды уже окаймлены льдом. Перелетные стайки устремились на юг.

Сегодня утром я видел и зарисовал огромную стаю гусей. Они летели вереницей, вытянувшись по крайней мере на целую милю, и гоготали так громко, что казалось, лает бесчисленная свора собак.

Небо синее, но разорванные и белые как снег облака кажутся предательскими и враждебными.

19 октября. Сегодня утром я нашел гнездо балтиморской иволги на верхушке высокого дерева. Оно имело форму сумочки в 6 дюймов глубиной, 4 дюйма шириной и было подвешено верхним краем к пяти горизонтальным веткам. Это гнездо было соткано из волокон древесной коры и казалось очень прочным. Я решил проверить его прочность и стал накладывать в гнездо металлические стружки. После этого я перебросил веревку через гнездо и, подвесив на нее ведерко, стал добавлять груз. Маленькое птичье гнездышко выдержало тяжесть в 15 фунтов. Я добавил еще 2 фунта, но сделал это так неосторожно, что веревка соскользнула и вся тяжесть переместилась на самую тонкую из пяти веток. Она не выдержала семнадцати фунтов и подломилась. Это было старое, обветренное гнездо. Если бы оно было новым, я не сомневаюсь, что выдержало бы груз в 25 фунтов.

21 октября. Сегодня раскопал и нанес на карту норки, бугорки, гнезда и подземные ходы шести мешетчатых крыс-гоферов. Поселенцы говорят, что они собирают вдвое и втрое больше урожая в тех местах, где гофферы разрыхлили землю. Нет сомнения, что гофферы в Америке играют ту же роль, что дождевые черви в Европе, согласно описаниям Дарвина.

30 октября. Внимательно пересчитал перышки на черной иволге:

Голова — 2226
Задняя поверхность шеи — 285
Передняя поверхность шеи — 300

Грудь и вся нижняя сторона — 1000
Спинка — 300
Каждая нога по 100 — 200
Каждое крыло по 280 — 560
Маховые перья — 44
4915.

Глава XIV

ЛЮБИМЫЙ КРАЙ

Брат Артур строил дом из шести комнат. Сюда он собирался переехать из рубленой избушки — первого пристанища на месте нового поселения.

Он и брат Чарли были целыми днями заняты строительными работами. Вилли Броди был у нас за повара. На мою долю выпадали всякие случайные работы, в числе которых входило сооружение курятника для привезенных мною кур.

Однако мы все собирались попытать счастья еще дальше на Западе и закрепить там за собой по половине надела земли.

Мы отправились на разведку, взяв с собой на фермерской телеге десять мешков овса для лошадей, мешок с сухими продуктами (картошку, копченую свиную грудинку, чай и сахар), палатку, одеяла, котелок, сковороду и другую посуду.

Артур, конечно, был кучером и главой нашей экспедиции. Я был опять за повара и охотника, промышляющего дичь для стола. У Чарли не было определенных занятий, он был нашим подручным.

С восторгом разжег я свой первый костер на Западе, недалеко от Фервью. После обеда двинулись дальше.

В восьми милях от Брендона мы остановились на ночлег в придорожной гостинице. В Брендон мы прибыли в одиннадцать часов следующего утра. Переправились через реку на пароме со всем нашим имуществом. Отсюда мы отъехали к югу миль на восемь.

В семь часов вечера разбили лагерь — мой первый лагерь на равнинах Северо-Запада.

Еще долго после того как мои братья заснули, я прислушивался к ночным голосам прерии и к шороху крыльев над головой.

В своем дневнике за этот день я нашел следующую запись:

«Лагерь: 8 миль южнее Брендона. Вечером 12 мая, разжигая костер недалеко от нашей палатки, я спугнул птичку. Она нехотя покинула гнездо, но осталась тут же, недалеко и с тревогой бегала по обожженной траве, освещенная пламенем костра. Время от времени она набиралась храбрости и возвращалась в гнездо. На рассвете я нашел ее в гнезде.

И как только начал я разжигать костер, она опять ушла, не

торопясь. Вскоре птичка вернулась с самцом. И тут только мне удалось их рассмотреть, это была пара береговых жаворонков.

В гнезде лежали три коричневых яйца. Гнездо было свито из сухой травы и сучков и выложено внутри большими коричневыми перьями ястреба — их смертельного врага.

Ободренная близостью самца, самочка еще раз уселась на яйца, несмотря на то что я всего лишь на расстоянии восьми футов от нее жарил на сильном огне свиную грудинку.

После завтрака мы свернули свою палатку, потушили огонь костра и поехали дальше, оставив жаворонков мирно сидеть в их гнезде.

На следующий день мы достигли берегов реки Сури. Река разлилась, и переправа была трудная. Мы сели в лодку, а лошади переправлялись вплавь, и одна из них чуть не утонула в холодной как лед воде.

Птиц здесь было невероятное множество — целые тысячи, десятки тысяч. Стайка за стайкой они летели они к северу, чтобы вить свои гнезда.

Там были маленькие стайки бурых журавлей, и изредка попадались белые чудесные создания. Их трубный клич раздавался высоко в небесах. Дикие гуси летели длинной вереницей или же выстраивались треугольником. Тетерева бегали

почти на каждом холме. А один или два раза мы видели распростертые в небе черные угловатые крылья грифа».

Перечитывая заметки, ночами записанные у костра, я пришел к заключению, что сухого описания птиц и животных с указанием только народных и научных названий, как это делал я, недостаточно. Мне хотелось отразить ту радость, которая волновала меня в те дни. В этом настроении я сделал заметку о птице квели [2].

«Рано утром к нам доносился с высоты небес вибрирующий призывный крик квели — заунывный звук «р-р-р, фео-фео».

Он становился громче, когда птица опускалась.

Вот она парит на распростертых крыльях, трепещут только одни их края.

Потом стремительный полет вниз — ниже, ниже, и квели уже на поляне. Здесь она стоит минуту в застывшей позе с поднятыми, совсем выпрямленными крыльями, показывая их внутреннюю сторону, испещренную белыми и черными пятнами. Она стоит так несколько минут, как будто рисуясь своей красотой. Потом медленно складывает крылья, чтобы побегать и попастись немного, а потом приглашает перепелиным криком свою подругу или собратьев.

На протяжении всего дня мы слышали заунывный крик, наблюдали стремительные движения, горделивые позы».

И теперь, шестьдесят лет спустя, эта песнь и все, что было связано с ней, оживают в моей памяти с такой силой, что я не нахожу ничего равного по силе этому впечатлению.

Были у меня и другие небольшие открытия и наблюдения, которые скрашивали жизнь во время нашего далекого странствования.

Однажды я остался один охранять лагерь — мои братья в тот день отправились на ту сторону реки Пембинны, чтобы расспросить относительно свободных земельных участков.

В долине этой реки недалеко от нашего лагеря росло несколько дубов. Я отправился туда, не сомневаясь, что мне удастся сделать какие-нибудь новые наблюдения над птицами.

И действительно, не успел я прийти, как мне сразу бросилось в глаза одно очень интересное явление. В стволах дубов было несколько отверстий, по-видимому выдолбленных дятлами. В них поселились парами городские ласточки. В наших густо заселенных краях на Востоке мы привыкли считать ласточку обитательницей сараев и крыш — уголков, обеспеченных ей человеком. Но здесь, в глуши, я увидел, как живет наша ласточка

в диких условиях и как она жила пятьсот лет назад, до прихода белого человека.

В земельной конторе нам сказали, что вся земля, годная под пахоту, в этом районе распределена между поселенцами уже год назад.

В мрачном настроении мы повернули наших лошадей на Северо-Запад, на Брендон, по направлению к дому.

Покинув долину реки Пембинны, мы попали на обширную пустынную равнину с известняковой почвой. Здесь мы спугнули кулика-уиллета[3] с его гнезда. Это гнездо было просто небольшой впадиной между пучком травы и костью бизона. Оно не было ничем выложено внутри — по-видимому, нечем было, так бедна природа вокруг. Яйца оливково-серого цвета, такие же монотонные, как и унылый ландшафт кругом. Я не сомневался, что кость бизона была для кулика вехой, по которой он находил свое гнездо, когда возвращался издалека.

Но самым замечательным были яйца. Грушеобразные, они имели очертания треугольника и все четыре лежали вплотную друг к другу острыми концами внутрь, так что образовывали круг, разделенный на четыре равные части. Позже я узнал, что у многих морских и болотных птиц яйца такой формы. Но тогда для меня это было большой неожиданностью.

Осенью 1881 года я часто встречался с Биллем Лоном, Биллем Лангом и другими охотниками города Торонто. Меня всегда поражала та необычайная точность, с какой эти люди узнавали птиц по полету. Уже издали они знали, какая стайка летит. И когда я спрашивал: «Как же вы их узнаете?», они отвечали: «Это дается опытом».

Такой ответ совсем не удовлетворял меня.

Однако скоро я сам догадался, что прежде всего надо знать природные условия, а также то, какие именно птицы прилетают в определенное время и в определенные районы.

Затем надо знать характерные черты их полета и то, как они выстраиваются в стайке. Так, например, гуси и журавли летят высоко длинной вереницей. Иногда же выстраиваются под углом. Дикие утки и некоторые из болотных птиц тоже летят вереницей, друг за другом, только низко над землей. Чирки, морские кулики и черные дрозды, так же как и маленькие птички, летят неправильными стайками. Короче говоря, крупные птицы летят обычно правильным строем, вероятно, потому, что столкновение для них было бы более опасным, чем для мелких птиц.

Недавно несколько моих друзей-летчиков говорили мне, что, когда аэропланы летят эскадрильей, они выстраиваются по примеру диких гусей. При этом строе каждый аэроплан

эскадрильи находится позади ведущего и каждый пилот видит свой путь впереди. И если бы случилось, что один из аэропланов отстал, при таком строе нет опасности столкновения.

Последний секрет охотника — это умение узнавать характерные особенности оперения у каждого вида птиц. Я стал изучать их и зарисовывать. Я сделал иллюстрации с натуры и дал им название «Определение полета» или «Портреты-зарисовки издалека».

Во время моего пребывания на Северо-Западной равнине я сделал сотни таких зарисовок.

Мы не встретили ни одной вилорогой антилопы на нашем пути — последние большие стада этих животных исчезли три или четыре года назад. Исчезли и бизоны. Они паслись здесь раньше огромными стадами. Но уже лет двадцать прошло с тех пор, как бизонов не стало видно на равнине.

На нашем пути попадались только лисицы, барсуки, скунсы.

20 мая, в самый расцвет весны, вдруг сразу похолодало и поднялась снежная буря. Пруды сковало льдом на четверть дюйма толщиной.

Три или четыре часа мы продолжали наш путь, борясь с суровой стихией. Потом приютились в сарае, который стоял на брошенном участке. Скоро к нам присоединились и другие охотники за землей.

Два дня мы просидели здесь, не решаясь разжечь костер, так как кругом была разбросана солома.

Много птиц залетало к нам в сарай укрыться от непогоды. Они сидели, нахохлившись, на стропилах крыши, на выступах стен.

Там были краснохвостки, вирео, черношапочные славки, пара береговых ласточек, дрозд с оливковой спинкой. Бедный дрозд скоро умер, так же как и другой, который прилетел позже.

И в самом деле здесь было очень тяжело, в этом злосчастном сарае. Мы все дрожали от холода и ничего не могли делать; оставалось только сидеть и ждать, когда разгуляется погода.

И все же никто из нас не унывал и не падал духом. Мы все были молоды и жили надеждой, что скоро найдем себе хороший участок земли.

Каждый день мы встречались с такими же путниками, как и сами, — некоторых видели на дороге, других — в лагере, а третьи приветствовали нас из своих новых землянок.

Стоило взглянуть на телеги переселенцев, чтобы безошибочно сказать, что это едет беднота. Они жили впроголодь. В дымных землянках, покрытых толем вместе крыш, было грязно. И все-таки эти люди не горевали, и бедность не угнетало их,

потому что в сердцах жила надежда.

Молодые люди были здесь с молодыми женами, а некоторые и с маленькими детьми. Люди старшего поколения, потерпевшие неудачу в восточных районах Америки, надеялись устроиться здесь. Они с усердием пахали, огораживали свои участки, достраивали землянки — первое пристанище поселенцев, словно знали зачарованное слово, которое сбросит с них путы нищеты и превратит горе в радость.

Солнце вставало и светило каждый день над этим краем неугасаемых надежд.

* * *

В пятницу утром 20 мая мы вернулись в Кербери из нашего первого безуспешного путешествия в поисках земли.

Глава XV

ПО СЛЕДАМ

В середине ноября, когда снег уже покрыл землю, я отправился бродить по следам диких зверей.

Очень скоро я набрел на свежий след лисицы. След лисы нетрудно узнать, если отпечатки сделаны на влажной земле или на тонком слое снега. След небольшой собаки похож на лисий след, но имеет свои особенности.

На рисунке показаны следы лисицы и собаки. У собаки след зигзагообразный, у лисицы он идет почти по прямой линии. Это объясняется тем, что у собаки грудь гораздо шире, чем у лисы.

По отпечаткам можно заметить, что собака очень небрежно волочит свои ноги по снегу, лиса же поднимает их осторожно вверх и аккуратно ставит. Таким образом она тихонько пробирается по лесу. На рисунке виден след, оставленный пушистым хвостом лисицы.

Все сказанное подтверждает, что это был след лисицы. Я шел по нему на протяжении четверти мили в одном направлении, потом след повернул обратно, пошел зигзагами по ходу ветра — к норе на откосе берега. Лисица вытащила спящего удава из норы, загрызла его, оставила на берегу и пошла себе дальше. Прошла полмили — попала в заросли кустарника, где лежал глубокий снег.

Когда лиса пришла к месту, она остановилась. Лиса, наверно, почуяла — у нее ведь очень тонкое обоняние, — что где-то здесь неподалеку спрятались куропатки.

В этих краях в холодные, морозные ночи тетерева и куропатки ночуют в снегу. Если бы они оставались спать на открытом месте при морозе 40 градусов, они замерзли бы. Поэтому в сильные морозы, когда садится солнце, куропатки зарываются в свежий, рыхлый сугроб. Ветер заметает снег, укутывает птиц снежной пеленой, так что никаких следов куропаток не найдешь.

Итак, лиса остановилась, ее чуткий нос подсказал: «Будь настороже!»

Лиса остановилась и подняла одну лапу.

Как я мог узнать об этом?

Очень просто: потому что в точке 1-й я увидел маленький отпечаток, сделанный лисьей лапкой, — она едва коснулась

снега.

Потом тихонько — шаги здесь короткие — лиса прокралась дальше, обнюхивая следы. В точке 2-й она потеряла след и повернула к точке 3-й.

Теперь лиса хорошо учуяла запах куропаток — они где-то близко. Идя по ее следам, я заметил несколько осторожных шажков, потом глубокие отпечатки двух задних ног. Здесь лиса прыгнула вперед как раз в тот момент, когда две куропатки рванулись из сугроба (в точках 4-й и 5-й) и быстро полетели. Однако одна из куропаток, та, которая вылетела в точке 4-й, немного замешкалась. Лиса поймала ее на лету, тут же на снегу принялась есть, а остатки унесла с собой.

Только теперь я понял, почему далеко позади лежал мертвый удав. Змея никогда не была лакомством. А холодная змея, да еще в холодный день — это уж совсем невкусный завтрак! Лиса загрызла удава, чтобы он не мог уползти, а сама пошла искать чего-нибудь повкуснее! Если бы лисе не попалась хорошая добыча, она вернулась бы к удаву. Но теперь мы знаем, что ей незачем был возвращаться, она позавтракала теплой вкусной куропаткой.

Все эти приключения лисы я узнал, даже ни разу не взглянув на лису, по одним только ее следам, оставленным на снегу среди просторов далекого Запада.

Жизнь диких животных настолько увлекла меня, я начал так напряженно ловить каждую примету, которая помогла бы мне разгадать их тайны, что даже в окрестностях города Торонто находил интересные, загадочные следы и расшифровывал их значение.

Недалеко от нашего дома была глубокая лощина и лесные заросли. Как-то раз во время прогулки я спустился в лощину. Следы на чистом снегу были очень отчетливые и интересные.

Под кустом я нашел след кролика. Что-то заставило его прыгнуть. Продолговатые отпечатки задних лап были впереди двух маленьких круглых следов передних. Это объясняется тем, что во время прыжка кролик ставит задние ноги вперед, и, чем быстрее он мчится, тем дальше впереди следы его задних ног. Интересно, что получилось бы, если бы кролик ускорил свой бег в десятки раз?

В местах, обозначенных С и Д, кролик крутился на месте, как будто увертываясь от врага. Но какого врага? Ведь там не было никаких следов. Я подумал, что кролик сошел с ума, испугался и увертывался от несуществующего врага.

Но в точке Г я вдруг заметил брызги крови, в С — другие. Так вот оно что! Кролик и на самом деле был в опасности, он убегал

от настоящего врага. Но какого же? Других следов я все-таки пока не мог найти.

Но вот в точке Н я увидел следы, по-видимому оставленные крыльями. Только теперь я понял: кролик пытался уйти от когтей орла, ястреба или совы.

В точке К я нашел наконец остатки съеденного кролика. Значит, это был не орел, потому что орел либо бы съел кролика целиком, либо унес его с собой. Это был ястреб или сова. Но кто из них?

Я стал всматриваться в следы и около остатков кролика нашел отпечатки лап совы, а на ближнем дереве — ее перья.

Итак, это была сова.

Я присел, чтобы зарисовать эти следы. А пока я сидел, прилетела та самая сова, чтобы еще раз закусить. Она уселась на ветку прямо над моей головой. К сожалению, у меня не было фотоаппарата с собой, и я не мог ее снять, но зато у меня был альбом для зарисовок. Я зарисовал сову, пока она сидела на ветке.

Однажды днем в конце ноября я сидел у окна и глядел в незамерзшую часть стекла. Вдруг я увидел огромного волка. Он промчался через наш двор и ворвался в коровник. За волком гналась черная собака колли.

Я закричал:

— Волк! — и выбежал с ружьем в чем был, без шапки, без пальто.

Пока я добежал, собака уже выгнала волка из коровника и помчалась в погоню. Я выстрелил вслед волку, но промахнулся.

Тогда я сам присоединился к погоне.

Никогда еще я не видел такой интересной травли. Приблизительно через каждые сто ярдов собака догоняла волка и набрасывалась на него сзади. Волк бросался в сторону, а собака наступала на него со стороны леса. Собака всячески старалась не пустить волка в лес, а волк, наоборот, прилагал все усилия, чтобы укрыться в лесу.

Все ближе и ближе к поселку гнала собака волка. В конце концов собака добилась своего: волк очутился в пятидесяти метрах от одной усадьбы.

Выбежали люди. Теперь уже не страшно было свирепое щелканье зубов — собака стремительно набросилась на волка и повалила его на землю.

Как в раз в это время подоспел и я с ружьем.

Пуля попала волку в лоб.

А собака?

Увидев, что ее враг убит, она помчалась обратно в прерию,

как будто не чувствуя никакой усталости, словно никакой погони не было. Она ни разу не останавливалась, пока не прибежала к усадьбе, где гостил ее хозяин. Это было на расстоянии четырех миль от дома, откуда собака гнала волка.

Франка — так звали собаку — все знали в окрестности. Ни один пес не мог состязаться с ним в быстроте бега и выносливости. Меня так поразили его необычайный ум и отвага, что я постарался получить одного из щенят Франка. Это был чистокровный шотландский колли.

Для жизни в глухих местах колли — лучшая в мире собака. А мне казалось — так, наверное, думает каждый, у кого есть собака, — что моя была лучшая из этих лучших собак.

Я назвал своего щенка Бинго. Кому захочется познакомиться с Бинго, пусть прочтет рассказ о нем в книге «Мои дикие друзья».

В декабре у меня была встреча с очень умной лисой. Я пробирался по снегу к лесу и заметил лису на краю зарослей кустарника. Я сразу остановился и притих на месте, чтобы дать лисе зайти под прикрытием зарослей.

Потом я стал тихонько подкрадываться, думая, что лисица в

кустах. Но там ее не было. Я стал всматриваться в снег и заметил следы, по которым догадался, что лиса была на расстоянии полумили от меня и следила за мной с напряженным вниманием.

Оказалось, судя по следам, что лиса увидела меня в тот самый момент, когда и я увидел ее, но, не показывая виду, скрылась в кустах, а потом побежала. Наверное, она долго смеялась надо мной, глядя, как я выслеживаю ее возле кустарника.

" 25 декабря 1882 года. Мороз все крепчает и крепчает. Термометр показывает все время 20˚и 30˚ ниже нуля. Ни мать, ни отец не привыкли к такой стуже и уехали в Торонто, с ними и моя кузина Мери Берфильд».

Скоро и братья уехали домой, оставив меня одного с братом Артуром.

Три года прожили мы с ним вдвоем. Я помогал ему по хозяйству, ходил за коровами, курами, а кроме того, был еще и за повара. Весной пахал землю, летом участвовал в уборке урожая.

" 8 января 1883 года. Вчера видел лису на поляне и, когда выходил из дому, трех волков около нашего сарая.

14 января 1883 года. Вчера была довольно сильная метель. Сегодня в течение дня видел по меньшей мере восемь волков. Все они шли с севера по направлению к югу. Ветер дул с юго-запада».

* * *

Все американцы, конечно, слыхали о снежных буранах, которые свирепствуют на северо-западе нашего материка. Но только тот, кто сам побывал здесь, знает, что это такое.

В течение первой зимы в этих краях мы, новички, все время ждали, что вот-вот разразится снежная буря.

Наступило рождество. Снег становился все глубже и глубже. Все время стояли сильные морозы, однако ветров особенных не было.

Но вот пришел день, когда ветер начал дуть так сильно, так сильно, как никогда не дул в Онтарио. Сугробы на снежной волнистой равнине становились все выше и выше. А по гребням их со свистом и ревом ветер нес целые облака снега, заволакивая дали снежной пылью.

Стало очень, очень холодно.

Глядя на бушующее снежное море, кто-то из нас, новичков,

спросил:

— Артур, это буран?

Презрительное «пх» — вот все, что мы получили в ответ.

Метели становились все чаще и чаще, но здесь их как будто никто не замечал, жизнь шла своей колеей, и люди не прятались по домам.

В середине января налетела еще одна сильная снежная буря. Температура упала до — 30°. Всю ночь бушевали ветры около дома и рвались в прерию. Сугробы все росли и росли, и наконец не стало видно изгородей около домов. От мороза коченело лицо, и нельзя было оставаться больше часа на воздухе, чтобы не отморозить себе нос или ухо. Ехать куда-нибудь было невозможно.

Кто-то из нас, глядя, как неистовый ветер гонит и кружит облака снежной пыли, спросил:

— Артур, ведь это уж наверняка снежный буран?

— Нет, — с усмешкой ответил брат.

Наступил февраль. Глубокий снег покрыл все кругом. Ветры нанесли огромные сугробы.

Однажды в конце февраля на заре появились облака. И хотя погода была тихая, время от времени порывами налетал ветер и подымал снег с земли. Потом ветер затихал, и снег ложился на землю.

К вечеру непогода разыгралась. Ветер дул с севера и становился все сильнее и сильнее. Поднялась метель. Температура опустилась до 40°ниже нуля.

Всю ночь мы слышали, как ревел ветер и обледенелый снег хлестал по крыше.

Утром стало еще хуже. Уже должно было светать, когда мы выглянули за дверь, но ничего нельзя было рассмотреть на расстоянии даже двадцати шагов.

Это был настоящий хаос крутящегося мелкого снега, непрерывный вой колючей метели — снег сверху, снег вокруг вас, снег снизу, снег повсюду — снег, который пронизывал леденящим холодом до самых костей. Ветер гнал растрепанные облака над самой землей, наметал целые горы снега.

Оглушающе ревел ветер, воздух обжигал холодом, как огонь. Казалось, весь мир погиб под могучим натиском снежной бури. Словно не было ни неба, ни земли — ничего, кроме этого свирепого ветра и ужасной метели.

Всюду был мрак, и день был, как ночь.

Мне больше нечего сказать. Буря — как ничтожно это слово!

Два дня мы сидели взаперти. На третье утро все затихло. И когда мы откапывали погибший скот из-под снега, я спросил

брата:

— Артур, это был буран?

Брат ничего не ответил.

* * *

В 1882 году у меня было много интересных приключений и наблюдений над птицами и дикими животными.

В дневнике осталось много записей и наскоро сделанных зарисовок.

С каждым днем мои силы восстанавливались, и я чувствовал себя бодрее. И когда в начале марта я увидел снежных подорожников на сугробе и услышал их нежные весенние песенки, я решил, что пришло время для операции, она освободит меня от ненавистной черной «змеи», которая впивалась в мое тело днем и ночью, отнимала радость юных дней.

Я узнал, что лучшим хирургом в наших краях был доктор Мюзес Гуни. Он жил в Чикаго. Его имя было известно и за пределами нашей страны.

Подсчитав свои деньги, я купил себе самый дешевый билет на пассажирский поезд в Чикаго. Прибыл туда 15 марта 1883 года в семь часов утра.

На вокзале меня встретили мой брат Джордж и кузина Мери Берфильд. В тот же день мы пошли на прием к знаменитому хирургу.

Операция прошла благополучно, и через шесть недель я уже спешил в Манитобу, окрыленный надеждами и радостью.

Черная туча, омрачавшая мою юность, наконец-то рассеялась.

Глава XVI

МОИ ВСТРЕЧИ С ПТИЦАМИ

Снова в Кербери. Хотя чувство слабости еще не прошло, но я был бодр и радостно настроен — операция прошла благополучно, я был теперь здоров.

Цвела ветреница, и прерия была так чудесна в этом прелестном наряде! Весенние песни птиц звенели над ее просторами и доносились из лесу со всех сторон.

Никогда не забуду один майский день, когда я бродил по холмам, сказочно красивым еловым рощам и чувство непередаваемой радости переполняло мое сердце. Меня радовало все кругом, но, кажется, больше всего то, что теперь я знал голос почти каждой птички, знал, как ее зовут, и понимал ее песнь.

Был восхитительный закат солнца, когда я пробирался через болото по бревнам — переправе, которую я сам здесь устроил.

Вдруг до меня донеслись звуки чудесной песни. Я узнал своего старого друга — королевскую птицу. Она пела знакомую, любимую мою песнь, но пела так, как никогда, и я весь превратился в слух.

Звуки песни лились, нарастали и крепли, потом зазвучали тише и рассыпались в трель.

Я был взволнован, как никогда, и под впечатлением волшебной песни незаметно прошел свой дальний путь домой.

* * *

В дни моего детства в окрестностях Линдсея (штат Онтарио) почти не было уже диких зверей, зато птиц было много. Гнезд было особенно много на обгоревших после лесного пожара остовах деревьев. Там высиживали своих птенцов белокрылые желны, красноголовые дрозды, американские пустельги и множество маленьких птичек. На месте пожарища на хорошо освещенном солнцем участке бурно росла малина. Сюда мы приходили каждое лето с ведерочком собирать ягоды. Малина созревала в июле. Было нестерпимо жарко под этими черными, обуглившимися деревьями, и трудно было пробираться сквозь

густые заросли малины, перелезая через упавшие деревья. Здесь было очень много ос. Их вкусы запомнились вместе с ароматным запахом малины, с громкими криками древесных уток и воробьиного ястреба.

Но часто слышались и другие звуки. Неподалеку, на заболоченном месте, росли лиственницы, и оттуда доносилась к нам мелодичная песенка с присвистыванием. Она была так не похожа на карканье ворон и крики лесного петушка, что мы невольно прислушивались к ней.

Маленькая серая птичка была чудесной певуньей, и грустная песнь ее лилась нежными, чистыми звуками.

Мы не знали, что это была за птичка. У нас не было книг, которые помогли бы нам узнать ее имя. И мы назвали ее «болотной свистуньей». Прошло два или три года. И всегда, как только наступало лето, нас тянуло в то место, где росли лиственницы и где было гнездо нашей свистуньи. Однажды я слышал, как она пела даже среди темной ночи.

Как-то ранней весной, когда еще не стаял снег, птичка летела и пела знакомую песнь. Почему-то тогда, в снежном лесу, она захватила меня своей песнью еще больше, чем в жаркие июльские дни, когда мы собирали малину.

Но никто из нас так и не знал ее имени. И мне было очень грустно, что я не смог разгадать ее тайну.

Это было в конце 60-х — начале 70-х годов прошлого столетия. С каждым годом я все больше увлекался изучением птиц. В школьные годы мне удалось узнать некоторые имена крупных американских естествоиспытателей.

Потом произошла большая перемена в моей жизни: я уехал учиться в Лондон. Там в большой научной библиотеке при академии я получил возможность читать труды наших ученых-натуралистов, имена которых я уже знал. С жадностью просматривал я книги, лист за листом, пытаясь найти указания, которые помогли бы мне определить милую болотную свистунью.

Один из английских любителей птиц, заметив, с какой настойчивостью добивался я в определении очаровавшей меня птички, с участием стал помогать мне и высказал предположение, что это может быть дрозд-отшельник.

Но я не знал, так ли это.

«Это новая птичка, — думал я. — Никто здесь, наверное, еще не слыхал ее песни. Я сам опишу ее».

Теперь я знал, что ученые сами дают названия неизвестным в науке птицам и описывают их характерные признаки.

«Я назову ее канадским соловьем или певуньей бора. Мне нужно будет обязательно узнать ее индейское название и

сообщить его друзьям детства».

Потом наступил новый период моей жизни. Я попал на Северо-Запад Америки, где впервые, руководствуясь орнитологической книгой, приступил к изучению птиц. Я приобрел «Определитель птиц Куэса».

Трудно передать ту радость, которую эта книга дала всем любителям птиц Америки. Ошибок в ней было немало. Я знал это. Но зато она была первой удачной попыткой дать точные знания всем, кто любил и хотел знать живых птиц, а не птичьи чучела.

Под вдохновляющим влиянием этой книги мои исследования быстро продвигались вперед и возле меня собралась группа мальчиков, которые, так же как и я, хотели многое знать о птицах, но им никто не помогал.

И все-таки маленькая свистунья в лиственницах оставалась для меня мучительной тайной.

Один из моих друзей сказал, что он проследил за певцом этих песен и что, конечно, это был дрозд-отшельник. Другой предполагал, что это был золотоголовый дрозд. Третий думал, что это очень редкая, еще неизвестная науке птица и что она должна быть причислена к семейству соловьев.

В то время мне приходилось много путешествовать. Я был в верховьях реки Ассинибуон. В своем дневнике я нашел следующую запись:

«Сегодня вечером мы разбили свой лагерь на краю зияющей в земном шаре трещины, по дну которой протекает река Раковин. Когда я шел по краю обрывистого берега, любуясь, как солнце садилось среди огненно-пурпуровых облаков, маленькая птичка прилетела и села на ветку засохшего дерева. Освещенная ослепительными лучами солнца, она запела песнь, которая разбудила во мне целый рой волнующих воспоминаний.

Потом она скрылась в лесу, и издали ко мне доносились нежные звуки ее песни».

Это была песнь, которую я знал с детства. Но я никогда не видел вблизи свистунью и ни от кого не мог добиться, чтобы мне сказали, как ее зовут. Но теперь я удовлетворен тем, что могу с уверенностью сказать: это птичка не золотоголовый дрозд.

Я легко мог бы подстрелить ее, и тогда исполнилась бы моя заветная мечта — я узнал бы все о таинственном маленьком друге.

Но у меня не поднялась рука.

Много раз в то лето, когда я бродил по болотам, я слышал ее грустный призыв.

1 мая 1883 года я был в Чикаго. День у меня был свободный,

и я бродил по зоопарку. Там были клетки с обыкновенными местными птицами. Я был на расстоянии около пятидесяти шагов, когда моего слуха коснулись звуки, которые заставили меня вздрогнуть. Из-за железной решетки клетки лилась тихая, нежная песнь болотной свистуньи.

Я бросился вперед. Там были воробьи самых разнообразных видов, дрозды, синички, малиновки и много других пернатых певцов.

Но кто из них пел?

Я просидел час, но песнь не повторилась.

Теряясь в догадках, я сел в поезд и уехал домой.

Тайна осталась неразгаданной.

Дней через десять я бродил по окрестностям Кербери. Стояла чудесная погода, и на опушке леса было множество птиц. Я собрал уже множество птичьих шкурок для своей коллекции, когда вдруг прилетел очень красивый дубонос. Он сел на ближнее дерево и стал тревожно звать кого-то. Я хотел подстрелить его, но как раз в этот момент на другое дерево сел ястреб, как мне показалось, ястреб-змеятник. У меня остался только один патрон, и я стал тихонько подкрадываться, чтобы пополнить свою коллекцию новым видом ястреба.

Не успел я спустить курок, как над самой моей головой с ветки дерева раздалась знакомая тихая песенка, и с ней нахлынули дорогие воспоминания.

Забыты были ястреб и дубонос, и, как ни зачерствело мое сердце охотника, у меня сильно дрожали руки, когда я вскинули ружье и стал целиться в свистунью.

Я выстрелил.

Она упала на землю, безжизненная, как камень. Чистая жертва, принесенная на алтарь жажды знаний.

Я бросился к ней.

И что же оказалось?

Моя певунья-чаровница была не кто иной, как воробей-белошейка. На севере ее называют соловьем за ее чудные песни и за то, что она любит петь по ночам[4].

Мне попалась запись в дневнике, посвященная моей любимице:

«7 октября. 1883 года.

Снова на обрывистых берегах реки Раковин. Здесь впервые я услышал песенку, которая была мне так дорога на протяжении многих, многих лет. Было темно, когда мы приехали сюда в мрачный холодный осенний вечер. Ревела река, заунывно кричала ночная сова, и только нежное посвистывание одной птички успокаивало сердце.

Каждый раз, как только я слышу эту песнь, в сердце пробуждаются самые дорогие воспоминания, не столько детства, сколько золотых дней юности. Эта тихая, грустная песенка всегда волнует меня до самой глубины души».

Глава XVII

НА РЕКЕ АССИНИБУОН

В июле 1883 года к нам приехал из Англии мой товарищ, естествоиспытатель Миллер Кристи. Он собирался погостить несколько недель. Кристи очень быстро подружился со всеми и внес много интересного в нашу жизнь. От него я впервые узнал о замечательных открытиях Дарвина, и рассказы о великом ученом увлекали меня, как сказка.

Мы много бродили с Кристи по прерии, лесам и болотам, по берегам красивых озер и особенно часто бывали у озера Часка, которое я так любил. Я всегда радовался от всего сердца, когда видел, что Кристи доволен и что ему хорошо у нас. Кристи был старше меня, знал больше и был очень интересным собеседником.

6 августа мы отправились пешком в далекую экскурсию с целью пересечь глушь, которая лежала между нашими местами и рекой Ассинибуон. Захватили с собой одеяла, котелок, кружки и одно ружье.

На следующий вечер на рубеже заселенной земли мы устроились на ночлег под комбайном. Всю ночь мы слышали легкое жужжание под нашими одеялами. На рассвете обнаружилось, что мы спали на осином гнезде. По-видимому, эти насекомые совершенно беспомощны ночью. Этим, наверное, объясняется, что на них очень удачно охотится скунс — ночной охотник. Рано утром осы заставили нас покинуть их жилище.

Мы посетили озеро Часка — самое большое озеро в том районе. Оно лежит к юго-западу от Кербери, на границе между открытой прерией и песчаными холмами, заросшими лесом. Озеро это тянется в длину на две мили, а ширина его полмили. С восточной стороны к нему примыкало болото, где водилось около пятидесяти видов птиц. На глубоком месте озера были плавучие гнезда черных крачек. Они были свиты из сухих тростников и прикреплены к стеблям живых водорослей.

На западе и на севере подымались песчаные холмы с красивыми еловыми рощами и небольшими осиновыми лесками. Здесь бродили олени, лоси, лисицы, волки, барсуки. Эти места становились мне все дороже и дороже. И если бы я знал их раньше, то выстроил бы здесь хижину.

Я провел здесь самые счастливые дни, полные интересных приключений. Здесь я впервые встретился с индейцем Часка и назвал его именем это озеро. Здесь я охотился на оленей и убил своего первого и единственного лося.

Я писал стихи, вдохновленный красотами природы. Казалось, все, что было самого прекрасного и интересного в моей жизни, связано с этим озером. Жители окрестностей назвали эти дикие чудесные места «царством Сетона».

* * *

Первого октября мы снова отправились на поиски земли, на этот раз к форту Пелли. Нас было трое: Джон Дуф, Джордж Ричардсон и я. Джону принадлежал «выезд» — пара молодых и очень бойких бычков, запряженных в легкую телегу. Джордж был за повара. На мне лежала забота о палатке, всяких походных вещах, и, кроме того, я был выбран проводником, так как лучше других знал эту местность.

Наш путь лежал к северу. Из Кербери мы выехали в полдень. Проехав пятнадцать миль, мы устроили привал у ручья. Здесь и переночевали. Так началось наше путешествие.

Через десять дней пути мы разбили свой лагерь в чудесной долине. Кругом была плодородная прерия, вдали за холмом виднелись леса.

Здесь мы с братом выбрали себе надел земли. На моей половине было маленькое озеро, ручей протекал через весь участок. И чтобы закрепить за собой свое право, я воткнул кол и сказал:

— Вот это будет моя земля.

Вечерело. Мы разбили палатку и стали готовить ужин. Небо хмурилось, наступило резкое похолодание. Скоро оба товарища ушли спать, оставив меня одного у костра.

Пока я сидел, задумавшись, тучи рассеялись и показался месяц. Ушастая сова приветствовала его своим «хухуху».

Где-то раздалось протяжное завывание койота.

Было сказочно красиво кругом.

И вспомнилось мне, как ровно два года назад я стоял на берегу Темзы в Лондоне. Над горизонтом поднимался такой же месяц, звонили колокола, и раздавались свистки пароходов.

Только два года назад! Казалось, что десять лет прошло с тех пор.

Каким я был хрупким юношей! Я стал всего лишь на два года старше, но жизненного опыта у меня прибавилось, словно за десять лет. Я был теперь совершенно здоров — операция избавила меня от непрерывных страданий. Я окреп не только физически, но и духовно — я нашел себя, я выбрал свой жизненный путь.

«Никогда больше не вернусь в Лондон», — сказал я про себя. И не жалею об этом.

У моего пояса висела расшитая бисером сумка работы индейцев, в ней хранились мои ценности. Я стал вынимать их. Вот письмо матери, выгравированный на слоновой кости входной билет в библиотеку при Королевской академии, письмо от принца Уэльского, архиепископа Кентерберийского, лорда Биконсфильда, и, наконец, персональный пожизненный билет в Британский музей. Здесь же хранил я и деньги.

Я собрал все, что было связано с жизнью в Лондоне, включая входной билет в музей и письма, помешал угли костра… Но в последний момент заколебался, отложил билет из слоновой кости и письмо матери; все остальное бросил в пламя.

Теперь мне кажется, что это было неразумно. Но так или иначе, это был конец моей лондонской жизни и начало новой. С того дня я пошел своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога.

* * *

10 октября почти у самого форта Пелли мы сделали прива, чтобы пообедать. Для нас достаточно получаса, но наши волы, питаясь только на подножном корму, должны были пастись не менее двух часов. Мы оставили их пастись, а сами пошли побродить.

Чем дальше мы продвигались на север, тем прекраснее делалась природа. Она мне казалась теперь почти безупречной по своей красоте. Куда ни глянешь — необъятная прерия, покрытая высокой, по колено, травой. Всюду лески и озера.

— Давайте-ка посмотрим, какой вид открывается с этого холма, — предложил я.

И мы поднялись на ближайший невысокий холм.

Вид отсюда казался еще прекраснее. Волнообразный холмистый рельеф сменялся равниной прерии. Темными пятнами виднелись леса. И все это бесплатно предоставляется поселенцам!

— Я возьму вот этот кусок земли, — сказал Джон.

— А я вот тот, — послышался голос Джорджа. — Этот участок сойдет для отца, а вот — для братишки.

Так мы и поделили землю, чувствуя себя полными хозяевами.

Мы прошли еще одну милю до следующего холма. Отсюда открывалась картина еще чудеснее.

Чем дальше мы шли, тем прекраснее казались места. И мы все говорили друг другу:

— Давайте посмотрим вид с того холма.

Незаметно мы отошли на несколько миль от того места, где оставили телегу.

Мы спохватились, только когда увидели, что солнце уже садится. Небо заволокло черными тучами.

Наша верхняя одежда осталась на телеге, и октябрьский дождик показался нам очень холодным. Нужно было торопиться в обратный путь.

Я как проводник шел впереди. Позади, с трудом поспевая за мной, шли два товарища.

Около часа мы шли очень быстро. Тем временем вечерняя тьма стала окутывать холмы, а я еще не видел ни одного признака, по которому можно было бы узнать наш путь.

— Стой, ребята, мне нужно проверить одну вещь, — сказал я, доставая компас.

Потом я взял спичку из водонепроницаемой коробочки, и мы наклонились над компасом, защищая его от дождя. Я зажег спичку. Оказалось, что мой «кратчайший» путь на север дал

довольно сильное отклонение на запад.

Я исправил направление и зашагал вперед еще быстрее прежнего. Но и на этот раз я не заметил ничего, что помогло бы мне ориентироваться на местности.

Итак, через полчаса я сказал:

— Стой, братцы, давайте-ка еще раз взглянем.

Снова мы наклонились над компасом, заслоняя от дождя и ветра огонек спички, и снова увидели, что сильно отошли на запад.

Теперь я решил круто повернуть на восток.

И вот опять мы спешим сквозь черную мглу ночи. Скоро я увидел впереди себя какую-то странную серую полосу, она перерезала наш путь.

— Стой! — скомандовал я. — Надо проверить, что там такое.

Я пригнулся к земле и пополз, вытянув вперед руку, стараясь ощупью узнать, что впереди. Я не мог понять, был ли это пруд или просто дымка тумана.

Я продолжал ползти, соблюдая крайнюю осторожность.

Через две или три минуты все стало ясно.

— Ну, друзья, что тут греха таить — мы заблудились. Где мы сейчас находимся, я знаю столько же, сколько и вы. Одно только могу с уверенностью сказать: мы находимся на краю большой пропасти.

Я достал свою спичечную коробку, в ней была только одна спичка.

— Нет ли у кого спичек?

— Ни одной. Мы оставили их в наших плащах на телеге.

— Ну, что ж, у меня есть одна спичка. Но что мне с ней делать: посмотреть ли на компас, чтобы проверить, как мы идем, или разжечь здесь костер и переночевать?

Мысль об ужасной пропасти, преградившей нам путь, пугала нас всех, поэтому все решили единогласно разжечь костер и остаться до утра!

Ощупью мы набрали в темноте сучьев и щепок для костра, соскоблили ножом их сырую поверхность и накололи лучинок.

Когда набралась уже порядочная кучка топлива, я достал свою последнюю спичку и хотел разжечь костер.

Но Ричардсон сказал мне убедительно:

— Послушай, Сетон, Джон — старый курильщик, а ты — нет. Мне кажется, что будет справедливо доверить Джону нашу последнюю спичку.

Это было разумное предложение, я и на самом деле никогда не курил, поэтому охотно протянул спичку товарищу, который успешно чиркал уже много-много тысяч раз.

Вспыхнул огонек, и через минуту у нас весело горел костер.

При свете пламени мы подобрали еще много всяких сухих веток, сучков и щепок, и наш костер запылал сильнее и ярче.

Теперь пропасть отчетливо виднелась. Она была очень большой, с отвесными, обрывистыми берегами. Но как далеко она простиралась в длину и как глубоко уходила в землю, этого мы определить не могли.

Вблизи мы заметили две свежие могилы, одна рядом с другой. У изголовья каждой был крест.

— Как будто для нас приготовили, — раздался мрачный голос Джона.

В соседней лощине мы обнаружили много бурелома, и я решил показать товарищам один фокус, которому меня научили в этих краях.

Целый час мы собирали дрова и укладывали их, так, чтобы разжечь длинный костер.

Когда наш костер догорел, мы отбросили горячие угли по обе стороны, так что получилось два длинных ряда тлеющих углей на расстоянии шести футов. После этого я аккуратно подмел это место веником из свежих веток и травы, и мы улеглись друг возле друга на горячей земле. Несмотря на голод, холод и дождь, мы выспались неплохо.

На заре небо прояснилось, и мы посмотрели вокруг себя.

Да, мы были на краю пропасти. Она известна под именем Ассинибуон-Каньон. Глубина ее четыреста футов.

Если бы мы продвинулись еще немного вперед, мы погибли бы.

Отсюда без особых приключений мы скоро добрались до нашего лагеря. Волы спокойно жевали свою жвачку, досыта наевшись травы.

Все было так, как мы оставили: плащи висели на оглоблях телеги, ружья прислонены к колесам, посуда и продукты на своих местах, ничего не пропало, как будто мы и не уходили никуда.

Наш повар начал готовить завтрак, погонщик пошел к своим волам, а я, проводник, обошел лагерь, внимательно осматривая все кругом.

— Алло! Что же это такое?

В пыли, чуть прибитой дождем, был большой след индейского мокасина, рядом другой, еще и еще, большие и маленькие, много всяких следов. Короче говоря, во время нашего отсутствия в лагере побывали индейцы.

Но все было цело. Они, по-видимому, осмотрели наше имущество, но ничего не тронули. Меня это нисколько не удивило — я знал, что дикари-индейцы отличаются большой

честностью.

Скоро повар позвал нас к завтраку. Поверьте, ему не пришлось повторять свое приглашение.

И только мы с аппетитом принялись за еду, как из соседнего леса пришли два индейца. У того и другого было по мешку за спиной.

Они приветствовали нас по своему обычаю восклицанием «Хо», и каждый протянул вперед руку с выпрямленной ладонью.

Знаками я пригласил их присоединиться к нашему завтраку. Индейцы поблагодарили меня тоже на языке знаков, объяснив, что они уже позавтракали, но что от кофе не откажутся.

Мы подали им по чашке кофе, который они потихоньку пили, пока мы кончили завтрак.

Теперь, согласно индейскому этикету, можно было начать деловой разговор.

Старший из индейцев поднялся. Знаками он рассказал, что накануне около четырех часов дня люди его племени спустились сюда по тропе, которая вела с севера. Они нашли здесь лагерь бледнолицых, никем не охраняемый.

Среди вещей, которые особенно заинтересовали индейцев, был бочонок с патокой, любимым лакомством индейских детишек. Когда дети увидели патоку, они стали просить родителей и плакать, уговаривая их дать им полакомиться. Родители решили подождать возвращения хозяев и ночевали в соседнем лесу. Когда они заметили, что в лагере люди, они тотчас же отправили своих послов для переговоров.

У одного индейца был мешок с картофелем, у другого — мешок с ячменем. Один из них протянул ведерко и знаками объяснил, что они хотели бы обменять мешок картофеля и мешок ячменя на полведерка патоки.

Я знаками выразил свое согласие и наполнил ведерко патокой до самых краев. Картофель был очень кстати нам, а ячмень — нашим волам.

* * *

Скоро мы прибыли в Бертл. Здесь в земельной конторе мы закрепили за собой землю и отправились в обратный путь. В Кербери мы вернулись незадолго до того, как выпал первый снег.

Глава XVIII

ОХОТА НА ЛОСЯ И ОЛЕНЯ

Не раз мне случалось видеть следы оленя, когда я бродил по болотистым, местам, разыскивая птичьи гнезда. Однако еще ни один олень не попался мне на глаза. Но как только выпал снег, я дал себе слово, что буду ходить на охоту до тех пор, пока олень не станет моей добычей.

Итак, в конце октября я отправился в далекий путь. Прошел пятнадцать миль, но ровно ничего не увидал. На следующий день я забрел еще дальше, но все напрасно.

На третий день я прошел двадцать миль по глубокому снегу, нашел два старых лосевых следа и снова вернулся домой с пустыми руками, усталый и измученный.

Наутро я продолжал свои поиски. Теперь я пошел в другом направлении; шел долго и снова заметил два старых следа. Они привели меня к лесистой местности, где, судя по свежим следам, недавно были олени.

На рассвете следующего дня мы вдвоем с братом отправились на поиски оленей. Я видел семь оленей, он двух. Я слегка ранил одного оленя, но ни одного не убил.

Впервые мне пришлось видеть диких оленей. Этих минут я никогда не забуду.

Мы переходили через гребень холма, когда я заметил свежий след и сказал брату:

— Пойдем по этому следу, он выглядит совсем свежим.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как брат закричал:

— Стой! Вот и олень, прямо перед тобой.

И на самом деле, внизу, в лощине, заросшей кустарником, виднелись белые хвосты двух оленей — сами олени были такой же окраски, как и кусты в осеннем наряде, но белоснежные хвосты, поднятые прямо вверх, резко выделялись.

Я простоял минуту, любуясь изящными созданиями. Но вот они продвинулись вперед и начали прыгать вверх и вниз с необычайной легкостью какими-то своеобразными прыжками. Я думаю, что они играли, потому что в их движениях не было заметно и следа торопливости или тревоги.

Мне казалось, что они прыгали на одном месте. И только потом, приглядевшись внимательнее, я понял, что они убегали, их стройные ноги касались то одной, то другой вершины холма, а сами олени становились все меньше и меньше.

Выше и выше они подымались в воздух, а потом грациозно скользили вниз, огибая высокий хребет. А когда эти бескрылые птицы летели через пропасть, их белые хвосты, словно белые флаги, висели в воздухе.

Я стоял очарованный чудесной картиной, пока олени не исчезли из виду. У меня не поднялась рука, чтобы спустить курок.

Потом я пошел туда, где, мне казалось, олени прыгали на одном месте. Вот я нашел один след. Но где же другой? Я осмотрел все кругом и был крайне удивлен, когда обнаружил ближайший след на расстоянии пятнадцати футов. Я пошел дальше. Снова такой же разрыв, опять и опять. Дальше расстояние между следами было в восемнадцать футов, потом в двадцать

футов и, наконец, в двадцать пять. Каждый из этих легких, игривых прыжков покрывал расстояние от пятнадцати до двадцати пяти футов. Так что же это такое? Разве так бегают? Да ведь они просто летают и только время от времени опускаются вниз, чтобы коснуться вершины холма своими изящными копытцами!

Под вечер я увидел еще трех оленей, дважды выстрелил, но оба раза промахнулся.

На восьмой день мы отправились на охоту целой компанией, и, как назло, хоть бы один олень попался нам на глаза за весь день! Но перед уходом Джим Дуф подзадорил меня еще раз попытать счастья.

Не успели мы подойти к лесистым берегам озера Часка, как, откуда ни возьмись, выскочили три великолепных оленя. Они промчались мимо нас на расстоянии около ста ярдов. Мы оба выстрелили и ранили одного оленя. Но пуля не остановила его, и он умчался вместе с товарищами с быстротой ветра.

Бегом отправились мы по кровавым следам оленя и взбирались с холма на холм, не чувствуя усталости. Позади было уже несколько миль, когда, взобравшись на макушку холма, я взглянул вниз и плашмя повалился на снег.

— Вот они! — едва переводя дыхание, вымолвил я.

Мы подползли к самому гребню холма, и что же? Внизу, совсем близко, стояли два оленя и глядели на нас.

Дрожащими от волнения руками быстро, слишком быстро мы вскинули наши ружья и выстрелили.

Олени не тронулись с места и продолжали смотреть на нас.

Второпях мы зарядили ружья и снова спустили курки. И еще раз промахнулись.

А когда олени повернулись и игриво помчались вдаль, я послал им вслед еще одну пулю.

Она просвистела мимо.

Какая досада! Ведь если бы только мы не погорячились, два прекрасных оленя были бы нашей добычей.

Как бы там ни было, мы продолжали идти по следу раненого оленя до самого заката солнца.

Вдруг мы столкнулись с индейцем, который, по-видимому, охотился на того же оленя.

Это был высокий, стройный человек со строгими чертами лица и с типичным для индейцев орлиным носом. Он был обут в мокасины, на плечи наброшено белое домотканое одеяло. Его длинные черные волосы были заплетены в косы и украшены бронзовыми кольцами и наперстками. На голове была красная повязка, за плечом ружье, на поясе висел охотничий нож.

Часка — так звали индейца — был молодой вождь племени кри. Он был человеком бывалым и довольно хорошо владел английским языком.

Мы сразу почувствовали симпатию друг к другу. В его спокойных, горделивых движениях было какое-то непередаваемое обаяние, и я знал, что мне будет чему научиться у Часки, что он откроет мне новые тайны леса.

Оказалось, что Часка стрелял в трех оленей и спугнул их. Он знал, куда они убежали, и с откровенностью, не свойственной индейцам, указал нам это место, добавив:

— Там они переночуют, а наутро будут моей добычей; раненому оленю теперь уже не уйти далеко.

Распрощавшись, мы пошли, сначала как бы направляясь домой. Пройдя некоторое расстояние и убедившись, что Часка потерял нас из виду, мы повернули обратно с намерением пробраться в чащу, куда скрылись на ночлег олени.

Уже смеркалось, когда мы пришли туда. Встревоженные олени сорвались с места и исчезли в темноте.

— Пусть теперь Часка поищет их утром. Посмотрим еще, чьей они станут добычей!

Усталые и голодные, мы пошли домой — впереди было еще двенадцать километров снежного пути.

Назавтра, чуть только занялась заря, я поспешил в оленью чащу, чтобы опередить индейца. Со мной было несколько моих товарищей. При нашем приближении олени разбежались в разные стороны.

Мы пошли по следам одного из оленей и были на расстоянии около мили от него, когда вдруг услышали позади себя выкрики индейцев. Я узнал голос Часки. Он отдавал распоряжения своим товарищам. Потом мы услышали выстрел, потом снова направляющие выкрики Часки. Еще один выстрел. И вслед за этим совершенно отчетливо — торжествующие возгласы индейцев. Мы повернули назад. Индейцы подстрелили двух оленей, третий же убежал.

Днем я столкнулся с Чаской — мы оба бежали по одним и тем же следам.

Я сказал ему:

— Почему ты взял моего оленя?

Часка нахмурился:

— Как это — твоего?

— Ведь я же первый ранил его.

— Ранил? Этого мало. Добыча не твоя, добыча принадлежит тому, кто убил зверя.

Я не стал спорить, но запомнил это правило для будущего.

Мы продолжали свою охоту вместе, и я не расставался с Чаской до вечера. Он был чудесным парнем и прекрасным знатоком природы.

На следующий день я опять встретился с Чаской, и мы снова бродили вместе по следам. Я был ходоком не хуже, чем он, но все-таки и в этом отношении мне было чему научиться у него.

Отпечатки моих следов на снегу были пятками внутрь, носками немного кнаружи, а следы Часки, наоборот, пальцами внутрь. Так обычно ходят индейцы. Я подсчитал, что, когда шел по способу Часки, длина каждого шага у меня увеличивалась на дюйм и я значительно выигрывал в скорости. Больше того, при таком способе ходьбы работают все пальцы ноги, не исключая и мизинца, и все принимают на себя тяжесть тела.

Мы шли по следам крупного оленя. След пересекал равнину, покрытую густыми зарослями леса, а потом поднимался на холм. Я был за то, чтобы подняться на холм, но Часка сказал:

— Нет, олень бежит через холм, а потом стоит далеко и смотрит, что на том холме делается.

Мы обогнули холм. Часка был прав.

Через некоторое время мы пришли к низкому открытому месту, где росли тростники. Олень обогнул это место, а я хотел идти напрямик.

Часка сказал:

— Нет, нет, не ходи. Ноги замочишь.

Там не было видно воды, но под коркой замерзшей земли был тонкий незамерзший ил, погрузиться в него значило намочить мокасины и через час отморозить ноги. Очень скоро я испытал это на собственном горьком опыте.

Однажды мы вышли на ровное место, на котором кое-где росла лиственница. Олень бежал в этом направлении, но Часка сказал:

— Нет, нет, олень сюда не пойдет. Где лиственница, там болото. Олень не любит болото. Он пойдет туда.

Часка показал на дубовую рощу, которая виднелась в стороне.

— Олень любит дубы. Дубы растут на твердой земле. Олень роет копытом под дубом и собирает желуди. Олень любит желуди.

Так оно и было. Олень бродил по дубовой роще, откапывая копытом желуди. Но следы его здесь были настолько запутанными, что мы никак не могли разобраться, куда он ушел отсюда.

Пока мы стояли в раздумье, голубая сойка закричала: «Джей, джей, джей!» — и полетела на север.

— Ага, — сказал Часка. — Значит, олень там, сойка сказала.

Следуя указаниям голубой сойки, мы сократили свой путь на целую милю.

Я узнал, что Часка определяет расстояние, на котором находится олень, по одному простому признаку — по состоянию помета на тропе. Обычно олень роняет свои «шарики» каждый час или около этого. В большие морозы они промерзают и становятся твердыми через час, а это означает, что олень находится на расстоянии около мили. Если шарики остыли, но не затвердели, олень должен быть на расстоянии четверти мили. Когда мы находили их еще теплыми, Часка шептал:

— Стой, он здесь.

Как-то раз мы зашли по следам оленя в небольшую чащу низкого кустарника. Помет был еще совсем теплый, но оленя нигде не было видно. Часка сказал:

— Он прилег.

Взобравшись на ближайший пень, индеец громко засвистел.

И в ту же минуту на расстоянии пяти — десяти шагов поднялся олень. Он стоял, выпрямившись во весь рост, с настороженными ушами и широко открытыми глазами, видно недоумевая, кто же это засвистел.

Часка спустил курок, и олень рухнул на землю.

Часка всегда следил за направлением ветра, но я никогда не замечал, чтобы, определяя направление ветра, он прибегал к способу, распространенному среди нас, бледнолицых охотников, а именно: намочить слюной палец и поднять его вверх. Ветер дует с той стороны, с которой сначала остынет палец. Но, конечно, в такую погоду, какая стояла тогда, мокрый палец стал бы сразу отмороженным.

Часка поступал иначе. Он обычно срывал пучок сухой травы и бросал его над головой. Этим способом он определял не только направление ветра, но и силу его. В зимнюю погоду, когда земля была покрыта снегом, и траву негде было сорвать, Часка всегда носил пучок сухой травы у себя в сумке. Я слыхал, что некоторые охотники для этой же цели носят с собой перья.

У Часки была одна особенность. Когда он колебался и не знал, как дальше поступить, он садился на землю, доставал из походной сумки свой кинни-киник[5] и трубку, не торопясь набивал ее, потом закуривал. Через четверть часа он вставал и продолжал охоту, видно обдумав дальнейший план действий.

Однажды, когда мы стояли вместе на вершине высокого холма, Часка сделал широкий жест рукой, указывая на север, и сказал:

— Давно бизоны, бизоны, большие стада — давным-давно.

В конце ноября в местную лавку пришли шесть индейцев племени сиу, все, как один, высокого роста, воинственные с виду. Их появление вызвало тревогу. Индейцы спустились с Черепашьей горы, чтобы поохотиться в местных лесах. Местным индейцам едва хватало дичи для охоты, и сиу были непрошеными гостями. С ними всегда было трудно договориться, и они издавна враждовали с племенем кри. Поэтому меня нисколько не удивило, когда на следующий день Часка сказал мне:

— Мы идем.

— Куда? — спросил я.

— На Оленью гору, там много оленей. Здесь больно много сиу.

— А как насчет этого? — я показал на две туши оленей, которые висели на дереве в лагере Часки и его товарищей.

— Отправь их в Брендон.

— Как же это сделать?

Брендон лежал на расстоянии тридцати миль. Я недоумевая, посмотрел на санки.

Часка отрицательно покачал головой. Он показал на железную дорогу и, чтобы было понятнее, произнес:

— Паф-паф!

Так он поступил с двумя оленями, которых убил раньше. Он продал их торговой фирме Гудзон-Бэй и Ко и на вырученные пятнадцать долларов купил себе достаточно продуктов, чтобы уйти на Оленью гору.

Уже тогда, когда мы были друзьями с Чаской, я как-то раз отправился один на охоту. Подымаясь на холм, покрытый свежим снегом, я заметил оленьи следы, которые вели к лесу, на восток.

«По какому следу идти?» — задумался я. Вдруг до меня донесся звук, который отвлек мое внимание, мне показалось, что олень чешется рогами о ветку дерева. Я стал подкрадываться тихонько, осторожно…

Молодое деревцо покачивалось из стороны в сторону, а внизу, скрытый в густых зарослях, шевелился, как мне показалось, какой-то большой зверь.

— Ага, теперь ты не уйдешь от меня!

Я прицелился и уже готов был выстрелить, когда вдруг заметил красную повязку и черные, как смоль, волосы индейца. Ружье выпало у меня из рук, и я закричал:

— Часка!

Мой индеец был тут как тут. Оказывается, он срезал свой кинни-киник.

— Часка, — прошептал я, еще не в силах прийти в себя от волнения, — я чуть не убил тебя. Я думал, что это олень чешется

рогами о дерево.

Часка улыбнулся, показал пальцем на красную повязку, которая обхватывала его голову поверх ушей, и сказал:

— Мы все это носим. Теперь ты понимаешь, для чего?…

Мы встретились с Чаской в последний раз на почте в Кербери. Со мной были мои старые друзья Гарри Перлей и доктор Гильберт. Часка завоевал и их симпатию.

Меня часто спрашивают, существуют ли и существовали ли индейцы, описанные в произведениях Фенимора Купера. И я отвечаю: «Да, они существовали и существуют, и Часка один из них». Я рад, что имел возможность назвать его именем чудесное озеро, с которым у меня связано столько дорогих воспоминаний.

Днем мои друзья отправились домой, я же охотился до наступления сумерек, а потом пешком пошел домой. Назавтра я бродил весь день один. На следующий день мы отправились на охоту с Джимом Дуфом, кажется, единственным из моих товарищей, который обладал настойчивостью. Хоть бы один олень попался нам на глаза за весь день! В довершение всех неудач я отморозил себе обе ноги. На двенадцатый день, не обращая внимания на больные ноги, я снова отправился на охоту, на этот раз один. Спугнул трех оленей и тщетно преследовал их на протяжении пятнадцати миль. На следующий день я выехал вместе с братом. Мы отправились на то место, где накануне я прекратил преследование. Часа два мы шли по следам и наконец увидели двух оленей. В погоне за ними мы прошли еще пять миль. Брату надоела эта игра. Мы отправились в лагерь обедать, после чего брат уехал домой. Я же вернулся назад и продолжал идти по следам.

Под вечер я осторожно выглянул из-за холма и мельком увидел, как мне показалось, оленя, лежащего в кустах. Я всматривался несколько минут и заметил легкое движение уха. Тогда у меня не осталось сомнений. Нас разделяло расстояние около ста пятидесяти ярдов. Я вскинул ружье. Но увы! Как непослушно было оно в ту минуту!

«Руки дрожат, все равно ничего не выйдет», — с досадой подумал я и опустил свое ружье.

Через несколько минут, овладев собой, я выстрелил.

Олень вскочил на ноги и стал озираться кругом. Еще и еще раз спустил я курок. А когда олень пустился бежать, я сгоряча выстрелил еще раз. Но все было напрасно. Моя первая пуля просвистела над головой оленя. Вторая попала как в середину его подстилки. Третья и четвертая пролетели неизвестно куда. Если бы мой второй выстрел был первым, я был бы с добычей. Но этого не случилось. Олень грациозно помчался от меня, а я бежал по

его следам на протяжении десяти миль.

Второпях взбираясь на холм, я споткнулся и больно ударился коленом об острый корень, торчавший из-под земли. Было уже совсем темно, когда я добрался домой, обессиленный и измученный.

Итак, я охотился уже четырнадцать дней, преодолел пространство в двести шестьдесят пять миль (из них двести пятнадцать пешком), двенадцать раз стрелял в оленя, обморозил себе ноги, потерял в весе и все же не убил еще ни одного оленя.

Колено мое болело все сильнее и сильнее, и я решил отлежаться с недельку, чтобы снова выйти на охоту здоровым и со свежими силами.

Чтобы не терять напрасно времени, я стал тренироваться в стрельбе. Смастерив оленя из дерева, я поставил его на расстояние двухсот пятидесяти ярдов от двери дома и стал в него стрелять.

Я тренировался до тех пор, пока не стал попадать три раза на каждые пять выстрелов. Тогда меня снова потянуло охотиться, но больное колено связало меня, и я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствует себя птица с перешибленным крылом.

Наконец мое колено зажило, и я снова на охоте.

Это был пятнадцатый день моих скитаний по следам оленя. Огибая холмы, я повстречался с Дуфом и с тремя другими товарищами. Теперь нас было пятеро, и гуськом направились в лесную чащу. Куропатки и зайцы то и дело попадались на нашем пути, но мне было не до них, и я ни разу не спустил курка.

Мы прошли уже около трех миль, когда я заметил свежий след оленя. Дело было к вечеру, и я бродил по следу до наступления темноты.

Наш товарищ Гордон Райт приехал на санях, чтобы развезти нас по домам. В назначенный час все были в сборе, кроме меня. Друзья решили, что «этого парня» не стоит ждать — быть может, он напал на след оленя и ушел за ним миль на двадцать. Они уехали домой, оставив меня одного.

Зачем я пускался один в эти далекие, трудные странствования, никто из товарищей не мог понять. А меня с непреодолимой силой влекло вдаль — ведь я был теперь здоров и полон сил. Пробежать десять миль мне ничего не стоило. Я мог бродить весь день, не зная усталости. И всегда, когда я оставался один в этих тихих местах, меня охватывало какое-то дивное чувство, все горести куда-то исчезали, я был наверху блаженства.

Багряно-красное солнце пряталось за горизонтом, заливая алой краской снежную поляну. На розовом востоке вставал золотой месяц. Не было видно конца тополевого леса с его

светлыми стволами, словно мраморными колоннами. Этот лес, еще не тронутый топором поселенца, был так великолепен, что мне жаль было расставаться с ним и уезжать в Онтарио.

На протяжении трех миль дорога шла густым лесом. Когда я стал приближаться к опушке, мне послышалось, будто товарищи кричат что-то. Было уже поздно и совсем темно.

«Не ослышался ли я?».

Я откликнулся. Мой голос эхом пронесся по лесу. Я весь превратился в слух. И в ответ раздался заунывный, протяжный вой, еще, еще и еще…

«Да ведь это же волки. Наверное, собираются на охоту».

Я откликнулся, на этот раз уже по-волчьи. Когда донесся их ответный вой, я понял, что они приближаются с большой скоростью.

— Гм! Ведь ты, кажется, вышел на охоту, не так ли? — пробормотал я.

Вот скоро и конец леса. А звуки настойчиво неслись все ближе и ближе. Я остановился и подумал: «Ну что ж, если эта свора вздумает атаковать человека, вооруженного винтовкой Винчестера, пусть попробует!»

Я ждал, что будет.

Они подходили все ближе и ближе. Вот волки уже на самом краю леса. Нас разделяет расстояние не больше пятидесяти ярдов. И вдруг раздается глухое рычание. Еще и еще раз.

А потом все затихает.

Волки, наверное, увидели меня и ушли. Подождав еще немного, я продолжал свой путь.

Три дня спустя мне пришлось проходить по этим же местам. Судя по следам, здесь было тогда три волка.

На следующий день я прошел двадцать пять миль, все так же неудачно, как и раньше. На семнадцатый день я отправился в новом направлении, к болотистым местам, поросшим елями и лиственницами. По дороге я подстрелил зайца и трех куропаток. Когда я забрел далеко по болоту, я заметил следы четырех лосей. Но было уже темно, и я вернулся домой.

Что за чарующая сила скрыта в снежных следах! Сколько чудесных рассказов можно прочесть по этим говорящим отпечаткам! Есть что-то волшебное в мысли, что там, на другом конце этой вереницы точек, находится зверь, который оставил их здесь, и что завладеть им — это вопрос только времени. Запись каждого движения так безупречна, что невольно останавливаешься в изумлении.

Время шло, а олень еще не был убит. Я боялся, что пройдет охотничий сезон, прежде чем я исполню свою клятву. Поэтому я решил больше не возвращаться домой ежедневно на ночевку и таким образом сэкономить время.

Итак, уложив в сани провизию на три дня, я выехал на охоту вместе с Гордоном Райтом. По дороге мы заехали за Джимом Дуфом. Он подбросил в наши сани своих продуктов на три дня и сам подсел к нам.

Часа через два мы остановились в лесу у подножия песчаного холма. Этот холм весь зарос ельником и показался нам хорошим местом для лагеря. Мы принялись за работу. Вырубили лес на вершине холма и загородились щитками из срубленных веток от ветра. Вскоре Гордон покинул нас.

Мы с Джимом пообедали и отправились на место, где я видел следы лосей два дня назад. После долгих скитаний мы наконец пришли к тополевым зарослям, где были свежие следы.

Следы кружились, переплетались, шли то в одну, то в другую сторону. Разобраться в них оказалось невозможным. Промучившись часа три, мы наконец решили, что вряд ли лоси останутся на месте, которое мы исходили вдоль и поперек. Наш новый план был такой: обойти вокруг зарослей и найти следы, которые уводили отсюда, то есть те, которые лоси оставили за собой, покидая заросли.

Предстояло путешествие в две мили. До наступления сумерек нам не удалось закончить свой обход, мы обошли заросли с трех сторон, но следов не нашли.

Итак, мы отложили свои поиски до следующего дня и вернулись обратно в лагерь.

Спал я на полу. Около полуночи проснулся в бодром состоянии. Дуф не привык к условиям походной жизни. Он все сидел у костра и с нетерпением ждал наступления утра. А когда я проснулся, мы решили, что скоро будет светать, и принялись стряпать завтрак.

На рассвете, лишь только стали заметны следы, мы вышли из лагеря. Через полчаса мы нашли место, где лоси вышли из зарослей. Следы пересекали болотистые места. Лось в отличие от чернохвостого оленя не боится болот, хотя, по-видимому, знает разницу между болотом, заросшим ивняком, глубоким, но покрытым прочным льдом, и болотом с порослями березы, мелким, но с предательски топким дном.

Мы напали на совсем свежие следы и ступали все осторожнее, боясь, что снег заскрипит под ногами. Теперь уже не было сомнения, что мы близки к цели.

Вот раздался жалобный крик сойки. Где-то недалеко затрещал сучок. Неизвестность становилась все тягостнее. Ясно было, что кто-то движется впереди нас. Мы нашли отпечатки огромных копыт трех великанов-лосей, которые вскачь следовали друг за другом.

Не теряя надежды, мы побежали по этим следам. Нам приходилось делать два прыжка, чтобы покрыть расстояние между двумя отпечатками копыт.

Не прошло и нескольких минут, как мы услышали вдали — бэнг! бэнг! — два выстрела.

Мы остановились и посмотрели друг другу в глаза. Было до боли досадно даже подумать, что мы сами загнали лосей под пули других охотников. Судя по раскатистому выстрелу, это стреляли индейцы: ведь двухствольное ружье — обычное их оружие. Однако мы снова пустились бежать, утешая себя мыслью, что могли и ошибиться в своих предположениях.

Вдруг меня осенила мысль: может быть, услышав выстрел, лоси только отбежали в сторону, а потом снова побежали по своей тропе? Джим согласился со мной, и мы снова, насторожившись, продолжали свой путь.

Не прошло и двух минут, как я увидел в просеке зарослей, шагах в двухстах впереди себя, огромного краснобурого зверя: лось проламывал себе путь через кусты, устремившись прямо на нас.

Я упал в снег как подкошенный. Мой товарищ, хотя и не заметил ничего, последовал моему примеру.

Огромный бурый великан, грациозно огибая деревья, с быстротой рысака мчался через кусты прямо на нас. Голова вверх, рога загнуты назад, грива взъерошена — он олицетворял собой грозную силу.

Тысячи мыслей роились у меня в голове, когда я полз по снегу прямо на тропу лося. «Как бы не промахнуться, как бы не упустить зверя!» — все думал я.

Когда лось был уже на расстоянии сорока шагов от нас, я вскочил на ноги и закричал:

— Пора, Джим!

Бэнг, бэнг! — загремели наши ружья.

Зверь круто повернулся и помчался назад, проламывая себе путь через заросли леса.

У меня защемило сердце. Неужели он опять уйдет?

И вдруг — я не верил своим глазам — лось остановился как вкопанный на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов от нас.

— О Сетон, не промахнись на этот раз! — услышал я умоляющий голос Джона.

Я прицелился лосю в плечо и выстрелил.

А когда лось снова умчался с неистовой быстротой, я послал ему вслед третью пулю.

С робкой надеждой, не смея верить удаче, мы направились по его тропе. И там — о радость дикаря! — на каждом шагу были

следы крови.

— Теперь он наш, Джим, все равно он наш, даже если бы нам пришлось бежать до Брендона.

И мы, словно хищные звери, мчались по тропе лося, залитой кровью.

Не раз мне приходилось читать, что лось, даже со смертельной раной, мчится прочь от охотника на огромные расстояния. Я думал, что нам придется бежать за раненым зверем по меньшей мере десять миль. Но не успели мы пробежать и четырехсот ярдов, как Джим закричал мне:

— Вон он!

И на самом деле, лось лежал перед нами, подогнув под себя ноги, словно бык на пастбище.

Когда мы подошли ближе, он спокойно посмотрел на нас, повернув голову, через плечо.

— Давай-ка спустим ему кровь, — сказал Джим.

— Лучше не будем рисковать, ведь это все равно, что подойти к раненому льву.

— Тогда угостим его еще парой пуль.

Мы оба выстрелили. Лось продолжал спокойно лежать, словно пули пролетели мимо.

Мы подошли к нему спереди, оставаясь на безопасном расстоянии.

Джим хотел выстрелить еще раз, но голова лося вдруг поникла, а потом плашмя упала на землю.

Я пустил ему пулю в лоб.

Лось вытянул ноги, задрожал и притих.

Он умер.

Мы не были уверены, что добыча будет нашей: ведь индейцы могли быть на той же тропе. С этими мыслями мы вернулись к тому месту, где впервые увидели лося. На снегу не было следов крови до того момента, когда мы выстрелили. Это нас успокоило.

— Давай потянем жребий, — сказал я Джиму, — кому из нас идти в Кербери за санями, а кому оставаться сторожить лося.

— Знаешь что, Сетон? Оставайся-ка ты с лосем: ты лучше меня договоришься с индейцами, если они вдруг появятся и станут предъявлять свои права, а я пойду за санями.

Итак, я остался сторожить лося.

Сначала я рассматривал его, измерял, изучал.

По моим подсчетам, он был ростом в плечах в шесть футов три дюйма, к этому еще нужно добавить высоту гривы, то есть больше шести дюймов. Вес его, должно быть, равнялся восьмистам фунтам.

Через некоторое время я вернулся на тропу лося и стал

всматриваться в следы. Мне хотелось узнать результаты каждого из наших выстрелов.

Когда я прошел некоторое расстояние, мне показалось, что кто-то пробирается по лесным зарослям. Скоро я разглядел, что это был индеец. Он быстро шел навстречу мне. Я круто повернул, чтобы вернуться к тому месту, где лежал лось, но индеец опередил меня и был там прежде, чем я успел дойти.

Индеец приветствовал меня каким-то бормотанием. Я ответил ему тем же. Его запас английских слов был невелик. Мой запас индейских — еще меньше. Мы общались главным образом при помощи знаков.

Индеец сказал:

— Лось.

Я ответил:

— Ага.

Когда мы подошли к убитому зверю, он снова сказал:

— Лось.

И стал показывать пальцем на себя и на свое ружье, давая этим понять, что это его добыча.

Я оттолкнул его, выражая свой протест. Индеец пристально посмотрел на меня и через несколько секунд продолжал мне

доказывать свое. Он дал понять, что дважды стрелял, он показывал на раны зверя и на дуло моего ружья и утверждал, что раны слишком велики.

Я не растерялся и ткнул пальцем в ружье Дуфа, которое стояло тут же, у дерева. Этим я опроверг утверждение индейца.

Раза два он пробовал приблизиться к лосю, но я загораживал ему путь ружьем.

Тогда индеец поднял руки и воскликнул:

— Ваа ничи сичи! — что означает: «Нет, брат, ты очень плохой!»

Я не хотел прибегать к грубой силе, но ясно дал индейцу понять, что за своего лося постою и ни за что ему не отдам.

Тогда индеец решил переменить свою тактику и знаками предложил поделить лося.

На это я ему ответил:

— Ваа! Кауаин! — Этим, мне кажется, я сказал: «Нет, ни за что».

В конце концов я трижды положил голову на руку, потом показал на лося, описал в воздухе мучительный путь, потрогал ружье и пять раз ударил в ладоши.

На языке слов это должно было означать: «В течение трех дней я преследовал лося. Я убил его после того, как пять раз выстрелил. Он мой. А ты можешь отправляться своей дорогой».

После этого индеец выпрямился во весь рост (он был дюймов на шесть выше меня) и заявил, что он из племени сиу и что недалеко в лагере у него четыре товарища таких же сильных, как он, и что они придут сюда все вместе. Бросив последний угрожающий взгляд, индеец удалился.

Я же остался на своем сторожевом посту, с нетерпением дожидаясь возвращения Дуфа.

У меня было твердое решение — ни за что не отдавать лося, хотя бы за ним пришло и целое племя индейцев. В течение пяти часов я ходил взад и вперед, охраняя лося и скрываясь в зарослях от посторонних взглядов.

Вдруг до меня донеслось бряцание ружей, потом лай собак, и через несколько минут появился Джим с Гордоном Райтом и еще двумя товарищами. Скоро мы погрузили лося и были готовы отправиться в обратный путь, веселые и торжествующие.

В Кербери мы прибыли около семи часов.

Слух о нашей удачной охоте уже разнесся по местечку, и соседи один за другим спешили к Гордону, чтобы взглянуть на лося и поздравить нас с удачной охотой.

* * *

Итак, после того как я прошел по снегу триста миль, после девятнадцати дней тяжелой походной жизни я наконец выполнил клятву и убил самого великолепного зверя, который бродит в американских лесах.

Я глядел на красавца лося, превратившегося в мясную тушу ради каприза охотника, и меня начинала мучить совесть. Тогда я дал себе клятву: никогда не поднимать своего ружья против великолепного и редкого зверя американских лесов. Эту клятву я не нарушил до сих пор.

Глава XIX

В НЬЮ-ЙОРКЕ

Когда зима начала вступать в свои права, я снова задумался над своей судьбой.

Да, я порвал с Лондоном и со всей его жизнью. Но мне не хотелось безвыездно жить в глуши, в деревянной хижине.

Я решил ехать на восток Америки — в Нью-Йорк.

Приехал я в этот огромный город 23 ноября 1883 года.

Я никогда здесь не был и никого не знал. В кармане у меня не было даже трех долларов.

В раздумье шел я от пристани, когда вдруг увидел на фонарном столбе надпись: «Бродвей». Так вот он, знаменитый шумный Бродвей! Здесь бьет ключом жизнь Нью-Йорка.

Но мое внимание было поглощено тем, что я следил за надписями на дверях: «Сдаются комнаты». Бродвей — дорогой район, и комнаты здесь были мне не по карману. Я пошел дальше, пока не попал на улицу, которая показалась мне второразрядной. Здесь я снял комнату за два доллара в неделю. Один доллар я заплатил хозяйке вперед. После того как я отдал восемьдесят центов за доставку сундучка с пристани, у меня осталось всего девяноста центов.

Я был страшно одинок в этом большом незнакомом городе.

Мне говорили, что один из моих школьных товарищей, Чарлз Броутон, поселился в Нью-Йорке несколько лет назад и неплохо устроился. Но где именно он жил — на какой улице, в каком доме, — я не знал, а узнать его адрес мне так и не удалось.

На следующий день я захватил с собой папку с рисунками и направился по издательствам в надежде найти себе работу художника-иллюстратора. Но мои мечты не осуществились. Была суббота — последний день недели, и почти все предприятия работали до двенадцати часов дня, а некоторые и вовсе не открывались.

Под вечер, когда я переходил через площадь Вашингтона, я встретил человека, который по внешнему виду — длинные волосы, борода, как у Ван-Дейка, — и по манере держаться показался мне художником.

Я остановил его и спросил:

— Простите, сэр, если я не ошибаюсь, вы художник?

— Да. Во всяком случае стараюсь быть таковым.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, как бы вы поступили, если бы у вас был товарищ художник в Нью-Йорке и вам нужно было бы узнать, где он живет.

Незнакомец ответил:

— Все зависит от того, какой он художник, — с именем или же это еще неизвестный, начинающий.

— Да, это молодой художник, он еще учится, но в то же время уже и работает.

— В таком случае я попробовал бы узнать его адрес через Лигу молодых художников. Она находится на Двадцать третьей улице, недалеко от Шестой авеню.

— Открыто ли там по вечерам?

— Кажется, да.

Мы распрощались и разошлись в разные стороны. Несколько лет спустя я узнал, что это был один из самых знаменитых художников Нью-Йорка.

Итак, вечером я отправился по указанному адресу и нашел школу живописи. Ни одного студента я там не увидел. Сидел только швейцар у дверей. На мои расспросы о товарище он ответил:

— Броутон? Имя знакомое. Кажется, есть у нас такой молодой художник. Дайте-ка по адресной книге проверю. Так, так, вот и он — Чарлз Броутон.

— А где он живет? — с нетерпением спросил я.

— Бог его знает, где он живет. У нас только его служебный адрес: «Литографское дело Хатч и Ко», это будет на Везей-стрит, в деловой части Нью-Йорка. Там много всяких предприятий. Спросите у кого-нибудь, найдете.

Мне положительно не везло. Нужно было выждать целых два дня, прежде чем идти к товарищу, — впереди было два праздника. Если бы у меня был его домашний адрес, все было бы хорошо и просто. Но что тут было делать? Я поблагодарил швейцара и пошел домой.

На обратном пути на последние тринадцать центов я купил две булки. Вернувшись в свою маленькую комнатку, я отложил одну булку на воскресенье, а другую, которую должен был съесть в понедельник, спрятал в сундук, чтобы не соблазниться и не съесть ее раньше времени.

В воскресенье я встал рано, съел половину булки на завтрак и запил ее сырой водой из фонтана на Медисон-сквер — единственного места, где можно было бесплатно напиться.

Потом, несмотря на то, что было воскресенье, я отправился на Везей-стрит, как всегда пешком.

Пройдя больше мили, я, наконец, нашел это предприятие. Но

все было крепко-накрепко закрыто. Наконец, мне удалось разыскать швейцара. Он сказал мне:

— Да, я знаю Броутона, это один из наших молодых художников.

— Могу ли я его видеть?

— Сегодня его здесь нет. А живет он где-то в Джердзее, но адреса у нас нет.

— А когда его можно будет застать?

— Не раньше понедельника. Нет, что я, ведь в понедельник у нас праздник! Он будет здесь во вторник, точно.

Ничего не оставалось делать, как ждать.

В кармане у меня была половина булки, оставшаяся после завтрака, и я решил отправиться в Центральный парк, чтобы там закусить.

Я спросил полисмена, как мне туда дойти.

— Идите по Третьей авеню, а там сядете на трамвай.

Не имея ни одного цента в кармане, я не мог себе позволить такую роскошь.

— Мне хотелось бы прогуляться туда, — сказал я со смущением.

— Хорошая прогулка! — засмеялся полисмен. — Ведь это несколько миль отсюда.

— Это не беда, я люблю ходить. Дойду.

— Дело ваше. Идите во всяком случае все время на север.

Не прошло и часа, как я уже бродил по парку и ждал, когда же наступит полдень и мне можно будет съесть половину булки.

В одном месте я увидел, как дети кормили белок печеньем и орехами. Как я завидовал тогда этим зверькам!

Я заметил, как белочка забралась на колючее дерево, сорвала шишку и стала выбирать зерна.

«Дай-ка и я попробую этим полакомиться», — подумал я про себя и сорвал шишку. Это, по-видимому, было какое-то из локустовых деревьев или, быть может, кентуккское кофейное дерево. Зерна в шишках были твердые и совершенно безвкусные, есть их было невозможно.

Во вторник рано утром я снова отправился на место работы товарища. Мне сказали, что Броутон будет на раньше двенадцати часов.

Не зная, как убить время, я вышел и бродил по соседним улицам, пока не наступил полдень.

Наконец мы встретились. Я увидел перед собой высокого стройного юношу, так не похожего на нескладного подростка, которого я знал четыре года назад.

Чарлз сразу понял трудное положение, в котором я

находился, и как будто невзначай сказал:

— А я как раз собирался идти позавтракать. Не пойдешь ли ты со мной?

Пойду ли я! Никогда еще в жизни еда не казалась мне такой вкусной, как тогда.

Чарлз не много говорил о себе. Он все расспрашивал меня о моих планах и намерениях. Я откровенно признался, что остался без единого цента в кармане, но что надеюсь, показав свои рисунки, убедить кого-нибудь из издателей пригласить меня на должность художника-иллюстратора.

Мы с Броутоном решили жить вместе. Сняли две соседние комнаты, приобрели кое-какое кухонное оборудование и начали вести свое незатейливое хозяйство.

К счастью, я получил в первые же дни денежный перевод от брата из Торонто.

Не теряя времени, я стал подыскивать себе работу. На одном из моих рисунков был изображен разбойник, врывающийся в подземелье. Он не обращает внимания на груды золота и серебра, а с жадностью набрасывается на коробку с сигарами. Этот рисунок произвел очень сильное впечатление на заведующего художественным отделом литографского издательства «Сакет, Вильгельм и Бециг». Мне заплатили пять долларов и просили принести еще.

Скоро Сакет, Вильгельм и Бециг спросили меня, какой оклад я хотел бы получить в должности художника-иллюстратора. Я сказал: «Сорок долларов в неделю». Они мне предложили пятнадцать. Пришлось принять эти условия.

Каждое утро в восемь часов я садился за письменный стол и рисовал, придумывая все новые и новые темы.

Как-то случайно я услышал разговор между Бецигом, заведующим художественным отделом, и коммерческим агентом фирмы.

— Если бы нам удалось раздобыть, — услышал я голос коммерческого агента, — рисунок этакого боевого ворона, приземлившегося на коробке сигар, мы заработали бы на этом деле верную тысячу, а то и больше.

Я подумал про себя:

«Лови момент, нельзя упускать такую прекрасную возможность, сама судьба дарит ее тебе».

Недолго думая, я вошел в кабинет начальника и сказал:

— Мистер Бециг, если вы разрешите мне пойти в зоологический парк и зарисовать с натуры ворона, я гарантирую вам этот заказ.

Начальник посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

— Хорошо, я отпущу вас завтра утром. Когда рисунок будет готов, дайте мне знать.

В зоологическом саду я нашел красивого ворона, зарисовал его для рекламы, и скоро мы получили большой заказ.

Воспользовавшись удобным моментом, я сказал Бецигу:

— Когда мы договаривались с вами, я просил платить мне сорок долларов в неделю, вы дали мне пятнадцать, плату ученика. Не время ли теперь поговорить о повышении моей заработной платы?

— Хорошо, — ответил Бециг, — я буду платить вам двадцать долларов, пока вы не придумаете нам еще что-нибудь интересное.

Вот так и протекала моя новая жизнь — за столом в конторе весь день. А дома? С утра мы с Броутоном стряпали себе завтрак, вечером ужин. Общая сумма моих расходов не превышала пяти долларов. Я расплатился со своими долгами и начал откладывать деньги.

Вечерами я писал рассказы о животных и мечтал увидеть их напечатанными. Но писать, когда рядом с тобой живет разговорчивый товарищ, трудно.

Однажды, когда Броутон вернулся домой, после того как неделю отсутствовал, я сказал ему очень осторожно, боясь обидеть его, что мне нужно жить одному, чтобы иметь возможность писать. Хотя товарищу это и не понравилось, все же мы расстались друзьями.

В тиши вечеров я написал несколько рассказов: «Бенни и лисица», «Кролик на лыжах» и другие. Один за другим они стали появляться в разных журналах.

Наступила весна. Меня снова потянуло в прерию.

Я пошел к своему шефу и сказал, что собираюсь уехать из Нью-Йорка. Бециг был очень озадачен и спросил меня, не останусь ли я, если он будет платить мне двадцать пять долларов в неделю.

Дело было не в деньгах — прерия звала к себе, и никакие силы не могли остановить меня.

Я покинул Нью-Йорк с легким сердцем — теперь я знал, что в любое время могу заработать себе на кусок хлеба кистью и пером.

Как бодряще, как радостно это чувство, может понять лишь тот, кому недавно исполнилось двадцать три года и кто считал себя полным неудачником в жизни.

Глава XX

СВОБОДА И РАДОСТЬ

1884 год навсегда останется в моей памяти как лучшее время моей молодости. Здоровье мое было в цветущем состоянии, я чувствовал избыток духовных и физических сил. Со мной были мои книги, мои птицы — все, о чем я мечтал.

Итак, я снова в Кербери. Мой старый, потрепанный дневник опять лежит передо мной. В нем наспех занесенные заметки, грубые, но выразительные зарисовки новых видов зверей и птиц.

Я остановлюсь здесь только на одной записи, которая будит во мне особенно дорогие воспоминания:

«Два года волновала и мучила меня одна маленькая птичка, которая пела где-то высоко в поднебесье. С коротеньким звучным напевом, напоминавшим песенку берегового жаворонка, певунья спускалась вниз на распростертых трепещущих крыльях. Потом, закончив свою песнь, она снова поднималась высоко в небеса и опять начинала петь. Мне еще ни разу не удалось зарисовать эту птичку, я даже не мог рассмотреть ее в полете. И она продолжала быть для меня манящей, чудесной тайной.

Но настал наконец день, когда тайна была открыта. Вот как это произошло.

14 мая 1884 года я услышал знакомый напев, прозвучавший с необычайной силой, и через некоторое время обнаружил поющее пятнышко на голубом фоне неба.

Исполняя свою серенаду, певунья спускалась вниз, трепеща крыльями. Потом, вдруг умолкнув, она поднималась тяжелым полетом, для того, чтобы с песней спуститься вниз. Птичка пропела свою песенку около двадцати раз, прежде чем я начал считать. После этого она спела ее еще восемьдесят два раза.

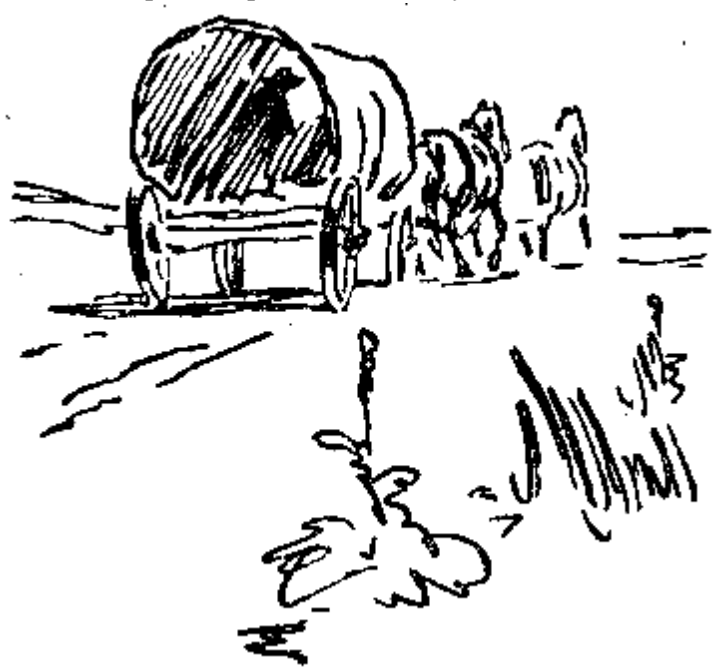
И вот, когда она должна была спеть ее в восемьдесят третий раз, она вдруг сложила крылья и камнем упала вниз. Мои глаза были ослеплены солнцем, шея болела от напряжения, и мне почудилось, что промелькнула жар-птица и упала в траву. Я заметил это место и, когда мои глаза отдохнули, осторожно приблизился. Мне трудно было сразу разглядеть характерный рисунок оперенья — моя певунья показалась мне просто маленькой коричневой птичкой. Но потом, тихо подкравшись, я обнаружил, что мой «поднебесный жонглер» был не кто иной, как прославленный миссурийский жаворонок, о котором так

восторженно говорит Одюбон и другие путешественники, которые бродили в этих местах.

Так прошел май. Почти каждый день я делал все новые и новые радостные открытия, наблюдая и изучая птиц».

* * *

В июле мы с братом Артуром отправились на лошадях к форту Пелли, с тем, чтобы приступить к работе на участке, который был закреплен за нами прошлой осенью. Вслед за нами в телеге, запряженной волами, ехали Джим и Джон Дуф, Джордж Ричардсон и один из Браунов. Но у нас были очень быстрые лошади, и мы скоро потеряли их из виду.



Наконец мы прибыли на наш участок. На моей половине были холм у берега озера, маленький ручеек и несколько деревьев. Поодаль, к востоку, стояла Утиная гора, у подножия которой расстилался прекрасный сосновый бор.

Прежде всего мы приступили к рытью колодца по способу индейцев — у самого ручья, два фута в ширину, четыре фута в глубину. Вполне понятно, что, как только мы вырыли яму, она сразу наполнилась чистой холодной водой, просочившейся из ручья.

Следующей нашей задачей была постройка хижины. Мой брат, замечательный плотник, взял с собой не только топор и пилу, но и кое-что из столярных инструментов, а это означало, что он намерен заняться отделкой оконных рам и дверей.

Я был его помощником. Когда нужно было срубить дерево, я предварительно очищал участок от молодняка и надрубал ствол с одной стороны. Брату как опытному дровосеку принадлежал последний решающий удар топора с другой стороны ствола. Он валил дерево точно в том направлении, как ему хотелось. Еще несколько минут, и ствол уже был очищен от сучьев и веток, так же как и засечены пометки на определенном расстоянии. Ветки на верхушке дерева мы не трогали до самого конца, потому что они поддерживали ствол и давали возможность обтесать его со всех сторон. Мой брат работал с топором с изумительной ловкостью, и дело подвигалось очень быстро.

Эти звонкие удары топора до сих пор раздаются в моих ушах и будят рой волнующих воспоминаний. Но как давно прошли те времена.

После того как ствол был обтесан, мы отмеривали 12 футов, и, пока я рубил топором, брат отыскивал другое дерево. 12 футов на 8 футов — обычный размер хижины поселенца. Чтобы выстроить такую хижину, нам нужно было заготовить четырнадцать бревен в 8 футов длиной и четырнадцать бревен в 12 футов длиной. Это для стен. Еще одно бревно длиной в 14 футов мы срубили для конька крыши.

Только 10 июня мы начали заготовлять бревна, и 17 июня наша хижина уже стояла под крышей и с дверями. Расскажу, как мы устроили крышу. Сначала мы укрепили конек крыши, то есть длинное бревно, которое проходило над серединой хижины, а к нему с обеих сторон прислонили колья — вплотную друг к другу. На эти колья мы набросали толстый слой сена и сверху замазали толстым слоем глины. Такая крыша прекрасно защищала в холодные, морозные дни, однако во время затяжных дождей она нередко протекала.

Двери мы сбили из грубых досок. На первое время мы обошлись без окон, так же и без пола. Широкие щели между бревнами мы забили сначала дранкой, а потом заштукатурили глиной снаружи и внутри. Наша хижина была готова для жилья.

Мы строили ее всего лишь семь дней!

* * *

За это время запасы овса пришли к концу, и лошадей стало трудно кормить. Брат стал беспокоиться о своем хозяйстве в Кербери. Я тоже решил, что исполнил свой долг поселенца и на время могу покинуть эти края. Итак, мы погрузили на телегу наше движимое имущество и отправились в путь — на север.

Да, мы собирались вернуться, но наши планы изменились по не зависящим от нас обстоятельствам, и я никогда больше не увидел своей хижины.

Кто занял ее, я не знаю. Но кто бы он ни был, он найдет имя строителя и дату на дверной притолоке:

E. T. SETON. 1884.

За все время нашей поездки брат не разговаривал, то есть я хочу сказать, что он не произнес ни одной членораздельной фразы. Правда, он погонял лошадей и покрикивал на них, но его распоряжения, обращенные ко мне, были по большей части немыми жестами или в лучшем случае нечленораздельной воркотней. Если ему хотелось еще кофе, он стучал по своей чашке или подавал ее мне. Если ему надо было хлеба, он делал краем ладони условный знак индейцев, что означало «режь». Всем этим я вовсе не хочу сказать, что брат был в плохом настроении или что у нас были дурные отношения, совсем нет. Мой брат был просто молчалив от природы и держался того убеждения, что молчание — золото.

Мы пересекли заповедник Котай, отведенный индейцам, и приехали к берегам реки Ассинибуон. Здесь наши попытка переправиться через реку вброд без проводника потерпела неудачу. Нам не удалось найти место обычной переправы, и у западного берега мы завязли в глубокой яме. К счастью, к нам на выручку пришел индеец племени кри по имени Чита. Если бы не он, мы не только потеряли бы все наше имущество, но и сами погибли бы.

Я пригласил Читу пообедать с нами и воспользовался случаем проверить правила индейского этикета: «В чужом доме следуй обычаям хозяев — не своим».

Итак, я положил в сахар чай и постучал три раза ложкой по чашке. Когда чай был выпит, я покружил чашкой над головой и потом опрокинул ее вверх дном на траву прерии. Затем я перевернул ее три раза и протянул, чтобы мне налили еще. Я

пробовал по-разному — и так и сяк держать нож и вилку. Индеец следил очень внимательно за моими фокусами и очень серьезно подражал каждому моему движению. Я придумал бы еще что-нибудь более фантастическое, если бы совесть не начала меня мучить, да и мой старший брат уже сигнализировал мне по-индейски: «Кончай».

В Кербери мы вернулись в конце июня.

Дневник этого лета изобилует заметками о птицах и зверьках, а также большим количеством зарисовок животных и растений.

С наступлением августа началась страдная пора — уборка урожая. Мы вставали на заре и ложились, когда было совсем темно. Но как я ни уставал к вечеру от полевых работ, я продолжал вести дневник своих приключений и наблюдений над природой.

На страницах дневника от 26 июня мною записано происшествие, которое чуть было не привело меня к гибели.

На юго-запад от Кербери, на расстоянии около трех миль, возвышается большой песчаный холм. Он выше всех холмов в окрестности, и на склонах его растут самые высокие ели. Поселенцы назвали его холмом Белых Лошадей, индейцы называли горой Буйволов.

Впервые я поднялся на вершину этого высокого холма и оглянулся. Вдали виднелась гора Черепах и несколько других высоких гор. На расстоянии семидесяти и даже ста миль они были отчетливо видны.

И вдруг неожиданно для себя совсем близко я увидел знаменитую равнину Кеннеди, глубоко врезавшуюся в темный лес. Всего одна миля разделяла нас, и я решил пройти к ней кратчайшим путем — напрямик.

Скоро я остановился перед большим болотом, которое преградило мне путь. Однако мне удалось без особого труда перейти его вброд. Пройдя небольшое расстояние лесом, я пришел к другому огромному болоту, которое суживалось по самой середине, словно канал между двумя широкими озерами.

Мне казалось, что именно в этом узком месте следует искать переправу.

Не впервые мне приходилось идти вброд через болото. Я вошел в воду, смешавшуюся с густой мутной жижей, и сразу погрузился до колен. Побрел дальше. Вот я и на середине пути. И вдруг почувствовал, что дно уходит куда-то. Ноги вязли в трясине, путались в корнях водорослей, все глубже и глубже меня затягивало болото. Вода поднялась до пояса, выше. Она подступила к локтям. Вот уже и плечи уходят под воду. Все

кончено. Спасения нет. Помощи ждать неоткуда.

И вдруг в эту минуту отчаяния, уже прощаясь с жизнью, я нащупал ногами дно и перестал погружаться. О счастье!

Вздохнув с облегчением, я вырвался из плена водорослей и поспешил к берегу, милому берегу, где я был в безопасности.

Глава XXI

СНОВА НА ВОСТОК!

В январе 1885 года я прибыл в Торонто и остановился у родителей.

Мне хотелось закончить здесь свою книгу «Птицы Манитобы» и, не откладывая в долгий ящик, сдать ее в печать. Я думал, что справлюсь с этой работой в месячный срок.

Целые дни я проводил за письменным столом, подбирая и систематизируя свои записи. Но чем больше я углублялся в работу, тем дальше отодвигался ее конец. Наступил август, а книга еще далеко не была закончена.

Между тем отец все настойчивее намекал мне, что пора устраиваться самостоятельно.

Итак, с горьким чувством я забрал свои рукопись и уехал в Нью-Йорк.

Прежде всего мне надо было найти пристанище, соответствующее моим скромным средствам. По опыту я знал, что в районе, примыкающем к старой торговой части города, легче всего найти дешевые комнаты. Особняки богатых людей были расположены далеко от этих шумных мест.

Размышляя таким образом, я стал спускаться вниз по Пятой авеню, пока не пришел к восточным кварталам Девятой улицы. Это был подходящий для меня район — бедный, но все-таки не трущобы.

Я стал заходить в каждую дверь, на которой была белая наклейка с надписью: «Сдаются комнаты».

В своей записной книжке я проставлял оценки по графам: хозяйка, комната, цена. Я осмотрел по меньшей мере тридцать комнат, и только одна из них имела отличную отметку по всем графам. Я договорился с хозяйкой, что буду платить ей еженедельно два доллара пять центов. Питаться я решил где-нибудь в другом месте, хотя здесь можно было устроиться на полном пансионе. Хозяева мои были люди хорошие, и неделю спустя, заработав немного денег, я решил у них и столоваться, что стоило мне вместе с платой за комнату шесть долларов в неделю.

По вечерам я встречался за ужином с молодежью моих лет — с девушками-стенографистками и молодыми людьми торговой профессии. В их веселой компании моя тоска по дому

рассеивалась.

Здесь я познакомился с юношей по имени Генри Стилл. Окончив среднюю школу, овладев стенографией и научившись писать на машинке, он приехал в Нью-Йорк искать счастья. Мы подружились с Генри и остались друзьями на всю жизнь. Прошло четыре года, и Генри Стилл стал заведующим отделом искусства одного из больших американских журналов.

Итак, я жил в своей мансарде. У меня не было друзей в Нью-Йорке, не было рекомендательных писем. Зато у меня был ящик с красками, альбом для рисования и бодрость духа.

Мне сказали, что в Центральном парке содержатся в неволе интересные звери. На следующий же день по приезде я отправился туда пешком. Расположившись напротив одного из загонов, я сделал зарисовку молодого виргинского оленя редкой разновидности. С этим рисунком в руках я зашел в редакцию журнала «Сенчури», которому тогда принадлежало ведущее место в периодической печати.

Заведующий отделом искусства Луис Фрезер встретил меня очень приветливо. Посмотрев внимательно на мой рисунок, он сказал:

— Так, так. К сожалению, я не видел этого зверя, но думаю, что сходство схвачено вами замечательно. Мне кажется, что нам удастся с вами сработаться.

После нескольких встреч Луис Фрезер дал мне заказ на тысячу рисунков, по пять долларов за каждый. Они должны были служить иллюстрациями для энциклопедического словаря «Сенчури», издаваемого этой же редакцией.

Теперь мне больше нечего было беспокоиться о заработке — я мог заработать в день столько, чтобы с излишком покрыть свои расходы за неделю.

Скоро произошло крупное событие в моей жизни: я стал посещать в Нью-Йорке знаменитый Музей естественной истории. В его стенах я познакомился в видными американскими орнитологами и другими замечательными учеными.

18 ноября в этом музее состоялась конференция американских орнитологов, и там я впервые встретился с Куэсом, автором с детства любимой мною книги. Два года спустя в этом же музее я познакомился с орнитологом Франком Чапманом, который вскоре стал куратором отдела птиц в музее и был ведущим орнитологом Америки на протяжении пятидесяти лет. Мы сразу почувствовали симпатию друг к другу, много работали вместе, участвовали в разных экспедициях по изучению птиц. Я иллюстрировал книгу Чапмана «Определитель птиц Америки» и по его просьбе часто делал зарисовки с натуры. Наша дружба

продолжалась всю жизнь.

В течение 1886 года я усердно работал над анималистическими рисунками для иллюстраций энциклопедического словаря «Сенчури» и для разных журналов. В этом же году я написал брошюру «Млекопитающие Манитобы», которая тогда же вышла в свет.

Но сердце снова рвалось к родным просторам Запада.

6 октября 1886 года я отправился на парусной лодке по Великим озерам, держа свой путь на запад, к порту Артур (в штате Онтарио) и дальше, к Лесному озеру. Я прожил в тех краях около месяца, коллекционируя птиц и млекопитающих. Там у меня были интересные встречи с индейцами, с их слов я записывал индейские названия птиц и зверей.

Потом меня потянуло к знакомым местам в Кербери.

В Кербери я остановился в «Комнатах для приезжающих» у моего старого друга Гордона Райта.

И вот снова началась сказка моей молодости, опять я в глуши знакомых лесов брожу по снежным следам птиц и зверей.

В том году было очень много зайцев. Даже неопытный охотник мог принести после одного-двух часов охоты двадцать-тридцать зайцев. Олени тоже встречались довольно часто, а куропатки — прямо на каждом шагу.

23 ноября был печальный, очень печальный для меня день.

Я вышел рано. Бродил один по холмам, покрытым глубоким снегом. В полдень я сделал привал в лощине, развел костер, вскипятил себе чаю и зажарил свиную грудинку. Мне было жарко, когда я остановился, а ветер свирепствовал даже в этом защищенном месте.

И вдруг я почувствовал острую боль в колене. А когда немного позже я стал собираться в путь, то я уже не мог разогнуть ногу. Каждое движение вызывало мучительную боль. Помощи ждать было неоткуда. Я должен был сам добраться домой или же умереть здесь.

И вот я двинулся, ковыляя на одной ноге и волоча другую. До дому было не больше пяти миль, а я шел пять часов, испытывая невыносимую боль при каждом шаге.

Пришлось вызвать местного врача. Он сказал, что у меня растяжение связок, и прописал лечение, которое мало помогало.

Только через несколько лет мне поставили правильный диагноз — у меня была острая форма подагры.

Так кончились мои далекие прогулки пешком по любимым местам. С этого печального дня мне приходилось ездить верхом на лошади или же плавать на лодке. Прошло долгих двадцать лет, во время которых я систематически лечился, и только тогда

утихли боли и я снова стал владеть ногой.

В январе я заехал в Торонто. Мать не хотела меня отпускать в Нью-Йорк и просила, чтобы я продолжал свои работы дома.

Как раз в это время мой брат Жозеф решил приобрести участок земли недалеко от Торонто и организовать там дачное хозяйство для местных жителей. Мне он предложил быть управляющим этого предприятия и обещал даже выстроить мастерскую, где я мог бы продолжать свою работу художника.

Брат купил большую ферму на берегу Онтарио. Кругом было много лесов, где протекали ручьи и стояли болота. Там обитало много птиц и диких зверей. Здесь я познакомился со многими героями своих будущи рассказов «Спрингфильдская лисица», «Рваное ушко», «Почему синицы сходят с ума дважды в год», «Песнь золотоголового дрозда» и других.

Я прожил здесь около трех лет. Но все больше и больше мною овладевала мысль, что если я действительно хочу стать настоящим художником, то жизнь моя должна протекать в других условиях.

Глава XXII

МОИ КАРТИНЫ

Осенью 1890 года я отправился в Париж, этот мировой центр искусства.

Первые дни я жил в гостинице и бродил одиноко по Парижу, чувствуя полную растерянность. Наконец я решил отыскать кого-нибудь из своих знакомых. В то время там жил известный американский художник Генри Мозлер. Заметив мое нервное состояние, в котором я находился, он сказал мне смеясь:

— Продолжайте свои скитания по Парижу. Поверьте, что сам воздух, вся обстановка этого города будут воспитывать вас как художника. Через год вы сами в этом убедитесь.

Я поселился на верхнем этаже «Отель де Юньон», где за тридцать франков в месяц можно было иметь хорошую комнату с услугами, и вскоре вступил в художественную школу.

Шумной и суетливой толпой показались мне студенты — шестьдесят человек в одном зале, каждый за своим мольбертом. Мне трудно было сосредоточить внимание на работе — все мне здесь мешало: и громкие разговоры, и грязные картины на стенах, пение и, как ни странно, игра на гитаре, хотя считалось, что студенты заняты своими мольбертами.

Прошло немного времени, и я узнал, что можно посещать школу только по утрам. Я не замедлил воспользоваться этой возможностью, а в свободное время днем стал ходить в зоологический сад — рисовать зверей с натуры.

Волки всегда были любимой темой моих рисунков. Среди прекрасных волков зоологического сада мне особенно понравился один, который обычно лежал в спящей позе на одном и том же месте. Казалось, он специально позировал для художника. На большом полотне я стал писать картину «Спящий волк».

Через месяц картина была готова. Я сделал для нее раму и отнес на выставку картин, которая каждую весну устраивалась в Большом художественном салоне.

В последний момент перед выставкой здесь, как обычно, собралась целая толпа художников, многие с кистями в руках спешили положить последние мазки на свои картины.

Нас американских художников, было около пятнадцати человек, и, конечно, никто не упустил случая представить на выставку свою картину. Среди нас был также и Роберт Генри. Имя

этого живописца пользовалось широкой известностью в Америке, в то время как меня знали только как иллюстратора. Я не знаю, как произошло, что картина Роберта Генри было отклонена жюри, а моя — «Спящий волк» — заняла почетное место на выставке.

Участники выставки получили приглашение на обед, а потом на вернисаж — закрытый показ выставки. Я провел Роберта Генри как своего гостя на торжественный обед, и мы вместе хорошо посмеялись над такой игрой фортуны.

Однажды я стоял в зале рядом со своей картиной и услышал рассказ, который волновал тогда весь Париж.

В Пиренейских горах, у южной границы Франции, все еще сохранилось некоторое количество старых французских волков. За последнее время несколько из них стали добычей охотника, который жил в уединенной хижине на краю леса. Как-то зимней ночью охотник не вернулся в хижину на ночлег. На следующий день люди по следам узнали, что волки растерзали охотника.

Я решил писать картину на тему этого рассказа, рассчитывая предложить ее на весеннюю выставку будущего года.

Прислушиваясь к советам моего друга художника Генри Мозлера, я сделал эскизы своей картины совсем маленького масштаба. Потом, считая, что для небольшой картины легче найти место на выставке, я решил писать ее на полотне два фута на четыре, но Мозлер сказал:

— Нет, сделайте ее большой. С вашим знанием волков и с той экспрессией, которую вы показали в эскизах, я не сомневаюсь, что она произведет большое впечатление. Маленькая картина будет менее выразительна.

Итак, я приобрел полотно размером четыре с половиной на семь футов и начал работать над картиной. Предварительная работа над отдельными деталями картины и ландшафтом для фона заняла у меня около дух месяцев. Тогда только я отважился писать на большом полотне, выйдя на арену боя, как гладиатор после длительной тренировки.

Но так как моя комната была слишком мала для работы над такой большой картиной, мне пришлось договориться с одним из своих товарищей, чтобы он уступил мне место в своей мастерской.

Через месяц картина была готова. Мои друзья предсказывали ей большой успех. Я хотел назвать ее «Волки отомстили», но один из моих друзей, француз, сказал:

— Нет, дайте ей другое название. Назовите ее «Напрасное ожидание». Посмотрите на заднем плане вашей картины видна хижина. Из трубы идет дым. Хозяйка готовит ужин, поджидая мужа. Но он все не идет. Что задержало его? Она выходит за

дверь и громко зовет его. Но ответа нет. Только один волк равнодушно поворачивает свою голову в сторону звука. В лесу полная тишина. Это название больше подчеркивает трагедию.

После некоторых размышлений я принял это название.

Весной 1892 года я доставил свою картину в Большой художественный салон. Через месяц я получил коротенькое официальное письмо, которое извещало, что жюри выставки отклонило мою картину. Это был очень тяжелый удар для меня.

Пока моя картина висела в Художественном салоне, мне не раз пришлось слышать такие замечания по ее адресу: «Ужасно!», «Жутко смотреть!», «Она оскорбляет человеческие чувства!», «Автор, видно, симпатизирует волку!»…

Лето я провел в Манитобе, а осенью уехал к родителям в Торонто. Тотчас после своего приезда я выписал сюда свою новую большую картину. Отец разрешил мне повесить ее в своем кабинете.

Очень скоро в городе поднялся шум. К нам зачастили газетные репортеры. Они приходили посмотреть на картину, а потом помещали в газетах длинные статьи.

Все больше и больше стало стекаться к нам зрителей, и в конце концов мне пришлось договориться о помещении в центре города, чтобы выставить картину.

Ежедневно здесь собиралось очень много людей; одни приходили от нее в ужас, другие — в восторг.

Как-то раз мой друг художник Джордж Рид привел на выставку красивую девушку. По ее наружности нетрудно было догадаться, что она индианка по происхождению. Джордж сказал мне:

— Послушай-ка, Эрнест, вот Полина Джонсон. Вам обязательно надо поближе познакомиться друг с другом.

Девушка схватила меня за обе руки и с оживлением заговорила:

— Я знаю, что мы сродни друг другу. Я ирокезка из Волчьего клана. По вашей картине я вижу, что в вас вселился дух волка. Сама судьба свела нас, чтобы вместе работать. Мое ирокезское имя Текахион-Уэк-е. Вы можете называть меня, как вам нравится.

Это было начало дружбы, которая длилась двадцать лет и прервалась только со смертью Текахион-Уэк-е.

В то лето должна была открыться Международная выставка в Чикаго. День открытия был назначен на 1 июня 1893 года. Всем художникам было предложено прислать на выставку ту картину, которую они считают лучшей. Я отослал в торонтскую секцию выставочного комитета свое большое полотно «Напрасное ожидание».

Большинством голосов картина была отклонена и здесь. Но, как я узнал, меня поддерживал председатель торонтской секции О'Бриен. Я воспользовался его добрым отношением и попросил, чтобы он написал письмо в газету.

Вот что он написал:

«У нас, к сожалению, достаточно набрано слащавой, маловыразительной мазни, и мне лично хотелось бы видеть смелую, мужественную манеру письма — вот такую, как в картине «Напрасное ожидание».

Не было газеты, которая не откликнулась бы на разыгравшийся скандал. В конце концов меня вызвали в Оттаву, с тем, чтобы я явился в департамент просвещения.

Вскоре после своего возвращения в Торонто, я получил коротенькое официальное письмо из выставочного комитета: «Пришлите свою картину».

Моя картина была препровождена в Чикаго и заняла одно из центральных мест экспозиции канадского сектора.

Теперь эта картина висит в художественной галерее моей виллы в поселке Сетон-Санта-Фе в Новой Мексике.

В начале 1895 года я задумал написать еще одну картину. В моем воображении она рисовалась так: лес, по свежему пути мчатся русские сани, а позади за ними гонится стая из двенадцати волков.

Я стал писать этюды каждого из двенадцати волков в отдельности, много работая над композицией картины и схемой красок.

Когда предварительная работа была закончена, я начал писать картину на большом полотне. Работа шла хорошо, и картина вскоре была готова. Назвал я ее «Погоня».

Жюри Парижского салона приняло у меня шесть этюдов, но большую картину отклонило. Вопреки этому она пользовалась большим успехом, и я слышал самые лестные отзывы со всех сторон.

Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, сам страстный охотник, остановился перед этим моим большим полотном и воскликнул:

— Я еще никогда не видел картины, где бы так прекрасно изображены были волки! Как бы мне хотелось приобрести ее!

— Почему же вы этого не сделаете? — поспешил спросить я.

— О, это мне далеко не по средствам, — ответил президент.

Рузвельт попросил меня сделать копию центральной части картины с изображением волка-вожака. Эта картина до сих пор висит в картинной галерее имени Теодора Рузвельта.

* * *

Приблизительно в это время я встретил одну американскую девушку, подругу моей юности. Она так же, как и я, приезжала в Париж, чтобы усовершенствоваться в живописи, так же, как и я, любила жить в прерии и мечтала вскоре вернуться туда. Мы вспомнили золотые дни юности и сговорились встретиться в родных краях. Я решил провести лето в Кербери, она хотела приехать в сентябре в город де-Винстон, где ее отец занимал пост американского консула в Канаде.

Итак, я приехал в Кербери и остановился в гостинице. Город разросся и сильно изменился. Большинство имен на вывесках были мне незнакомы. На платформе железнодорожной станции, где когда-то я знал каждого, я не увидел ни одного знакомого лица. Какая огромная перемена произошла всего лишь за десять лет.

Узнав, что семья моего друга Гордона Райта открыла гостиницу в центре города, я переехал жить к ним и отсюда начал свои экскурсии пешком или верхом на лошади.

Всюду теперь простиралась пашня. Дикая прерия с мириадами нежных ароматных цветов постепенно исчезала, местами уже совсем исчезла. Над ее просторами не звенела больше песнь миссурийского жаворонка, и я ни разу не видел квели-кулика, который в былые времена царил здесь.

Наш старый дом в де-Винтоне спрятался в тени деревьев, которые я посадил двенадцать лет назад.

Голые песчаные холмы, где раньше гулял ветер и только кое-где виднелись молодые сосенки, теперь оделись густым хвойным лесом. А миллионы маленьких озер от Виннипега до Скалистых гор так сильно измельчали, что на них совсем не стало видно уток. Они куда-то исчезли, наверное, улетели дальше на северо-запад. Да, много диких прелестных созданий покинули прерию.

И, несмотря на это, на каждом шагу я находил новую интересную тему для своего пера и карандаша. Не проходило дня, чтобы я не сделал новой зарисовки или же интересной фотографии. Я нарисовал двенадцать больших картин для научных трудов по биологии, издаваемых в Вашингтоне, что обеспечило меня материально на все лето.

Но мне было грустно. Меня тяготило то, что я связан в движениях — не то что в былые времена, когда я носился по

следам диких зверей с быстротой легкокрылой птицы. А теперь я с трудом ковылял на больной ноге или же ехал верхом на лошади. На каждом шагу я чувствовал, что радость юношеских дней ушла. И как хорошо я понимал теперь, почему умудренные жизнью старцы так высоко ценят юность!

Молодость, молодость, неиссякаемый источник счастья, за тебя человек готов отдать свою жизнь!

Глава XXIII

ЛОБО

В 1893 году мне пришлось несколько раз побывать в Нью-Йорке, и я не упускал случая навестить семью Фитца Рандольфа, с дочерью которого, Виргинией, мы познакомились в Париже.

Как-то раз отец девушки сказал:

— Если бы вы согласились поехать ко мне на ферму в Новую Мексику, близ Клейтона, и научили моих парней, как охотиться на волков, я взял бы на себя все расходы и предоставил бы в ваше распоряжение все волчьи шкуры.

Это предложение мне было очень кстати, и я охотно его принял. Работая над мелким рисунком по восемнадцати часов в сутки, я сильно переутомил глаза, и врачи настаивали, чтобы я бросил работу и поехал куда-нибудь отдохнуть.

Долина Куррумпо считалась лучшим скотоводческим районом близ Клейтона. Там всюду была сочная трава, хорошие водопои и тенистые рощи, где скот отдыхал в полуденную жару.

А где много скота, там много волков. Местные скотоводы сказали мне, что вожаком волчьей стаи был огромный волк необычайной силы и ума. Он был известен под именем Лобо.

Я решил охотиться на этого волка.

С двумя ковбоями, Билли Алленом и Чарли Уином, я выехал на телеге, направляясь к долине Куррумпо. Мы захватили с собой сотню больших капканов.

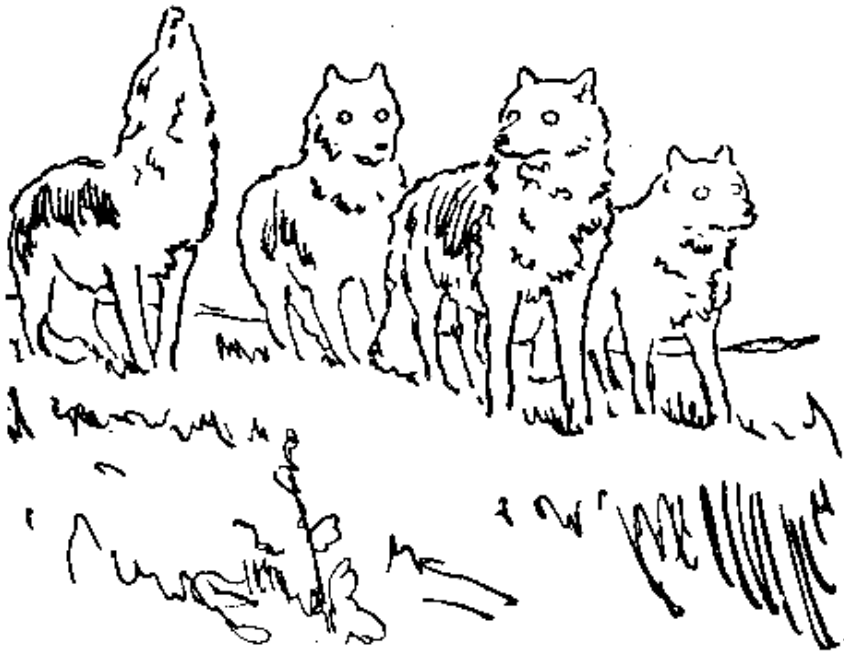
Расположились мы в старой заброшенной хижине. Я стал ежедневно выезжать на охоту.

С самого начала я понял, что мне не убить этого волка из ружья по той простой причине, что он никогда не попадался на глаза.

Лобо знал, что человек ходит с ружьем — страшным смертоносным оружием, против которого он был бессилен бороться, — и прятался целыми днями в холмах. Где именно мы не могли проследить. Но по ночам он выходил.

Мы всегда узнавали его по голосу. Его вой был на октаву ниже, чем у других волков. И когда этот вой раздавался над пропастью, один из ковбоев говорил:

— Вот он! Я узнаю его, где бы он ни появился. Это Лобо.



Мы пробовали стрелять из дверей нашей хижины по направлению этого воя — и в лучшем случае попадали в одну из коров. Волк же всегда скрывался, но потом появлялся в другом месте и выбирал себе добычу — лучшую из наших коров.

Когда я понял, что в охоте на этого волка ружье — бесполезное оружие, я стал обдумывать, как бы его поймать на отравленную приманку.

— Яд — это чепуха. Он лучше меня знает про все эти хитрости. Его этим не проведешь. Он и сам не пойдет на отравленную приманку и не позволит ни одному волку из своей стаи поддаться на обман. Мы уже проверяли это не раз.

Но я утешал себя тем, что у меня новые приспособления и, что, быть может, удастся заманить волка. Через месяц я убедился, что Лобо этим не возьмешь. Он с презрением разбрасывал приманки, загрязняя их волчьими нечистотами. О том, что это были проделки Лобо, я догадался по огромным следам — они были на целую треть больше отпечатков лап других волков.

Пришлось отказаться от этого способа охоты. Но я не унывал — у меня были еще капканы с мощной двойной пружиной. Не теряя времени, я расставил их по всем тропам, которые вели к водопою, и на перекрестках лощин. Мне уже приходилось охотиться этим способом. Я натер свежей кровью капканы и цепи, при помощи которых капканы были прикреплены к тяжелым деревянным чурбанам, натер также и подметки своих сапог и

кожаные перчатки. Я ни до чего не дотрагивался обнаженными руками. Капканы были расставлены на самой тропе и присыпаны землей по четыре капкана вместе на расстоянии одного фута друг от друга. Чурбаны клались по обе стороны тропы.

Все было готово и тщательно замаскировано, земля прикрыта дерном, тропа выглядела так же, как и раньше, даже трава росла на своем месте. Едва ли кто-нибудь мог догадаться, что здесь были спрятаны капканы. Наши собаки то и дело попадали в плен[6], и нам все время приходилось освобождать их.

Но старый волк сразу почувствовал опасность. Чуткий нос Лобо несомненно предупредил его, что впереди нечто подозрительное. Волк стал очень осторожно разрывать землю лапами. Случайно он обнаружил цепь. Теперь он знал, где находится капкан, знал, что это за опасность. Волк продолжал рыть землю, пока не подрыл капкан. Перевернул его и пошел себе дальше, к стаду, где закусил одной из лучших породистых коров. Конечно, он не мог съесть целую корову, это для Лобо было бы слишком много, его обед доедали койоты.

Такие штучки Лобо проделывал часто. В конце концов я заметил, что когда он приходил, то всегда останавливался, узнавал направление ветра, потом сходил с тропы и шел дальше по его направлению.

Это навело меня на новую мысль. Я расставил капканы по ту и другую сторону тропы — по три капкана с каждой стороны. Посередине я установил еще один. Таким образом, капканы были расположены, как начертание буквы Н. Я предполагал, что волк, почуяв опасность, повернет круто в сторону по направлению ветра и, конечно, попадет в один из боковых капканов. Я не мог ошибиться в своих расчетах, по крайней мере так мне казалось.

На следующую же ночь Лобо пришел. Он осторожно продвигался вниз по тропе. И здесь — я не знаю, что заставило его это сделать — он не свернул с тропы, как я предполагал, а осторожно попятился назад по собственным следам, пока не миновал опасное место. Потом, подойдя к капканам с наружной стороны сбоку, он стал разрывать землю задними лапами, совсем как собака, пока все чурбаны и камни не полетели в воздух и не спустили капканы. После этого он продолжил свой путь по направлению к стаду и выбрал себе к обеду еще одну чистопородную корову.

Я не знал, что делать. Я преследовал этого волка не две недели, как предполагал, а четыре месяца и был не ближе к цели, чем любой из ковбоев.

Некоторое время волки совсем не попадались мне на глаза. Но пастухи-мексиканцы не раз видели при свете костра, как они

рыскали в темноте ночи. Однажды один из пастухов сказал мне, что к стае прибавился новый волк — маленький и совершенно белый. Пастухи думали, что это волчица. Они назвали ее Бланка.

Я продолжал внимательно изучать волчьи следы. Следы, которые я замечал на земле за последнее время, не раз заставляли меня недоумевать. Вблизи капканов, часто впереди следов вожака, я находил очень маленькие отпечатки волчьих лап. Я ничего не мог понять и не знал, был ли здесь этот волк вместе со стаей или же нет.

Но скоро один из ковбоев пришел и сказал:

— Я видел всю банду сегодня среди белого дня. А маленькая озорница, которая не боится вожака, — это белая волчица, та самая, которую мексиканцы прозвали Бланкой.

Вот оно что! — воскликнул я. — Ну погоди, дружище Лобо, теперь я знаю, чем тебя взять.

Я заколол телку недалеко от нашей хижины и оставил ее там для приманки. Вокруг туши я расставил четыре капканы, тщательно соблюдая все меры предосторожности. Но голову я отрубил и оттащил в сторону на двадцать пять ярдов. Здесь я поставил еще два капкана, привязал к ним голову телки и тщательно, как только мог, все замаскировал: присыпал землей, покрыл сверху дерном, посадил кактусы на их прежнее место так, что все выглядело, как и раньше. Потом взял лапу койота и сделал ею следы вокруг головы, чтобы провести старого серого волка и заманить его сюда.

На рассвете я пришел посмотреть, что произошло за ночь. К моей большой радости, я увидел, что головы не было, ее кто-то утащил.

Я стал всматриваться в следы, и скоро для меня все было ясно. Здесь был Лобо, в этом я не сомневался. Соблазнительный запах свежего мяса заставил его пройтись вокруг туши; как всегда осторожный, он держался на безопасном расстоянии. Вот он обнаружил капкан, и вся стая попятилась назад. Все волки повиновались вожаку, за исключением одного — самого маленького, по-видимому, волчицы. Она отбежала в сторону, чтобы рассмотреть, что это там за черный предмет — голова. Одной ногой она попала в капкан и так и ушла с защемленной головой, волоча за собой голову телки.

Я вскочил на коня, Аллен на своего, и мы поскакали по следам так быстро, как только могли.

Не проехали мы и мили, как увидели маленькую волчицу. Это была Бланка. С ней был Лобо. Он бежал рядом. Он не покинул волчицу в беде.

Но когда волк увидел, что приближаются вооруженные люди,

против которых он был бессилен бороться, он направился по крутому склону в горы. Он звал Бланку идти за собой. И она двинулась по его следам и бежала до тех пор, пока голова телки не зацепилась рогами за скалу. Это заставило волчицу остановиться. Она повернулась в нашу сторону. Как раз в этот момент взошло солнце и осветило ее. Только теперь я увидел Бланку во всей ее красе. Она была совершенно белая как снег. Я достал фотоаппарат и снял ее. А потом — теперь мне кажется это жестоким — мы набросили лассо ей на шею. Наши лошади рванулись вперед и затянули веревку.

Я положил Бланку поперек своего седла и поскакал к хижине. Кажется, еще никогда в жизни я не испытывал такого торжества, как в тот момент. За все эти годы еще никому не удалось убить ни одного волка из этой стаи. Мне принадлежала первая добыча.

В течение всего этого дня с вершины скалы доносился к нам призывный крик Лобо. Он все звал, звал и звал. Но теперь это не был воинственный призыв вожака — в его голосе звучала тоска.

А когда наступила ночь, Лобо спустился с горы, Мы узнали это по приближающимся звукам его голоса. Вот он подошел к месту, где погибла Бланка, и тогда раздался заунывный, тоскливый вой. Казалось, теперь он знал все.

— Черт побери, — сказал один из ковбоев, — я не знал, что волк может так тосковать.

Потом старый волк пошел по следам наших лошадей. Я не знаю — для того ли, чтобы отомстить нам, или же он хотел найти волчицу.

Около десяти часов вечера послышался лай нашей собаки. Она бросилась к дверям хижины. Я вышел, чтобы впустить ее, но собаки не было. Я звал ее, но она не пришла. На следующее утро я узнал, почему она не пришла на мой зов. Лобо схватил ее, поволок за собой и растерзал на части тут же, недалеко.

Старый волк пришел один в ту ночь — я узнал это по следам — и вел себя крайне неосторожно, вопреки обычной своей выдержке.

Теперь для меня не оставалось сомнений, что Бланка была его подругой. Я понимал также, что, для того, чтобы уберечь скот, надо срочно принять решительные меры сейчас, пока волк находится в состоянии тоски.

Мы проработали втроем весь день, устанавливая по четыре капкана вместе на каждой тропе, которая вела к ущелью. Когда все уже было замаскировано, я взял лапу Бланки и сделал ею отпечатки на земле всюду, где были капканы, словно это были ее следы.

В ту ночь мы не услышали ничего нового. На следующий день

я сел на лошадь и поехал посмотреть, не произошло ли чего около капканов. Но ничего интересного не заметил. За ужином я спросил одного из наших парней:

— Ты сегодня был у Северного ущелья?

— Нет, — ответил он, — я не был там, но час назад слышал странное смятение в стаде, которое пасется там.

На рассвете следующего дня я отправился к Северному ущелью. И как только я подъехал к месту, где были расставлены капканы, я увидел, что там лежит Лобо. Он напал на след, который я сделал лапой Бланки. Он думал, что это ее след, что она где-то тут впереди, что он скоро найдет ее.

И вот он лежал совсем беспомощный, запутавшись в цепях, с капканом на каждой ноге.

А в стороне, сохраняя безопасное расстояние, ревел и метался скот, словно торжествуя и радуясь гибели тирана. Но никто не смел подойти близко.

Когда Лобо увидел меня, раздался его громкий, тревожный призыв, как будто он кричал своей стае: «Сюда, на помощь!»

Но никто не пришел.

Тогда он хотел наброситься на меня, но был скован в движениях — его держали капканы и цепи. Обессиленный и беспомощный, Лобо опустился на землю.

— Эх ты, старый разбойник, замечательный зверь! Мне жаль тебя, но я не могу поступить иначе.

Я взмахнул лассо.

Но не успела петля лассо опуститься на шею волка, как он схватил ее зубами и разгрыз надвое. Потом он посмотрел на меня, словно хотел сказать: «Ну, теперь попробуй еще что-нибудь».

Со мной было ружье.

Пристрелить? Нет, не надо.

Я поехал в лагерь, захватил другое лассо. Скоро вернулся обратно. На этот раз меня сопровождал Аллен.

Теперь я бросил волку толстую палку, и прежде чем он успел выпустить ее, мы оба набросили ему на шею лассо. Наши лошади знали свое дело.

Петля затянулась на шее Лобо. Еще минута, и его глаза начали тускнеть.

— Назад! — вдруг вырвалось у меня. — Осади лошадь. Мне хочется его взять живым.

Мы просунули палку между челюстями волка и крепко обмотали пасть веревками.

Теперь Лобо был совсем обезоружен.

Он перестал сопротивляться. Но на меня он больше ни разу

не взглянул. Его взгляд скользил куда-то мимо меня. Он вел себя так, словно был один в прерии.

Мы связали его веревками, освободили из капканов и положили поперек моего седла.

Аллен шел с одной стороны, я — с другой. Так мы доставили его к хижине.

Дома я надел ему на шею ошейник и привязал в поле на цепи. Поблизости я расставил капканы, так как предполагал, что он будет звать волков из своей стаи и что ни достанутся нам в добычу.

Но я ошибся. Лобо позвал их на помощь один раз. Никто не отозвался. Больше он не стал звать.

Я вынес ему мяса и воды, зная, что он голоден и хочет пить. Но он даже не взглянул в ту сторону. Я слегка подтолкнул его, чтобы привлечь внимание, но он отвернулся. Он не смотрел на меня, а глядел вдаль, туда, где ущелье ведет в горы и расстилаются широкие поля — его поля, где он так долго царил.

Так он пролежал до заката солнца.

Когда я пришел к нему вечером, перед тем как ложиться спать, его глаза были совсем ясные.

Но мы знаем, что лев, потерявший свою силу, орел в неволе, голубь в разлуке с голубкой — все они умирают от тоски. Едва ли можно было ожидать, что сердце Лобо выдержит все страдания, которые выпали на его долю сразу.

Я знаю только одно: когда занялась заря, Лобо лежал в том же положении, как я оставил его накануне, — голова покоилась на лапах, глаза были обращены к ущелью. Но искра жизни угасла в нем — старый Лобо умер.

Я освободил его с цепи, снял ошейник. Ковбои пришли помочь мне. И как только мы подняли его тело, к нам донесся с ближней горы протяжный заунывный вой волков. Быть может, они просто выли от голода, выйдя на охоту, но в тот момент мне показалось, что они прощались с Лобо.

Мы отнесли труп Лобо под навес, где лежало тело Бланки — его Бланки, и положили их рядом.

Ковбой сказал:

— Ты все искал ее — ну вот, теперь вы снова вместе.

Глава XXIV

МОИ КНИГИ

Мой старый друг Генри Стилл заведовал отделом художественного оформления книг при издательстве «Чарлз Скрибнер и сыновья». Стилл познакомил меня с издателем Кимбалом и со многими видными людьми литературного мира.

В то время в Нью-Йорк приехал Джемс Барри, шотландский писатель, и Кимбал устроил в его честь обед в одном из фешенебельных клубов Нью-Йорка. Среди приглашенных был также и будущий президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт[7].

Чтобы привлечь ко мне внимание присутствующих, Стилл заставил меня выступить с рассказами о волках. Я был в ударе в тот день и прочитал сперва один рассказ, а потом второй. Особенно горячо аплодировал мне Теодор Рузвельт, сам страстный охотник.

Потом он подошел ко мне и сказал:

— Я хочу, чтобы вы пообедали со мной в один из ближайших дней.

Обед состоялся в клубе «Метрополитен», где я снова с большим успехом выступал, читая свои рассказы о животных.

Если писатель написал серию рассказов, которые были напечатаны в журналах и привлекли к себе внимание читателей, естественно, что следующим шагом его будет издание сборника этих рассказов.

Я подобрал восемь рассказов с мыслью об издании сборника: «Лобо», «Спрингфильдская лисица», «Мустанг-иноходец», «Вулли», «Красношейка», приложил к ним свои иллюстрации и отнес в издательство «Скрибнер и сыновья».

Редактор одобрил мои рассказы. Тогда я пошел к самому Скрибнеру, чтобы окончательно договориться.

Скрибнер начал с того, что стал жаловаться на огромный риск, с которым связано издательское дело, и уверял, что большинство книг — это сплошной убыток, о чем никогда не следует забывать при заключении договора. Ввиду всего этого десять процентов от продажной цены книги и еще небольшой дополнительный гонорар за иллюстрации — вот все, что он может предложить.

— Сколько экземпляров нужно вам продать, чтобы покрыть

издательские расходы? — спросил я.

— Не менее двух тысяч экземпляров, — ответил Скрибнер.

Тогда я выступил со своими условиями:

— Мне хочется вам сказать, что в не моих интересах бросить эту книгу в одну кучу с сотней других новых книг. Я буду говорить о своей книге, буду выступать со своими рассказами перед собранием читателей в различных городах, и ее охотно будут покупать. Попутно я буду устраивать выставки своих иллюстраций. Я настолько уверен в успехе этой книги, что не возьму с вас ни одного цента с продажи первых двух тысяч экземпляров, однако ставлю условием, что вы будете мне платить не десять процентов, как предлагаете, а двадцать с вырученной суммы при дальнейшей продаже.

Мои условия были приняты, договор подписан. Книга вышла в свет 20 октября 1898 года под заглавием «Мои дикие друзья»[8]. Ее успех превзошел всякие ожидания — в короткое время она разошлась в нескольких изданиях.

Нет сомнения, что эта книга положила начало новому, реалистическому направлению в литературе о животных. В ней впервые правдиво обрисовано поведение животных.

До сих пор были известны только басни, сказки о животных и такие рассказы, где животные разговаривают и ведут себя, словно люди, переодетые в шкуры зверей.

Американский писатель Кларенс Хокс подарил мне свою книгу с надписью:

«Эрнесту Сетон-Томпсону — другу и брату-естествоиспытателю, чье творчество осветило путь новой школе писателей-натуралистов и заставило десятки тысяч людей полюбить дикую природу».

Вслед за первым сборником появились в печати и другие мои книги: «Судьба гонимых», «Животные-герои», «Биография медведя», «Мустанг-иноходец» и другие.

Книги выходили в свет, лишь только я успевал написать их и проиллюстрировать. Мои читатели хотели видеть автора. Один из клубов Нью-Йорка просил меня выступить, предложив гонорар в сто долларов. Я принял это предложение и приятно провел час, читая свои рассказы или же, выражаясь на языке своих слушателей, «оборачиваясь в животных». От природы я одарен сильным голосом и умением держаться на сцене. Совершенно непроизвольно я изображал животных в лицах, как актер. Мой друг, которому я подарил рассказ «Лобо», сказал мне:

— Сетон, ты можешь выступать с этим рассказом сколько твоей душе угодно. И пока одно поколение вырастет, другое уже

будет готово слушать тебя.

Мой друг был прав — я до сих пор выступаю с этим рассказом, так же как и с десятком других.

Со всех концов Америки поступали мне предложения выступать перед читателями. В конце концов эта переписка выросла до грандиозных размеров и тяготила меня.

В один прекрасный день совершенно неожиданно для себя я был освобожден от этих хлопот и труда. Вот как это произошло. Майор Джемс Понд, известный организатор лекций, который устраивал выступления Марку Твену и ряду других знаменитостей Америки, как-то пришел послушать, как я выступаю.

В перерыве он подошел ко мне и сказал:

— Ну, доложу я вам, вы для меня находка — мы сможем с вами большие дела делать, если вам только угодно.

После небольшого разговора он предложил мне следующее:

— Я оплачу вам все расходы, дорогу, гостиницу, афиши, волшебный фонарь, зал и приглашу человека, который будет исполнять обязанности вашего секретаря и помощника, и прошу вас выступать с вашими рассказами два раза в день пять дней в неделю за вознаграждение в шестьсот долларов в неделю. Срок предлагаемого договора — двадцать недель до Нового года и десять недель после Нового года.

Я без колебаний принял эти условия, и мы проработали вместе несколько лет. Смерть майора Понда прервала наше сотрудничество.

Если описать все смешные приключения и злоключения на пути моих странствований, рассказать о вечно спешке, в которой я жил, стараясь попасть в назначенное время, несмотря на пургу и усталость, если описать все это, получилась бы довольно-таки толстая книга.

* * *

Уже давно я взял за правило отправляться дважды в год в дикие края и проводить там по нескольку месяцев. Мне не всегда удавалось выполнить эту программу, но я делал все, что зависело от меня, и неизменно получал массу новых интересных впечатлений.

Осенью 1898 года я отправился через горные возвышенности в долину реки Ветров Винд-Ривер, которая протекает в штате

Вайоминг.

Здесь у меня было интересное приключение, о котором мне хочется рассказать.

Это было 1 октября. Я выехал из лагеря в 8 часов утра. Холмы были окутаны пушистым покровом снега. Снег продолжал идти и идти. Он заволакивал дали, и мне трудно было замечать свой путь.

Я проехал уже около двух миль в северном направлении, когда заметил, старые следы лося. На расстоянии мили они шли на север, потом повернули на восток. Я проехал еще две мили по этим следам. Потом они повернули на юг и пересекли реку — мелкий каменистый ручей, еще не скованный льдом, затем вверх по ручью и в лес. И здесь вдруг я увидел место, где, по-видимому, отдыхал этот лось, и совсем недалеко два ложа меньших размеров, наверное двух самок. Следы были совсем свежие. Наверное, лоси в тревоге сорвались с места, услышав шорох моих шагов. Но вряд ли они далеко убежали. Было очевидно, что почуять меня лоси не могли, потому что ветер дул в мою сторону. Вряд ли они и увидели меня. Я думал, что лоси скоро вернутся обратно.

Один след шел по открытому месту, вниз по склону холма, другой — вверх, на вершину холма, поросшего лесом. Я повернул и поскакал вниз. И не ошибся. Огромный лось был здесь. Он высоко поднял голову, видно, почуяв меня, и насторожился. Было слишком темно, чтобы сфотографировать этого красивого зверя. А убивать лося мне не хотелось. Итак, я крикнул ему:

— Хуун!

Он повернулся и умчался вдаль за тридевять земель.

Вслед за этим я вынул свой карандаш и бумагу и стал зарисовывать то место, где в снегу отдыхали три лося.

Вдруг я заметил с удивлением, что рисую на серой бумаге, в то время как мне казалось, что у меня был белый блокнот. Я стал всматриваться и тогда только убедился, что бумага и на самом деле была белая, но в сумерках она мне показалась серой, так же и все вокруг.

Собрав второпях свои художественные принадлежности, я вскочил на лошадь. Я не имел понятия о том, сколько миль отделяло меня от лагеря, так же как и не знал, как туда лучше добраться. Возвращаться тропой, которая привела меня сюда, было неразумно, потому что я сделал много зигзагов, скача по следам лося. Да и все равно мне не найти своих следов — снег шел весь день и заметал все следы.

Не теряя больше времени на размышления, я решил ехать напрямик к лагерю. Я не сомневался, что выбранный мною путь

был наикратчайшим. В благодушном настроении скакал я полчаса. Наконец я снова у береги реки.

Но каково же было мое удивление, когда я заметил, что эта река теперь текла в противоположную сторону!

О ужас! Каждый, кому приходилось странствовать по глухим, безлюдным местам, знает, что это означает. Река не может сбиться с пути. Значит, путешественник заблудился.

Мысленно я стал проверять направление своего пути, но чем больше я размышлял, тем больше становился в тупик. Снежные облака заслоняли солнце весь день, и у меня не было возможности ориентироваться.

И тогда меня охватило цепенящее чувство страха. Но тут же я овладел собой и сказал себе то, что всегда говорил другим: «У заблудившегося человека три врага: голод, холод и последний, самый ужасный — страх. Не бойся и все будет хорошо. Инстинкт охотника подсказывает тебе, что лагерь лежит вон там, по направлению этого холма, где виднеются сосны, и дальше за ним — по прямой».

Я уже собрался скакать этим путем, когда другая мысль пришла мне в голову: «Да ведь со мною друг, который знает про все это больше меня, — моя лошадь. Она знает все, мне надо лишь спросить ее». И я спросил.

Как я это сделал?

Я повернул своего коня хвостом к холму, поросшему соснами, и отскакал в противоположную сторону по ровному месту. Опустил поводья и сидел совсем тихо, не шевелясь, не произнося ни звука.

Конь тут же повернул и поскакал по направлению к холму с соснами.

Я поскакал к другому месту и снова повернул его хвостом к лесистому холму.

Еще раз он сделал полный оборот и поскакал тем же путем.

Тогда я сказал: «Итак, все решено. Мне совершенно безразлично, если эта сумасшедшая река вздумает даже течь вверх по сосне — пусть себя течет, меня это не касается. Я поеду своей дорогой — по направлению к холму с соснами».

Я поскакал в этом направлении и через час благополучно вернулся в лагерь. Здесь выяснилось, почему эта странная река текла вопреки всем законам природы против своего течения. Оказалось, что я попал к берегам совсем другой реки, о которой раньше ничего не знал.

Глава XXV

ДЖОН БЕРРОУС

Как-то раз, когда я был еще в Лондоне и, как всегда, вечером зашел в библиотеку при Британском музее, библиотекарь протянул мне книгу и сказал:

— Вот произведение американского писателя, которое должно понравиться вам.

Это была новая книга Джона Берроуса «Летнее путешествие». Я прочел ее с напряженным вниманием и с непередаваемой радостью. С тех пор Джон Берроус стал одним из моих идеалов.

Прошло много лет. Я уже сам стал писателем. Мои рассказы, появившиеся в печати, вызвали оживленные толки в литературных кругах. Ричард Гильдер, издатель журнала «Сенчури», решил во что бы то ни стало познакомить меня с Джоном Берроусом и пригласил нас двоих к себе в гости.

Это был памятный для меня день. Я смотрел с восхищением на прекрасное лицо Джона Берроуса и думал про себя, как оно хорошо гармонирует с классической красотой его произведений. Со мной он был холодно вежлив. Я не упрекал его за это. Мне даже казалось естественным, что прославленный писатель ведет себя так по отношению к своему младшему собрату. Мои же чувства к нему были — преклонение и глубокое уважение.

Прошло немного времени, и к моему несказанному удивлению, Джон Берроус вдруг обрушился на меня и одного из моих юных товарищей по работе с чрезвычайно резкой и несправедливой критикой на страницах журнала «Атлантик Монсли». Настолько несправедлива и несдержанна была эта длинная статья, что мне непонятно было, как редакция журнала пропустила ее в печать.

Сразу же, как только я прочел статью, я сказал своему другу:

— На такие вещи не следует отвечать.

Потом ко мне стали приходить письма и телеграммы от моих друзей-писателей и ученых. Все они в один голос говорили: «Не отвечайте ни слова на эти несправедливые нападки, по крайней мере сейчас».

Газетные репортеры осаждали меня в надежде получить сенсационную статью.

Я же отвечал всем и каждому:

— Мне нечего сказать.

Я говорил это с усмешкой, затаив в сердце боль.

Потом произошло любопытное событие.

Андрю Карнеги устраивал званый обед для пятидесяти выдающихся писателей Нью-Йорка. Хамлин Гарланд и Кларенс Стедман — из числа приглашенных — заехали за мной, чтобы отправиться на банкет всем вместе.

Хамлин прежде всего спросил:

— Что ты предпринимаешь по поводу нападения дяди Джона?

— Ничего, — ответил я.

— Как это ничего?!

— Очень просто: критика слишком резка и тем самым опровергает себя.

— Вот это хорошо! — не унимался Хамлин Гарланд, и его поддерживал Стедман. — Все это хорошо, если рассуждать вообще, и, может быть, сошло бы в том случае, если бы дядя Джон был никем, но ведь всем известно, что он восседает на Олимпе, и то, что он скажет, облетит весь мир. Кто-то должен на это ответить — он напал так нехорошо, так жестоко. Хочешь, я возьму это на себя?

— Это твое дело. Поступай как знаешь. Я же остаюсь при своей точке зрения и не хочу тебя на это уполномочивать, так же как и сам не буду ничего предпринимать. В конце концов победа все-таки будет на моей стороне.

Мы продолжали толковать, пока наша машина не остановилась перед подъездом особняка Карнеги на углу Пятой авеню и Девяносто первой улицы.

Поздоровавшись с хозяйкой и хозяином дома, я заметил в глубине зала небольшую группу людей, оживленно о чем-то беседовавших. Все они были совсем седые. Это были Марк Твен, Вильям Дин Хауэльс и Джон Берроус. Как я потом узнал, они говорили обо мне. Я повернулся к Гарланду и сказал:

— Ну, дружище Хамлин, теперь я иду в атаку. Оставайся здесь и посмотри, что выйдет.

Я подошел к группе беседовавших и приветствовал их общим поклоном. Со всеми тремя я был уже давно знаком.

Хауэльс и Марк Твен дружественно пожали мне руку. Берроус же повернулся спиной и стал притворно внимательно рассматривать какую-то небольшую картину на стене.

Я подошел к нему и сказал:

— Бросьте, дядя Джон, зачем нам в прятки играть?

Хауэльс, мягкий и кроткий человек, испугался, что разыграется скандал, и поспешил уйти. Марк Твен задорно поднял голову, весь обратившись в слух.

Берроус понял, что путь к отступлению отрезан. Он сильно покраснел и произнес, запинаясь:

— Послушайте, Сетон, надеюсь, вы не принимаете это за личную обиду и не сердитесь на меня?

— Я не понимаю, о чем, собственно, речь идет.

— Ну да, как же! Ведь вы знаете?

— О чем я знаю? — как ни в чем не бывало спросил я.

— Знаете о том, что я раздраконил вас в Атлантик Монсли».

— На самом деле?

Берроус продолжал:

— Поверьте, что там не было ничего личного, это просто критика академического характера.

— Я крайне удивлен…

Не успел я докончить фразу, как ко мне подошел хозяин дома, мистер Карнеги, взял меня под руку, сказав, что хочет меня с кем-то познакомить, и отвел в противоположный конец зала.

Я воспользовался удобным случаем и спросил:

— Мистер Карнеги, где будет мое место за обеденным столом?

Он показал на восточный конец стола.

— А где будет сидеть Джон Берроус?

Карнеги показал на запад.

Я запротестовал:

— Нет, нет, посадите нас, пожалуйста, рядом, и вы увидите, как все забавно выйдет.

— Вот тебе и на! Уж этого я никак не ожидал. Ну что ж, пусть будет по-вашему.

С этими словами Карнеги переложил карточку с моим именем на другое место. Я сел рядом с дядей Джоном. Внимание всех было обращено на нас.

Берроус нервничал, я же овладел собой и спокойно, как только мог, спросил его:

— Мистер Берроус, изучали ли вы когда-нибудь жизнь и поведение волков?

— Нет.

— Охотились ли вы когда-нибудь на волков?

— Нет.

— Фотографировали ли вы или же рисовали волков с натуры?

— Нет.

— Снимали ли когда-нибудь шкуру с волка?

— Нет.

— Видели ли вы когда-нибудь дикого волка на свободе?

— Нет.

— Тогда скажите мне, по какому праву вы обрушились на меня с такой жестокой критикой?

Берроус покраснел и сказал:

— Существую общие биологические законы, которые применимы в равной мере ко всем животным.

— Мне хотелось бы вам сказать следующее: я стреляный воробей и мне ваша критика не страшна. Но что заставило вас так жестоко обрушиться на юного Лонга? Для него это трагедия, которая может быть чревата очень серьезными последствиями, и, если с ним что-нибудь случится, пеняйте на себя.

Джон Берроус был так взволнован, что на глазах у него появились слезы.

Одним из результатов этого разговора было появление в журнале «Атлантик Монсли» статьи Джона Берроуса, в которой говорилось:

«Некоторые из наших писателей-натуралистов сухи, слишком строго придерживаясь научной истины, другие сентиментальны, иные сенсационны, и только немногие из них действительно стоят на высоте. Мистер Сетон-Томпсон как художник и рассказчик просто великолепен».

Вскоре я получил приглашение от Джона Берроуса приехать к нему погостить в его усадьбу на берегу Гудзона. Там у нас наладились дружественные отношения. Я в свою очередь пригласил его к себе в имение «Кок-Коб» в штате Коннектикут.

Я встретил гостя на станции железной дороги и повез его на автомобиле дорогой, которая шла через лес — мой лес! Мне было приятно слышать его восклицания удивления и восторга.

Но когда я показал Джону Берроусу свою библиотеку, в которой насчитывалось около пяти тысяч книг, альбомы в двумястами фотографиями животных, мною снятых, музей с тысячью шкур различных млекопитающих и двумя тысячами птичьих шкурок, тысячу зарисовок зверей и птиц и, наконец, дневник — тридцать толстых томов, содержащих подробные описания моих путешествий и наблюдений за тридцать лет жизни, он был окончательно покорен.

Президент Теодор Рузвельт, услышав о моем столкновении с Джоном Берроусом, как-то сказал мне:

— Ведь никто не знает, на какой огромный фактический материал вы опираетесь в ваших рассказах. Вам необходимо опубликовать его.

Я сел за работу, и через четыре года вышла в свет моя научная работа «Жизнь северных зверей» в двух больших томах. За эту книгу мне была присуждена золотая «Медаль костра». Но книга была лишь провозвестником большого научного труда,

который вышел в свет лишь десять лет спустя под заглавием «Жизнь диких зверей» в четырех больших томах.

На этот раз мне присуждена золотая медаль имени Берроуса и золотая медаль «Эллиот» Национального научного институа. Это высшая награда, которую можно получить за научный труд в Америке.

На востоке Америки я достиг славы и богатства. Но зов Дикого Запада по-прежнему волновал мое сердце.

В 1930 году я переехал жить на западную окраину Америки — в Новую Мексику, где до сих пор живут первобытной жизнью индейцы, где Рио-Гранде прокладывает себе путь через Скалистые горы, стремясь выйти к морю.

Здесь, в своей вилле недалеко от Санта-Фе, я закончил писать эту книгу в 1940 году, когда мне исполнилось уже восемьдесят лет.

notes

1

С тех пор как написаны эти строки, бедствия от комаров значительно уменьшились благодаря работе человека над осушением болот.

2

Квели — народное название канадского кулика-бартралиса.

3

Уиллет — крупный серый кулик, обитающий в Северной Америке. Назван так по созвучию его песни: «пилин-уил-уил-лет».

4

Латинское название этой птички — зонотрихиа-альбиколлис.

5

Кинни-киник — смесь из сухих листьев и древесной коры, которую индейцы употребляют для курения.

Эти капканы не убивали, они только цепко схватывали животное за ноги.

7

Теодор Рузвельт занял пост президента США в 1901 году.

8

В русских изданиях название этой книги иногда переводилось «Животные, которых я знал». (Примечание редакции).